
Аф. Кузнецов
ТАЙНА
РИМСКОГО
САРКОФАГА

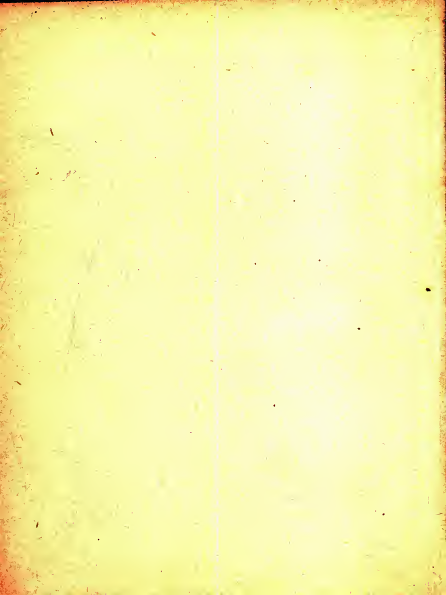

Аф. Кузнецов

ТАЙНА РИМСКОГО САРКОФАГА

Средне-Уральское Книжное
Издательство
Свердловск · 1965

ЗА СТЕНАМИ РИМА

Есть у меня друг — молодой инженер одного из свердловских заводов — человек весьма любознательный и живой. Почти все свободное время он проводит в музеях и библиотеках, листая древние фолианты, подшивки старых газет и журналов. И надо видеть, как сияют его глаза, когда ему удается раскопать какой-нибудь интересный факт! С восторгом рассказывает он о каждой своей находке, и в его изложении любое событие становится выпуклым, ярким, приобретая особое, романтическое звучание.

Узнав, что я еду по туристической путевке в Италию, он пришел ко мне однажды вечером, держа в руках хорошо знакомую мне коричневую папку. Я понял: принес что-то интересное. Глаза выдавали его нетерпение.

— Смотри!

Он протянул мне газетную вырезку.

Это была статья из «Комсомольской правды» — «Русский из отряда «Бандьера росса».

— Ты читай, читай! — поторопил меня друг.

Автор, инженер А. Авдеев, рассказывал о посещении братских могил в Ардеатинских пещерах близ Рима. Там на саркофаге № 329 прочел он русскую фамилию: «Кулишкин Алексей». А позднее от пожилого служителя узнал историю, ставшую легендой.

Вместе с тремясгами тридцатью четырьмя итальянцами Кулишкин был расстрелян фашистами в Ардеатинских пещерах.

Вот как описывал автор этот трагический момент:

«Руки Алексея были крепко стянуты за спиной. Рядом с ним стоял партизан Галафати. Кругом гремели выстрелы, Алексей повернулся и шагнул к гитлеровцам.

— Хальт!

Кулишкин изогнулся и прыгнул на автоматчика. Удар головой пришелся фашисту в живот. Немец упал и с дикими воплями покатился вниз, к провалу. Собрав последние силы, Алексей прыгнул на фашиста и увлек за собой»...

— Ну, что ты скажешь? — спросил друг.

Я молчал.

— Ты же едешь в Италию. Непременно побывай в пещерах и поклонись этому саркофагу. А, может быть, тебе удастся узнать подробности из жизни Кулишкина — кто он, из каких краев, где жил до войны?..

Мы расстались... Уже перед самым моим отъездом на вокзал он позвонил мне и, волнуясь, сказал:

— Слушай, я узнал такое, такое...

Что ж, ведь он всегда что-нибудь да «узнавал такое, такое...» В другое время я обязательно выслушал бы его, наверное, пригласил бы к себе поболтать, но тут...

— Мне некогда, дружище,— сказал я.— Через час отходит поезд.

— Ну, ладно.— Он помедлил.— Езжай! А вернешься — все расскажу. И не забудь: Ардеатинские пещеры, саркофаг номер триста двадцать девять!..

В трубке щелкнуло, раздались короткие гудки...

Разве знал я, что новость, которую хотел рассказать мне друг перед моим отъездом в Италию, имела прямое отношение к событиям, которые произошли 23 марта 1944 года на одной из улиц Рима. Но я его тогда не дослушал.

...И вот мы в Италии.

Какова она, родина великого Леонардо да Винчи, бессмертного Рафаэля, божественного Данте?..

В волнении смотрим мы на воспетое тысячами поэтов ясное бирюзовое небо, наблюдаем противоречивую пестроту жизни сегодняшней Италии.

Рим!.. Когда произносишь это слово, в памяти возникает Рим эпохи цезарей, Рим первых христиан, Рим Борджиа, Рим-музей, скопивший в своих многовековых стенах великие сокровища истории и искусства, Рим Спартака и Гарибальди...

Вокруг шумел большой современный город. Полицейские на мотоциклах и автомашинах с автоматами и винтовками в руках, монахи и монахини на мотороллерах... Газетчики выкрикивают: «Уни-

та!», «Темпо!», «Аванти!»... Детишки черные, как цыганята, грызут турецкие рожки или продают сигареты.

На улице совершается все. В железной печке готовят обед; там стирают белье; на порогах домов женщины кормят грудных детей; у магазинов толпятся американские туристы; возле газетных киосков громко болтают и смеются девушки и парни, а на скамейках, в тени тополей, дремлют безработные. Как в кино.

С огромных плакатов улыбающиеся девицы уговаривают купить кока-кола. Но мало кого интересует залежалый американский товар... Народ Италии хочет свободы и мира.

Почти на каждом доме короткая надпись: «Паче!» — «Мир!».

Приблизительно здесь находилось в древности Марсово поле...

Весь день мы бродили по Риму, осматривая его достопримечательности. К вечеру, покинув Форум, мы прошли мимо великолепной триумфальной арки Константина, воздвигнутой в память победы над Максенцием, и очутились у грандиозного памятника древнего Рима — знаменитого амфитеатра Флавиев, названного, благодаря своим колоссальным размерам, Колизеем.

Несмотря на расхищение его тесаных каменных глыб в средние века для постройки папских дворцов, Колизей и сейчас удивляет своей величиной. Вся эта почерневшая от времени масса развалин возвышается почти бесформенно и не похожа на дело рук человеческих. Мертвая громада Колизея угрюмо смотрит пустыми просветами окон. Ныне

здесь обитают скорпионы, летучие мыши и молчание.

Когда входишь под арку пустынного Колизея, невольно кажется, будто вот-вот услышишь доносящиеся из обширных подземелий глухие стоны умирающих гладиаторов да рев диких зверей, выпрыгивающих из люков на арену.

Воображение рисует заполненную людьми гигантскую арену. Люди убивали друг друга, чтобы потешить сидевших на ступеньках амфитеатра пятьдесят тысяч праздных римлян. Горожане возбужденно аплодировали тому гладиатору, который получал право ступить ногой на окровавленную грудь побежденного...

Теперь же мы увидели лишь, как дерутся в пыли одичавшие кошки да туристы с ловкостью гладиаторов карабкаются вверх, чтобы проверить, действительно ли Колизей имеет пятьдесят два метра в высоту и пятьсот сорок семь метров в окружности.

Колизей был озарен лучами заходящего солнца. Оно весь день горит над «вечным городом», опаляя его древние камни. И было бы куда справедливее, если бы вместо волчицы гербом Рима стали солнце и камень.

Камень всюду. Вот Пантеон. Он вызывает чувство восхищения перед человеческим гением.

Этот храм построил консул Агриппа, друг и родственник императора Августа. Храм был воздвигнут в 67 году до нашей эры в честь Марса и Венеры, главных покровителей Рима. Позднее он был посвящен всем богам, отчего и получил название «Пантеон». Прошли тысячелетия, но и теперь

поражаешься красотой и гармонией форм этого классического сооружения.

Здесь, в низкой и скромной мраморной нише под бронзовым лавровым венком, покоится прах великого художника Рафаэля ди Санти.

— Наш Рафаэль погиб от горячки в таком же возрасте, как и ваш Пушкин,— говорит гид и тут же замечает: — Они оба наши, они принадлежат всему миру — и Рафаэль, и Пушкин.

На гробнице великого художника бронзовый бюст и изящно выполненная надпись, сочиненная в латинском стиле кардиналом Бембо:

«Здесь покоится Рафаэль. При его жизни великая мать вещей боялась быть побежденной. После его смерти она поверила в свою».

Я прочитал эту надпись и вспомнил о русском партизане, погибшем здесь, на земле Рафаэля. Он, может быть, и сам не сознавал того, что защищал светлую память творца «Сикстинской мадонны» от врагов всего человечества — фашистов.

Гид, чувствовавший наше настроение, и сам воодушевился им. А надо видеть итальянца, проникнутого воодушевлением. Это целый фейерверк остроумия, восклицаний и неуловимых, как молния, жестов. За каких-нибудь полчаса мы узнали от него этапы жизни и творчества Рафаэля, биографии многих погребенных тут же выдающихся деятелей итальянской культуры, услышали о скабрезных похождениях итальянских королей...

Он устал, наш гид. И в заключение, вздохнув, с сожалением произнес:

— Это единственный древнеримский храм, целиком сохранившийся до нашего времени... Вы сегод-

ня осмотрели развалины так называемого «вечного города». Это все, что осталось от его былого могущества. Вечного, оказывается, ничего на свете не бывает. Весы истории качнулись, и Рим, некогда могущественный и гордый, теперь покорно идет за выскочкой Вашингтоном.

Этой тирадой мы были ошеломлены. Мы даже и не предполагали, что разговор так быстро может перейти на современные темы. Но таков, видимо, темперамент итальянцев.

А гид продолжал:

— Раньше говорили, что все дороги ведут в Рим. Теперь все дороги ведут в Москву. История переменила маршрут. Но мы, итальянцы, не обижаемся. С вами, русскими, хорошо идти рука об руку. В прошлом году я был в Москве. Плакаты на стенах, газеты, радио, спектакли, песни — все говорило о мире, о труде, о дружбе между народами. Муссолини, разжигая ненависть к Советскому Союзу, вопил: «Рим или Москва?» А итальянцы сейчас говорят: «Рим и Москва!»...

Кто знает, кем был этот откровенный гид? Но чувствовалось, он говорил с нами искренне и, видимо, выражал думы и чаяния миллионов честных людей Италии...

Автобус, мягко покачиваясь на рессорах, не спеша катил по Аппиевой дороге, одной из самых древних в мире. Вдоль этой царицы дорог языческий Рим воздвиг роскошную галерею дорогих мавзолеев из мрамора и бронзы, украсил стены усыпальниц картинами лучших художников. Под землей, вдоль этой же дороги, расположены катакомбы Калисты — подземное кладбище 44 пап и

184 000 древних христиан, громадное подземное кладбище, украшенное живописью, саркофагами и надписями.

Катакомбы представляют собой лабиринт узких и низких коридоров — галерей, прерываемых изредка четырехугольными или круглыми залами. Галереи эти расположены почти всегда в три-четыре ряда одна над другой. Если все их вытянуть в одну нитку, она будет длиннее самой Италии. Этот подземный город мертвых иногда наводил ужас даже на самих императоров. Нерону в ту последнюю минуту, когда его готовы были схватить заговорщики, Фоан советовал спрятаться в катакомбы, но он, содрогаясь, ответил: «Не хочу быть погребенным заживо»...

По древней Аппиевой дороге две тысячи лет назад шел легендарный Спартак со своими легионами гладиаторов. По ней двигались на подавление восставших рабов полчища Красса. Более шести тысяч крестов поставил тогда Красс вдоль своего кровавого пути. На каждом кресте — от Капуи до Рима — был распят спартаковец.

По этой же дороге спустя двадцать веков прошли немецкие фашисты.

Здесь, справа и слева от дороги, захоронены многие знаменитые римляне. Сейчас вдоль нее, в развалинах древних мавзолеев и в землянках, живут семьи бедных итальянских рабочих.

Но теперь самое памятное место на Аппиевой дороге — Ардеатинский мавзолей.

Вот и он.

Гид ведет нас в сторону от дороги, к большой скульптурной группе из белого мрамора. Это ста-

рик, мужчина средних лет и подросток, крепко скрученные веревками. Они пригнулись к земле, не в силах держаться на ногах.

— Это символ трех поколений итальянцев, сражавшихся за свободу,— поясняет нам гид.— Дальше — братская могила.

Покой героев огражден каменным парапетом. Стройные кипарисы на изгибе дороги стоят как бы в почетном карауле.

Мы подходим к огромной железобетонной плите размером в несколько сот квадратных метров и толщиной около пяти метров. Под этой бетонной массой — склеп. Гранитные стены, озаренные лампами дневного света, охраняют 335 саркофагов-гробниц, высеченных из застывшей лавы Везувия.

Медленно продвигаемся мы от одного саркофага к другим. В них останки тех, кто пал от рук гитлеровских палачей. На каждом кубе камня высечено имя погибшего. Возле усыпальниц героев на полированных гранитных глыбах всегда стоят цветочные горшочки: в склепе цветут яркие южные цветы...

Голос гида звучит глухо.

— После наступательных операций Красной Армии весной сорок третьего года активизировались и действия итальянских партизан. Командующий фашистскими войсками в Италии фельдмаршал Кессельринг принимал самые решительные меры для подавления Сопротивления.

Двадцать третьего марта сорок четвертого года во второй половине дня в Риме произошло событие, которое вызвало ужасающие репрессии немцев против населения оккупированной Италии.

Ежедневно, примерно в три часа, отряд одного из германских полицейских полков проходил по улице Разелла. В этот день партизаны, действовавшие в Риме, напали на него и разгромили. Тридцать три эсэсовца были убиты, многие ранены. Среди сражавшихся партизан был и советский моряк Алессио Кулишкин, бежавший из плена к итальянским партизанам отряда «Бандьера Росса».

Вскоре на место взрыва прибыл оберштурмбанфюрер СД Капплер, который приступил к следствию.

Тем временем о действиях партизан было доложено в ставку Гитлера. Кессельринг получил приказ немедленно взорвать все примыкающие к улице Разелла кварталы и в течение суток расстрелять по двадцать итальянцев за каждого убитого немца. Однако такая жесто-

кость показалась страшной даже самому Кессельрингу, и он приказал: кварталы не взрывать, а расстрел произвести из расчета — десять за одного убитого.

— Пощады не давать никому! — напутствовал фельдмаршал.— Действуйте так, чтобы итальянцы никогда не посмели без подобострастной улыбки взглянуть на немца!..

Каплер, ревниво выполняя указания командующего немецким гарнизоном, быстро составил список на 280 человек, «достойных смерти». В этом грязном деле ему помогал начальник римской полиции Пьетро Карузо. В список были включены не только лица, отбывавшие длительный срок заключения, но и многие из тех, кто был арестован за партизанские действия. В список был включен и Алессио Кулишкин.

Каплер обошел тюрьму на Виа-Тассо, но не мог набрать достаточное число людей для расстрела. Поэтому он приказал дополнительно арестовать мирных жителей Рима. В конце концов было набрано 335 человек. Их бросили в тюрьму Реджина Чели. Оттуда триста тридцать четыре итальянца и Алессио Кулишкин были увезены сюда, к Ардеатинским пещерам. Здесь, на дне глубоких пещер, где некогда по преданию обитали первые христиане, их группами по пять человек ставили на колени, связывали руки за спиной и заставляли кричать «хайль Гитлер!». Но залитые кровью патриоты кричали в лицо палачам:

— Да здравствует свободная Италия!

— Смерть фашистам!

Гид продолжал свой рассказ;

— Эсэсовцы стреляли им в затылок. Автоматные очереди продолжались весь день. Алессио Кулишкин не хотел, чтобы его расстреляли в затылок и повернулся лицом к врагам. Но столько страшной ненависти было в его глазах, что эсэсовец не решился выстрелить ему в грудь. Он зашел сзади и убил Кулишкина выстрелом в затылок...

Чтобы скрыть следы кровавого преступления, эсэсовцы в тот же день подорвали Ардеатинские пещеры толовыми шашками. Трупы патриотов были завалены грудами камней и земли.

— Интересно,— сказал гид,— что за двадцать лет до этого фашисты Муссолини в этом же самом месте также производили взрывы. А было это вот по какому случаю. Любовь нашего народа к Ленину, к вашей революции была так велика, что имя Ленина можно было встретить повсюду: на стенах зданий, у подножий памятников, на трубах фабрик и заводов и даже на камнях Ардеатинских пещер. На сводах нескольких катакомб красками было написано: «Да здравствует Ленин!». Когда умер Ленин, к этим надписям было добавлено: «Ленин умер, но дело его не умрет!» Фашисты, узнав об этом, решили смыть надписи. Смыли. Однако они появлялись опять и опять. Тогда фашисты забросали гранатами те подземелья, где патриоты писали лозунги. Фашисты боялись даже имени Ленина...

Прошло несколько недель. Рано утром Первого мая родственники расстрелянных тайно водрузили над Ардеатинскими пещерами красное знамя и принесли сюда живые цветы.

После освобождения Рима от гитлеровцев — 4 июня — все пещеры были очищены, а трупы опо-

знавались и затем с почестями укладывались в саркофаги. Трудящиеся Рима воздавали почести трагически погибшим соотечественникам.

Не обошли почестями и русского партизана. Для него тоже был высечен саркофаг из лавы Везувия.

Под гимнастеркой Алессио Кулишкина нашли небольшой кусок красного шелка от партизанского знамени. А у его товарища под подкладкой полуистлевшего пиджака был найден партийный билет Итальянской коммунистической партии. Это был Анджело Галафати, итальянский Данко, отдавший за свободу народа свое горячее сердце. Он, как и Алессио Кулишкин, как и все остальные, пал, веря в бессмертие народа.

Гид остановился у одного из саркофагов. Я склонился над плитой и прочел: «Кулишкин Алессио».

— Да,— словно прочитав мои мысли, торжественно сказал гид,— это был советский моряк. Это он двадцать третьего марта ручными гранатами громил фашистов. По древнему поверью нашего народа, когда погибнет герой, с неба падает и гаснет его звезда. Но не гаснет в народе память о герое!..

Он склонился над саркофагом и поправил букетик живых цветов. Нас глубоко тронуло это внимание к памяти советского человека, погибшего вдали от Родины. Чьи добрые руки принесли цветы на могилу русского человека?..

Все стояли взволнованные, притихшие... Человека можно силой оторвать от родной земли, но нельзя выбить из его рук оружия, если он настоящий патриот своей Родины.

Этому русскому человеку было суждено умереть за свою Отчизну в далекой Италии. Его саркофаг — памятник великой доблести русского солдата, оросившего своей кровью землю чужбины.

Кто он, этот Алексей Кулишкин, нашедший вечное успокоение у стен Рима? Откуда родом? Как сюда попал? Есть ли у него семья, родители, и знают ли они о его могиле? Кто ответит мне на все эти вопросы?

Молчал холодный камень саркофага. Гид на мои вопросы лишь смущенно разводил руками. Он знал только одно: русский моряк доблестно сражался в рядах итальянского Сопротивления и итальянский народ увековечил его имя вместе с именами своих верных сынов.

Заходило солнце. Закатными лучами оно осветило поле, уже забывшее о войне, мавзолей, украшенный венками цветов и букетами роз.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Я снова на родном Урале. Друзья, знакомые забрасывают меня вопросами, они хотят знать обо всем, что я увидел в далекой стране. И как о самом важном, самом дорогом впечатлении поездки я рассказываю им о русском моряке Алексее Кулишкине.

Сам я очень заинтересовался судьбой Кулишкина и решил узнать о нем все возможное.

Так начались мои поиски. Начал я с изучения истории итальянского Сопротивления. Прочитывал каждый очерк туристов, побывавших в Италии, выспрашивал о Кулишкине у советских воинов, попавших волею судьбы в Италию. Потом написал письмо в Центральный архив Военно-Морского

Флота, в отдел кадров Министерства обороны и другие организации, где, по моим предположениям, могли кое-что знать о Кулишкине. Начались поиски родственников Алексея, друзей, вместе воевавших в Италии...

Как-то у меня собрались приятели. Пришел и мой друг-инженер, который, кстати говоря, не меньше меня интересовался судьбой Кулишкина и тоже вел поиски, связанные с этим именем.

Рассказывая о посещении памятника-мавзолея, где похоронены жертвы фашистов, я заметил на лице друга ироническую улыбку. Сбивая с папиросы пепел, не поднимая глаз, он спокойно переспросил:

— Значит, похоронили итальянцы Алессио Кулишкина?

— Да, я видел его саркофаг.

— А если я тебе скажу, что Кулишкин жив, здоров, имеет семью?

Теперь все смотрели уже на него. У всех — вытянутые физиономии.

— Да, да! Он жив, в полном здравии, и ты его хоть завтра можешь увидеть! — воскликнул мой друг.

И тут все накинулись на него с вопросами.

— Тихо, тихо! — поднимая руки, смеясь, сказал он.— Расскажу все по порядку. Все, что знаю.

И он коротко рассказал, где живет и работает бывший моряк с эсминца «Сильный», участник партизанского движения в Италии Алексей Афанасьевич Кулишкин.

— Кстати, если уж быть точным,— добавил он,— то надо знать, что настоящая фамилия его

не Кулишкин, а Кубышкин. Латинские «l» — л и «b» — б можно легко спутать, а буквы «ы» в латинском алфавите вообще нет и ее пишут как «и». Вот и получился на итальянском языке вместо Кубышкина — «Кулишкин». Вот оно, оказывается, в чем дело!

— Чудеса! — произнес кто-то.

Я сказал:

— Не поверю до тех пор, пока сам не увижу его.

— Что же, это резонно,— ответил мой друг.— И я тебе говорю: хоть завтра... Идет?

— Идет!

На следующий день мы поехали в город Березовский, что в нескольких километрах от Свердловска, почти его пригород. Нашли нужный дом. Постучали.

Дверь открыл высокий плотный мужчина. Из-под крутых, нависших бровей глядят спокойные внимательные глаза.

— Извините, вы Алексей Кулишкин!.. виноват, товарищ Кубышкин? — Я пристально смотрю на него.

Крутые брови чуть-чуть вздрогнули. Глаза из-под густых ресниц смотрят прямо, не мигая.

— Проходите,— проговорил он вместо ответа.

Чистые уютные комнаты. Простая добротная мебель. Полки с книгами. Телевизор. В детском уголке — игрушки, куклы, разноцветные мячи. На полу — ковровые дорожки. На стене фотографии: чьи-то портреты, красивая вилла в кипарисах, горы...

Хозяин знакомит нас с супругой, моложавой,

очень привлекательной женщиной с маленькими хрупкими руками.

— Проходите, проходите,— мелодичным негромким голосом приглашает она.— Мы всегда рады гостям. Садитесь, располагайтесь удобнее. А я пойду на кухню, чай приготовлю.

— Так вас интересует Кулишкин? — переспросил хозяин дома.

Мы показали ему фотографии: Ардеатинский мавзолей, саркофаги, портрет Анатолия Тарасенко, расстрел Пьетро Карузо. Он внимательно рассматривал каждую и часто морщил лоб. Чувствовалось: каждая фотография — целая страница из его жизни.

Потом, снова разглядывая первую фотографию, он тихо спросил:

— Значит, это мой саркофаг?

— В мире много разных тайн,— ответили мы.— К ним прибавилась еще одна — на сей раз тайна римского саркофага. С вашей помощью мы начнем ее распутывать.

— Вспоминаю, о саркофаге мне писал как-то из Киева мой друг Алексей Бессонный. Он был в подполье нашим связным. Хорошо знает итальянцев, переписывается с ними. Среди русских партизан был известен как Бессонный, а итальянцы называли его Алессио.— Алексей Афанасьевич смущенно вздохнул.— Нескладно как-то получилось... Там я мертвый, тут я живой.— Он улыбнулся, но его темно-карие, глубоко сидящие глаза оставались строгими и немного печальными.

— Как же это могло произойти? — спросил я.

— В двух словах об этом не расскажешь,— задумчиво проговорил он.— Длинная история. Ну, раз уж вы приехали ко мне — расскажу...

Он помолчал, повернул к себе широкие ладони, разглядывая на левой руке чуть изогнутую «линию счастья». Она была длинная. А вот и «линия жизни». Еще мальчишкой Алексей решил сам продолжить ее. Помогла в этом отцовская бритва. Кубышкин усмехнулся, приподнял голову, задумчиво посмотрел в окно...

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ

Это было на Волховском направлении. Отброшенные назад горсткой балтийских моряков, фашисты окопались в густом перелеске в километре от линии обороны. Собственно, линии обороны как таковой здесь не было. Рота матросов, занявшая выгодную высоту, врезалась клином в позиции немцев, не давая им сомкнуть кольцо.

Каждый день фашистские танки утюжили окопы, автоматчики поливали огнем, но балтийцы яростно отбивались.

Пулемет Алексея Кубышкина не знал отдыха. Кругом взлетали черные фонтаны разрывов. Алексей плотнее прижимался к земле. Пальцы срослись с рукояткой пулемета. Тельняшка потемнела, воло-

сы слипшимися прядями лежали на потном лбу. Во рту пересохло, мучительно хотелось пить.

Но вот обстрел прекратился. Похоже было, наступила передышка. Алексей медленно поднялся, подошел к фляге с водой. Рядом лежал стальной стакан снаряда, еще дымившийся от взрыва. Алексей наступил на него и через подошву ботинка почувствовал теплоту. У него была своя примета: если наступить ногой на горячий стакан снаряда, то станешь равнодушным к огню противника. Он так уверил себя в этом, что нарочно дольше задержал ногу на горячем металле.

Новая атака немцев быстро вернула его к пулемету. Алексей нажал гашетку. Он видел в прорезь прицела только зеленые мундиры, видел, как враги падали, словно трава, под взмахами острой косы; другие, бросая оружие, бежали, поднимая полы шинелей. Снова атака отбита!.. Алексей посмотрел на вражеские трупы и усмехнулся: «Для всех хватит наших пуль».

Самым приметным ориентиром был у него сгоревший немецкий танк с выцветшим белым крестом на ржавой броне и сухим бурьяном, запутавшимся в его порванных гусеницах. Его подбил товарищ Алексея — Иван Петров. Уж очень приятно было смотреть на этот подбитый танк. Танк, прошедший, быть может, все дороги Европы и принесший людям неисчислимые страдания и горе. Танк, расстреливавший из своих смертоносных орудий невинных людей, подминавший под свои гусеницы раненых солдат, разрушавший мирные города и села. Танк, пришедший теперь в Россию, чтобы повторить здесь все сначала. Танк, рвущийся к сердцу Рос-

сии — Москве, чтобы пройти по Красной площади под ликующе-истерические выкрики Гитлера...

И вот теперь лежит он в заросшей бурьяном канаве, беспомощно уткнув в землю орудийный ствол.

Пройдут, быть может, долгие годы, прежде чем советские люди, вышвырнув со своей земли немецкие орды, дойдут и до этой развалины и скинут ее с дороги как ненужную рухлядь. А пока что осенние дожди промывают изуродованные русскими снарядами стальные бока.

Но вот наступило долгое тревожное затишье. На небе сверкали звезды, вяло светила молодая луна. Степенно и неторопливо шествовала она по чистому небосводу. От редкого голого кустарника протягивались неподвижные немые тени. Пруд в долине спал, спали деревья и птицы, и повсюду царила глубокая, невозмутимая тишина...

«Как на кладбище,— подумал Алексей,— а я один на скате высоты... Ленинград там, за лесом...»

Со сжатыми от волнения губами лежал он у пулемета и пристально вглядывался в темноту. Веки на его усталом лице припухли, отяжелели: видно, давно потерял он счет бессонным ночам. Никаких признаков приближения немцев. Откатились назад. Молчат. Алексей ощущал неясную тревогу...

Где-то вдалеке ухали пушки. Но разрывов снарядов не было слышно. Советская артиллерия била по какому-то далекому объекту.

Высоко в небе вели свой древний, нескончаемый разговор трепетно горящие звезды. И мысли, такие же высокие и ясные, как звезды в небе, охватили Алексея. Он вспомнил рассказы отца. Его

отец вот так же лежал за пулеметом под Псковом в феврале 1918 года, когда на весь мир прозвучали слова родного Ильича: «Социалистическое Отечество в опасности!». И так же, как сейчас, в нескольких сотнях метров, в окопах слышалась чужая немецкая речь.

Потом Алексей вспомнил, как в тридцатом году он вместе с матерью покупал в магазине пионерский галстук. На другой день после уроков Алексей вместе с другими читал торжественное обещание. Волнение, гордое сознание того, что он становится частицей чего-то светлого, большого и радостного, охватившие его тогда, никогда не забудутся, не потускнеют.

— Я, юный пионер...— повторял он громко, громче соседей, чтобы они поняли, что Алексей сам знает все слова присяги.

Когда Алексей пришел домой, отец обнял его и сказал:

— Дай руку, товарищ пионер! Поздравляю тебя!

В первый раз они пожали друг другу руки.

Сейчас, вспоминая прошлое, Алексей невольно посмотрел на правую ладонь. Казалось, до сих пор она хранит тепло большой и крепкой, дружеской отцовской руки. Такие же крепкие были и его слова: «Как бы ни было трудно, всегда иди навстречу жизни»...

Отец часто брал Алексея с собой на охоту. Алеша же не столько увлекался охотой, сколько любил смотреть на журавлиные стаи в прозрачном небе, на первые зеленые побеги орловских лесов.

Перед утром поднялся ветер. Он вытеснял с неба легкие пушистые облака, гнал на их место тяжелые, набухшие влагой, низкие черносиние тучи, а сам становился резким, порывистым. Воздух наполнялся горьковатым ароматом полыни, прелой землей и едва уловимым запахом придорожных трав.

Шумела и волновалась под ветром неубранная пшеница. Все это пахло мценской осенью, домом, родимой землей.

Порывы ветра злобно рвали тоненькие засохшие ветки низкого кустарника. Иногда, оторвав от ветки желтый сморщенный лист, с остервенением кружили его в воздухе и бросали на землю. Один листок с лету прилип к давно не бритой щеке Алексея.

По какому-то непонятному признаку Алексей сразу установил, что это березовый лист. Дома у них росли три березы. Старые. Наверное, столетние. На одной осталась метка: «Маша+Алеша=любовь». Вернется ли он вновь в свои родные места?..

Тусклые утренние звезды, косматые обрывки туч, свежий осенний воздух — все это напоминало Алексею далекое счастливое время...

Задолго до ухода в армию он познакомился с молоденькой учительницей Машей. Ей было тогда двадцать лет. Алексей никогда в жизни не видел более красивой девушки. Она отличалась той красотой, которая с годами еще более развивается и расцветает; в тридцать лет она будет красивее, чем в двадцать. Каштановые вьющиеся волосы окаймляли ее нежное, всегда оживленное

улыбкой лицо, темно-голубые глаза смотрели открыто и весело.

Они часто встречались на окраине города, где меж мшистых камней шумела небольшая речка. В одном месте стояла береза «Лебедь» со стволом, изогнутым наподобие птичьей шеи. Царство сучьев и веток вверху рассыпалось дождем листьев. Береза, казалось, не из земли поднималась, а на крыльях неслась к небу.

Рядом росли два дуба. Каждому из них было по нескольку сотен лет. Стволы их были закованы в толстые кольчуги и со стороны севера подернуты легкой паутиной мха. В густой и размашистой тени этих трех деревьев и любили они проводить вечера.

Теперь все это осталось далеко-далеко позади.

Не так мечтал Алексей Кубышкин встретить праздник 7 ноября 1941 года! Окончив с отличием военно-морскую электромеханическую школу имени Железнякова в Кронштадте и получив звание корабельного дизелиста, Алексей, полный радужных надежд, собирался посвятить себя морской службе. Он был зачислен в команду миноносца «Сильный».

Заглянем в историю. 27 марта 1904 года миноносец «Сильный» из состава Тихоокеанской эскадры одержал победу в неравном бою с четырьмя японскими миноносцами: два из них были выведены из строя, другие два, получив повреждения, возвратились в свою гавань.

В честь этого славного корабля русского флота и был назван советский миноносец «Сильный», спущенный на воду 7 ноября 1938 года, в день

21-й годовщины Великого Октября. На этом корабле и застала Кубышкина война.

Миноносец «Сильный» участвовал в боях при защите Ленинграда и неоднократно выходил на поддержку флангов армии, действовавшей на Карельском перешейке.

Многие матросы и командиры добровольно уходили с корабля на сухопутный фронт, в морские бригады. Так ушел однажды вместе с друзьями и Алексей Кубышкин. В составе Седьмой морской бригады он был переброшен на защиту Ленинграда. После одного из ожесточенных боев, контуженный, попал в госпиталь. Поправившись, снова пошел на фронт, в Шестую морскую бригаду, действовавшую на Волховском направлении. И вот теперь опять лежит за пулеметом...

Немцы перенесли артиллерийский огонь дальше, за высоту, их пехота уже не раз поднималась в решительную атаку, и Кубышкин пулеметным огнем прикрывал отход своих цепей. Он слышал, как в клубах черного дыма, медленно ползущих вдоль склона холма, неистово трещали немецкие автоматы. Сколько раз уже бой доходил до рукопашной!..

Утром на востоке слабо побледнело небо. Позиции немцев стали видны отчетливее. И все-таки никакого движения там не чувствовалось. Странно. Необъяснимо. Воцарилась та сомнительная тишина, которая порой изматывает солдат не меньше, чем бой.

На пепельном горизонте закружились облака. С долины подул ветер, и низко к земле прильнули травы.

Проснулся Алексей от того, что услышал приближающийся вой моторов. Заслоняя небо, с ревом метнулись самолеты с черно-желтыми крестами на крыльях. Их острые носы озарялись вспышками выстрелов.

Отчаявшись сломить сопротивление матросов пехотой и танками, немцы бросили на моряков авиацию.

И вздрогнула земля! Одна за другой на высоту падали бомбы. Фонтаны земли и камней взлетали в воздух

Взорвавшаяся неподалеку от пулеметной точки бомба завалила Алексея землей. Скорчившись, закрыв ладонями голову, вздрагивая всем телом, он лежал, чувствуя, что силы оставляют его, а сердце вот-вот разорвется.

Резкая боль и навалившаяся сверху земля не давали пошевелиться. Хотелось кричать. По ослабевшему телу пробежала дрожь...

Так Алексей Кубышкин впервые был похоронен заживо.

...В сентябре 1944 года мать Кубышкина, Вера Петровна, получила извещение за № 4798, из которого узнала, что ее сын Алексей погиб в ноябре 1941 года...

Эту похоронную, облитую скорбными материнскими слезами, этот небольшой клочок бумаги — последнюю весточку о ее сыне — Вера Петровна бережно положила в комод. Она не надеялась на воскресение своего сына. Она считала, что этого не может случиться.

Через несколько дней Вера Петровна купила букетик цветов и отправилась на местное клад-

бище, где были похоронены советские воины, умершие от ран в госпитале. Она нашла могилу какого-то неведомого ей солдата и села возле нее. «Вот такая же могилка где-нибудь и у моего Алеши»...

С этого времени Вера Петровна часто приходила на могилу неизвестного солдата и клала на нее букеты цветов. И это утешало ее. Она чувствовала, что нужна еще людям, даже умершим! Она должна чтить их память, их подвиги и их геройскую смерть.

Шло время. Продолжалась война. Как-то на кладбище, когда Вера Петровна по обыкновению в задумчивости сидела возле могилы, подошла старушка с костылем и сочувственно вздохнула:

— Сын?..

Вера Петровна на минуту смешалась, потом что-то подсказало ей твердый ответ.

— Да. Сын,— тихо ответила она и даже сама почти поверила в то, что говорила.

Пусть кто-то другой лежит в этой могиле, но ведь, может быть, мать этого солдата так же вот ходит на чью-нибудь неизвестную могилу и кладет цветы. Может быть, и на могиле Алеши лежат свежие цветы!.. Одно горе теперь у всех матерей, потерявших своих сынов...

КАК ЖЕ ЭТО ТЫ, МАТРОС?!

Алексей не слышал, как прекратилась бомбардировка с воздуха, как началась артподготовка. Он не чувствовал стонов земли, раздираемой разрывами снарядов, не знал, что фашистская пехота лавиной бросилась на высоту.

Медленно возвращалось сознание. Алексей шевельнулся. Вдруг кто-то с силой потянул его за ноги. Как сквозь сон, он услышал немецкую речь.

— О-о! Русише матрос!

Алексей взглянул и обомлел: зеленые шинели, щетинистые лица, каски с имперским орлом. Фашисты!

Светило солнце, на веточках кустарника каплями собирался растаявший иней и звонко падал

вниз, и от этого похоже было, что стоит не ноябрь, а ранняя весна.

Алексея пинками подняли на ноги. И тут же с жадностью и остервенением начали обыскивать. Сняли часы, взяли деньги и вещевой мешок. Нашли фотокарточку Маши. Цинично смеялись, а потом разорвали и пустили клочки по ветру.

Минутным взглядом обвел Алексей солдат, направивших на него дула своих автоматов. И резкая, как ожог, мысль пронзила сознание: «В плену!». Алексей вздрогнул, побледнел. Все смешалось и поплыло в красном дрожащем тумане... Глубоко, в самых темных уголках души, куда едва проникало сознание, чувствовалось, что навсегда что-то умерло и уже начинается новое, неизбежное и мучительное.

Мысль, что он, советский моряк, находится в плену, наполнила его сердце яростью. Если бы это был сон, от которого можно избавиться, открыв глаза! Он, всегда веривший, что будет драться и побеждать, оставаясь неуязвимым, стоит под дулами автоматов! Алексею вдруг стало жарко. Он бросил отчаянный взгляд в сторону востока, словно ожидал помощи от отступающих товарищей.

Подталкиваемый дулами автоматов, он с трудом сделал первые шаги. Припекало солнце, чуть ощутимый ветерок приглаживал взъерошенные волосы, а в посветлевшем небе неторопливо плыло одинокое облачко, плыло в обратную сторону, туда, в родные края...

Покачиваясь от слабости, Алексей мелко шагал впереди немцев. Идти было больно, Алексей мор-

щился, но старался не показать слабости. Раза два он останавливался, но конвоиры что-то кричали ему, подталкивая в спину, и приходилось опять идти.

В голове сумбурно вспыхивали мысли. Они были коротки, как блеск падающих звезд: «Бежать! Бежать!.. Но бежать сейчас — значит, смерть! Смерть!»

— Шнель, шнель,— то и дело покрикивал один из конвойных, беспокойно оглядываясь.

«Ишь, все же трусят гады,— подумал Кубышкин,— все время оглядываются, как разбойники»...

Через час Алексея привели в какую-то деревню. Остановились возле ящиков из-под снарядов. В душе у него был такой же холод, как в промерзшей каменной стене, на которую он опирался плечом. Один из конвоиров ушел в избу. За старым плетнем стояли женщины и ребятишки, они читали свежее объявление:

«Жалобы гражданского населения на немецких солдат НЕ ПРИНИМАЮТСЯ!

Еврейскому населению НЕМЕДЛЕННО пройти регистрацию!

За каждого убитого немца БУДУТ РАССТРЕЛИВАТЬСЯ 10 заложников»...

— Касатик,— зашептала старушка, повязанная шалью,— ты чей будешь?

Кубышкин не ответил, только нахмурил тяжелые брови.

Он перебирал в памяти события последних дней. Перед ним оживали картины тяжелых боев. В десятый, в сотый раз Алексей задавал себе вопрос: выполнил ли он свой долг перед Родиной?

— Ох-хо-хо,— вздохнула старушка,— каково-то там твоей матери!

— И долго ли так будет?—заговорила вторая женщина.— Живем, как в яме, света белого не видим. А эти...— она кивнула в сторону немцев,— села жгут, хлеб отбирают, людей куда-то увозят.

Мрачно и тяжело висели тучи над деревней.

— Тише, тише,— зашептали женщины,— конвойные идут.

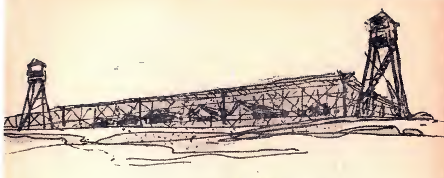
Один из фашистов с минуту смотрел на Алексея круглыми зеленоватыми глазами, потом приподнял автомат и, ни слова не говоря, толкнул его стволом в плечо. Алексей качнулся, ступил неосторожно на раненую ногу и стиснул зубы от боли.

Его повели дальше. Женщины подбегали, совали куски хлеба, но фашисты кричали: «Цурюк, цурюк!» Один какой-то осмелевший мальчишка все же отважился и бросил пачку сигарет. К нему тут же подскочил дюжий фашист и автоматом ударил в спину. Тяжело охнув, мальчишка упал на дорогу.

— Вы ответите за это! — крикнул Алексей. Здоровенный фашист ударил его автоматом по голове.

— Ба-атюшки! — закричала одна из старушек.— Внучонка паршивый фашист убил! — Она склонилась над мальчишкой, по ее иссохшим щекам бежали скупые слезы.

«Вот он, мой народ...— думал Алексей,— а я? Бреду в плен... Может быть, они смотрят сейчас на меня и в душе укоряют: «Как же это ты, матрос, в плен попался!..»

В ФАШИСТСКОМ АДУ

Временный лагерь для военнопленных, куда доставили Алексея, размещался в бывших кавалерийских конюшнях, обнесенных рядами колючей проволоки. По углам стояли вышки с пулеметами и прожекторами. Между рядами проволоки бегали осатанелые овчарки. Ими травили пленных.

Здесь могли выжить немногие. Каждые сутки умирало 200—250 человек. С утра до вечера в ямы, выкопанные военнопленными, сбрасывали тела замученных, умерших от голода и болезней людей. Трупы валялись и вокруг лагеря. Несколько черных скрюченных фигур повисло на проволочном заграждении. Над бараками стлался тяжелый трупный запах.

У ворот лагеря на красной кирпичной стене комендатуры висела большая карта. Зловещие черные стрелы, указывающие продвижение гитле-

ровских армий, рассекли Москву и Ленинград. Проходя мимо, Кубышкин глянул на карту, скривился в недоброй усмешке: «Не говори гоп, пока не перескочишь»... Но на душе было тяжело.

Его втолкнули в низкий и мрачный барак. Грязные стены вдоль и поперек были испещрены надписями: «Здесь ожидал своей казни майор Степанов», «Умрем, но не покоримся!», «За Родину, за партию — вперед!»...

Лежа на грязной сырой соломе, Алексей то впадал в забытье, то приходил в сознание. В бредовом тумане кто-то развертывал перед ним огромный, бесконечный лист бумаги, на котором сцена за сценой изображена была его жизнь. Усилием воли он старался отогнать от себя эти картины, но лишь закрывал глаза — они снова плыли перед ним и плыли... Проплывали повитые мутноватой пеленой родные орловские тенистые леса... отцовская семья, большая и дружная... товарищи по детским играм... Откуда-то возникли заводские ребята, зашумели — посылать ли Алеху Кубышкина учиться во флотскую электромеханическую школу, и вдруг окружили его лица моряков-балтийцев, и сам он — словно бы Алексей смотрел со стороны — сам он среди них, в перерыв между боями беседует с ротой,— агитатор... А потом опять тяжелое, глухое забытье.

Очнулся — в лагере не смолкали шум, возня, крики, стоны раненых. В полутьме сновали немецкие солдаты, надменные и грубые. Многие из них напевали. Им это нравилось — напевать среди умирающих. Что-то дикое, варварское, страшно тоскливое навалилось на Кубышкина. Он заткнул

уши и опрокинулся навзничь, подложив под голову березовое полено.

А над лагерем стояла светлая осенняя ночь, на холодном небе без облаков перемигивались звезды, от небольшой речки тянуло прохладой...

Так началась вторая жизнь Алексея Кубышкина.

Эта жизнь была похожа на бредовый кошмар.

«Бежать! Во что бы то ни стало! Бежать и снова в бой!»

Только эта упрямая, не покидавшая Кубышкина мысль давала ему силы, чтобы жить.

От голода, холода и побоев люди с каждым днем теряли силы и умирали. Тысячи пленных лежали прямо на холодной земле. На них кишели скопища паразитов. Стаи голодных крыс нападали на ослабевших.

Лагерь был превращен в гигантскую камеру пыток и страданий. Попадая сюда, человек терял имя и получал номер.

У слабых опускались руки, сильные боролись...

Когда военнопленных выгоняли из конюшен получать отваренные капустные листы и кусочек хлеба, в котором торчали древесные опилки, многие не могли дойти до кухни. Фашист толстый, как пивовар, смеясь, гремел черпаком.

— Кушай, русс швайн! Суп гут,— приговаривал он и разливал вонючую баланду.

Ему подставляли кто котелок, кто каску, а кто и... ботинок.

Суточный рацион состоял из двухсот граммов суррогатного хлеба (мякина и древесные опилки) и котелка жидкости.

Получившие свою долю сидели поодиночке и группами на холодной земле хмурые, молчаливые и торопливо и жадно хлебали деревянными ложками.

Пленных трудно было принять за бывших солдат и офицеров. Они походили на толпу переселенцев на этапе. На головах у одних старые шапки, у других пилотки, на плечах — грязные порванные шинели, куртки, бушлаты. Обувь имела еще более разнообразный и случайный вид.

Ударили морозы, и полураздетые, изможденные люди коченели по ночам на нарах. Каждое утро вереницы телег, нагруженных трупами, медленно двигались от лагеря к траншеям. Скрипучие колеса проваливались в колдобины, и тогда мертвые вываливались на землю. Телеги тащили пленные, и если кто-нибудь из них падал от усталости, стражники тут же расстреливали его и приказывали класть на телегу.

Алексею не раз приходилось впрягаться в телегу. Его спасали молодость и сила. Казалось ему, что мертвые шепчут: «Помните нас, отомстите за наши страдания, слезы и кровь. Сделайте все, чтобы никогда на земле не повторилось это»...

Лагерная жизнь становилась все невыносимей.

Пленный должен был начисто забыть о своем человеческом достоинстве. Ему разрешалось помнить лишь порядковый номер, намалеванный несмываемой краской на рваной одежде.

Всех заключенных заставляли на верхнюю арестантскую куртку нашивать белый матерчатый лоскут, а поперек него, в зависимости от определен-

ной фашистами степени виновности, одну, две или три синие нашивки. На голове выстригали волосы — примета.

Однажды Алексей опоздал в строй. За это его заставили «танцевать жабку». Нужно было присесть, вытянуть вперед руки и в таком положении прыгать.

Сзади шли охранники и били дубинками.

Алексей несколько раз падал в изнеможении. Его поднимали и снова заставляли прыгать. Он еле передвигал отекшие, истертые ноги, а позвоночник будто был налит свинцом.

«Неужели конец?» — пронеслось в голове, но тут же Алексей наполнился яростной решимостью: «Нет у вас, у фашистов, таких сил, чтобы вышибить матросскую душу. Выдюжу!»..

Главным было — не сломиться духовно, не утратить воли к жизни, не оказаться в одиночестве. Советские люди при малейшей возможности старались помогать друг другу. Лишний черпак баланды или кусочек эрзац-хлеба, пара пригодного белья, просто подбадривающее слово были иногда решающими в борьбе с отчаянием. Взаимная выручка и вера в победу давали силы, чтобы пережить самые тяжелые испытания.

Часто военнопленные вообще не получали пищи и воды.

— Проживете на подножном корму! — кричали фашисты.

«Нужно выжить, нужно выжить,— думал Алексей.— Нужно пройти через весь этот кошмар. Но если выживу, все припомню. Надо помнить. Надо рассказать об этом молодым, чтобы они знали, ка-

кой дорогой ценой добывали победу их отцы и старшие братья».

В конце ноября 1941 года наиболее выносливых посадили на товарные платформы, обтянутые колючей проволокой. Повезли в Псков.

Было очень холодно. Состав еле тащился. Пленные стояли, прижавшись друг к другу спинами, плечами, пытаясь согреться. Те, кто не мог стоять, падали.

Одним из первых упал Алексей. Силы оставили его. Ослабевший после ранения и контузии, он лежал на холодной платформе, закрыв глаза. Подумал:

«Неужели так и замерзну?»

А пленные продолжали падать на платформу. Алексея почти завалило телами, он с трудом дышал. Зато стало теплее.

Когда, наконец, состав прибыл, Кубышкин еле выбрался из-под груды тел. Более двух третей пленных дорогой замерзло, их трупы погрузили на платформы и увезли за город.

В псковском стационарном лагере «Кресты» Алексей был определен пилить дрова для квартир эсэсовцев.

Здесь было то же: пленных пороли, морозили, за каждое слово, сказанное против фашизма, вешали, стволами автоматов выбивали зубы, заковывали в цепи и кандалы.

Фашисты умели выбирать палачей. Они изощрялись друг перед другом в пытках. Многие пленные не выдерживали и сами искали смерти: одни бросались на эсэсовцев, зная, что тут же последует автоматная очередь, другие — на колю-

чую проволоку, под ток. С проволоки сыпались искры.

Раз в неделю в лагере проходила «чистка»: вооруженные автоматами эсэсовцы врывались в помещения и, шныряя между нарами, кричали:

— Кто есть комиссар?

Пленные молчали.

— Кто есть комиссар? — надрывались фашисты.

Не получив ответа, они набрасывались на «подозрительных» и выталкивали их автоматами во двор. Потом увозили на край оврага — расстреливать.

Однажды вечером, когда мутное зимнее небо окрасилось на горизонте бледной полоской зари, двое эсэсовцев вывели из лагеря Алексея и еще четырех заключенных. Их повели куда-то в сторону леса.

В прозрачном морозном воздухе пахло дымом и гарью. Все дома были сожжены или разрушены. Повсюду валялись обгорелые доски, бревна, битый кирпич, оконные рамы, поломанная мебель, немецкие каски со вмятинами на боку. Вокруг — ни души. Только где-то голосисто тявкала собака, да воробей, выпорхнув из пробоины в стене, встревоженно чирикая, уселся на надломленной ветке обгоревшей осины.

Испачканное запекшейся кровью лицо Алексея распухло и налилось сине-багровыми подтеками. Он был без шапки, чуть подросшие волосы рассыпались и серебрились инеем, темнели впалые щеки.

Алексей искоса посматривал на эсэсовцев. Они, ссорясь из-за чего-то, отстали шагов на пятнадцать.

Вокруг лежал глубокий почерневший снег. «Бежать... бежать»,— металась дерзкая мысль.

За поворотом показалась белая каменная ограда кладбища. Незаметными для немцев жестами Алексей просигналил товарищам, что нужно бежать.

Как только они приблизились ко кладбищу, все разом метнулись в стороны. Алексей одним прыжком перемахнул через ограду и скрылся среди белых, запорошенных снегом крестов.

Он мчался, почти не слыша треска выстрелов. Их заглушал стук бешено бьющегося сердца. Откуда-то сзади неслись злобные выкрики конвоиров, звериное «Хальт!». От усталости и морозного воздуха перехватывало дыхание. В ушах звенело...

Только не останавливаться, только вперед...

Автоматные очереди

наконец стихли... Свобода! Свобода!..— стучало в висках. По лицу и рукам текли струйки крови. Но боли от царапин он не чувствовал.

В березнике Алексей остановился, жадно хватая студеный воздух открытым ртом. Белые, точно обсахаренные деревья замерли в ночной тишине.

«Я на свободе? — подумал Алексей и горько усмехнулся: — Что же это за свобода? Свобода для того, чтобы закоченеть на морозе? Где наши?... Они далеко. Куда идти? Как спастись от мороза?».

Неизвестно, сколько простоял он. Может быть, час, а может, два. Бледный, выкованный из мутноватого серебра месяц повис над ним грустно и одиноко...

НЕЖДАННЫЙ ДРУГ

В полночь совсем окоченевший Алексей выполз на опушку соснового леса и увидел в долине деревню. Ее окаймляли стайки берез. Стволы их белели, как саваны. Ветер посвистывал меж деревьев, а Алексею чудилось, будто слышатся стоны...

Вблизи протекала река. Над извилистыми ее берегами поднимался туман.

«Скорее к теплу, иначе — смерть».

Не раздумывая, Алексей побежал к деревне. Он постучал в окно крайнего дома. Открылась дверь, и на пороге выросли... два немецких солдата.

— Русс партизан? — воскликнули они одновременно, ошеломленные его появлением.

Алексей не ответил. Он растирал окоченевшие ноги.

— Партизан, партизан! — обрадованно закричали они.

Приплясывая, один из них обвел рукой вокруг шеи Алексея.

— Виселица, гут! — гоготал он.

Из-за стола поднялся седой оберфельдфебель, на ломаном русском языке спросил:

— Ти бежаль?

— Нет,— Кубышкин мотнул головой.— Отстал я. Рубили дрова в лесу, я пошел в деревню попросить хлеба. А машина уехала.

— Хлеб? Вот.— Оберфельдфебель подошел к столу, взял кусок хлеба и протянул Кубышкину.

Пока Алексей жадно ел, немцы начали спор между собой: видно, о том, сейчас расстрелять русского или позже, завтра.

Маленький рыжеволосый солдат с холодными мутными глазами все хватался за автомат. Второй — высокий, с резко очерченным лицом — что-то горячо доказывал рыжеволосому и отводил дуло автомата. Наконец, видимо, решили — пока не расстреливать. Связали Алексею руки и ноги и затолкнули его под широкую лавку.

Спал Алексей тревожно, метался, вскрикивал, просыпался. Голова разламывалась, тело горело, будто опаленное огнем. Наутро он еле поднялся. Силы ни в руках, ни в ногах не было.

Уже занялся рассвет, когда в деревню пришли две автомашины с военнопленными, приехавшими за дровами. Алексея как раз выводили из дома. Старший охранник, выходя из кабины, узнал Алек-

сея. Он о чем-то договаривался с немцами, потом показал Алексею на машину:

— Шнель!

Алексей залез в кузов и приготовился к самому худшему. Но не успел взреветь мотор, как кто-то крикнул:

— Воздух!

— Наши! — закричал Алексей и вслед за всеми выскочил из машины.

И началось то, чего так долго ждали пленные. Советские бомбардировщики делали один заход за другим.

— Так их, так гадов! — шептал Алексей, прижимаясь щекой к холодной земле.

Возвращаясь в лагерь, Кубышкин всю дорогу думал о том, почему так терпимо обошелся с ним старший охранник. Он догадывался тогда, что это не просто случай, удача, здесь нечто большее... Но что?..

В лагерь Алексея привезли совершенно больного. Он с трудом влез на верхние нары и обессиленно повалился на соломенную подстилку.

Дни шли, а Кубышкину становилось все хуже. Заглядывал в барак лекарь.

— Русс! — кричал он. — Вонючая свинья! Встать! — Давал какие-то таблетки, но они не помогали.

Алексей уже не мог подниматься с нар. Подстилка гнила под ним, лицо ссохлось, обросло щетиной, глаза совсем ушли под лоб.

И опять случилось нечто, взволновавшее Алексея и поначалу заставившее его насторожиться.

Однажды, когда пленных угнали на работу, в

барак пришел водопроводчик, немецкий солдат. Голубоглазый блондин с коротко подстриженными усиками. Брови тонкие, прямые. На вид — безобидный и веселый, даже подморгнул Алексею и негромко засмеялся. Нары кругом были пусты.

— Где тут труба протекает? — спросил солдат.

— Не знаю,— Алексей с трудом повернул голову, попросил пить.

Солдат принес воды, подождал, когда Алексей напьется. Затем сказал спокойным, участливым тоном:

— Русский? Я тебя раньше не видел. Где поймали?

— Тут, близко.— Алексей отвечал с трудом.

— Давно болеешь?

Алексей лишь прикрыл глаза ресницами.

— Меня зовут Ёзик Вагнер. Я поляк, запомни,— сказал солдат.

Не по своей воле отправился он воевать в снежные русские степи. И если уж пошло на откровенность, то он любит русских и ненавидит немцев.

— Ленин. Рот фронт, геноссе! — сказал Вагнер и, сняв с головы каску, плюнул на имперского орла.

Алексей слушал и не верил. Провокация? Стараясь лучше понять этого странного человека в ненавистной фашистской форме, он внимательно смотрел ему в глаза. А поляк не отводил их в сторону. Он говорил тихо и проникновенно:

— Слушай, друже, иди ко мне в бригаду. Будем ремонтировать паровое отопление, водопровод, канализацию. У меня тебе станет лучше.

Алексей молчал. На память пришла древняя

восточная пословица: «Найди верного спутника, прежде чем отправиться в путь»...

— Я знаю, ты мне не веришь,— вздохнул Език, взгляд его затуманился.— Такое теперь время, люди не верят друг другу.

Неожиданно он поднял руку над головой, плотно сжав пальцы.

Алексей вспомнил давние слова своей пионервожатой: поднятая рука с плотно сжатыми пальцами показывает, что человек одинаково любит трудящихся всех пяти частей света.

«И все-таки,— подумал он, надо к поляку присмотреться». Он знал, что за последние дни гестапо перебросило в лагерь под видом военнопленных группу провокаторов из числа бывших кулаков, белоэмигрантов и уголовников. Поэтому и с Езиком... Кто его знает, кто он...

Вагнер ушел. Каждый день он украдкой приходил в казарму, приносил лекарства, еду. И Алексей поверил: да, это друг.

Скоро Кубышкин вышел на работу. Однако какая уж тут работа! В душе снова зрело жгучее желание бежать из плена. Но не так, как в прошлый раз, очертя голову. Все надо сделать умнее.

Език словно подслушал его мысли.

— Бежать хочешь? — как-то спросил он.

Алексей отвел глаза в сторону.

— Ну, что ж, беги. Но это не так просто. Нужно хорошо подготовиться. Иначе тебя схватят и расстреляют где-нибудь в снегах. А меня — тут.

— А тебя за что? — удивился Алексей.

— А кто тебя вылечил? Кто тебя определил на новую работу? Они знают, что я помогаю тебе. На-

чальник лагеря уже грозился засадить меня вместе с вами.

«Да,— думал Алексей,— если убегу, тяжесть расправы ляжет на плечи этого парня»...

В июле 1942 года в лагерь приехали власовские офицеры вербовать солдат в свои изрядно потрепанные «войска». К их приезду командование лагеря тщательно готовилось: началось прославление «побед» власовской «освободительной армии», многие офицеры-коммунисты были расстреляны или угнаны в другие лагеря. Показали сфабрикованный немцами же фильм про самого Власова, которого якобы с хлебом и солью встречает население оккупированных немцами областей. Фильм этот снимался в деревне Раткевщина под Смоленском. Все сельчане были насильно согнаны на площадь, всем выданы цветы. Им приказали, как только появится машина Власова, бросать в нее букеты.

Однако немцы, видимо, мало рассчитывали на пропаганду. Они решили воздействовать на военнопленных и другим путем. За неделю до приезда власовцев в лагерь кормить военнопленных совсем перестали. Те, кто был совершенно истощен и обессилен, умирали. И вот приехали вербовщики. Свои машины, груженные продуктами, они поставили на виду у голодных людей. Один из власовцев закатил речь. Какую чушь только не нес... Свою болтовню он закончил словами: «Генерал-лейтенант Власов организует комитет освобождения народов, населяющих Советский Союз. Комитет будет прообразом будущего правительства России, когда Гитлер выиграет войну. И тогда восторжествует «свободный труд». А сейчас видите, сколько у нас продук-

тов. Кто хочет к нам, тот сейчас же получит новое обмундирование и будет всегда сыт».

— Умрем с голоду, но не пойдем! — выкрикнул Кубышкин.

Это было началом.

— Плевали мы на вашего Власова!

— Катитесь к чертовой матери!

Словно прорвалась плотина. В лагере поднялся невообразимый шум. А скоро плац просто опустел: пленные отправились по казармам.

Власовцы уехали, не завербовав ни одного человека.

Через два часа Кубышкина привели в комендатуру. Там его ждал рыжий офицер с медалью за Нарвик. При появлении Кубышкина его лицо приняло то насмешливое выражение, которое должно было доказать, что он спокоен и хладнокровен.

— Это ты кричал? — спросил гестаповец и сильно ударил ладонью по лицу Кубышкина.— Я покажу, как заниматься агитацией! Признавайся, ты коммунист?

— Нет,— ответил Кубышкин и, наливаясь гневом, добавил: — Но хотел бы быть коммунистом!

Сильный удар кулаком свалил его с ног. Офицер стал пинать и избивать Алексея.

Три дня пролежал изувеченный Кубышкин на нарах. Медленно-медленно тянулись недели. Утро 10 сентября 1942 года было холодное, дул пронизывающий ветер, прохватывал до костей. Тяжелое темно-свинцовое небо висело над лагерем, давило...

В полдень военнопленных выгнали во двор, построили, сделали перекличку и скомандовали:

— Взять вещи! Шагом марш на вокзал!

— Куда нас? — шепотом спросил Алексей у соседа.

— Куда-то на запад... Держись, браток, нам до победы дожить надо.

Оглянувшись, Кубышкин увидел Езика Вагнера. «Значит, и он с нами?» Език кивнул ему и ободряюще улыбнулся...

Разношерстная и оборванная толпа шла молча, меся ногами серую густую грязь. На малолюдных улицах Пскова было тоскливо и мрачно. Пронзительно-жалобные свистки восстановленной немцами фабрики нагоняли еще большее уныние.

Лишь вечером был подан эшелон. На сыром, холодном перроне тускло горели ночные фонари. Пленные молча дрожали в своих легких лагерных куртках.

Поразительно маленькие, старые, потемневшие от копоти вагоны, пахнущие лошадиным потом, с иностранными надписями, не имели лежачих мест. Маленькие окна были заделаны железными решетками. Каждый вагон набивали до отказа. Было душно, смрадно... Пленных сопровождали три офицера и восемь солдат. У каждого из них были чемоданы и мешки с награбленным добром.

Перед самым отходом поезда Вагнер подошел к вагону, в котором находился Алексей, и молча пожал ему руку. Алексей тихо спросил: «Куда?» Еще тише ответил Вагнер: «Видимо, в Италию». Взгляд его был спокоен и сосредоточен, как в те минуты, когда он приходил к больному Кубышкину.

Алексей склонился к Вагнеру и сказал:

— Значит, начальник лагеря все-таки выполнил

свою угрозу. Ты теперь такой же, как и я, военнопленный?

Вагнер что-то хотел сказать, но лязгнул засов, и в вагоне наступила полутьма.

Сначала каждый сидел молча, думал о чем-то своем. Но как только поезд тронулся, пленные первого вагона, избавившись от надзора солдат, запели:

> Вставай, проклятьем заклейменный,
> Весь мир голодных и рабов!..

Подхватил второй вагон... третий... пятый...

Дрогнуло, отчаянно забилось сердце Алексея.

Ревел паровоз, гудели колеса на рельсовых стыках, и, заглушая этот шум, крепла, нарастала, гремела могучая мелодия «Интернационала»... Пел уже весь эшелон.

...Поезд шел медленно, подолгу стоял на станциях. За небольшими окнами мелькали города и села Чехословакии, Австрии, Югославии. Часто эшелон обгоняли санитарные поезда, они шли с востока на запад. Раненые немцы ехали в мягких вагонах, а их «союзники»: итальянцы, румыны, венгры, испанцы — в товарных. Но и те и другие вагоны напоминали Алексею о еще недобитых поработителях, которые продолжали топтать землю его Родины...

БОРОТЬСЯ МОЖНО ВЕЗДЕ!

На десятые сутки пути военнопленных вывели из вагонов на какой-то большой станции и построили на перроне для проверки.

Мелькали огни, перекликались паровозы, бегали люди,— обычная вокзальная суета. На краю перрона, в темном углу кто-то тихо и грустно играл на мандолине. На самом видном месте висел огромный портрет Муссолини в венке с латинской надписью «Дуче». Он был изображен в известной позе Наполеона, в треуголке, со скрещенными на груди руками.

— Рим... Нас привезли в Рим,— пронеслась по рядам новость.

Было поздно. Великий город спал. По небу плыла луна, и свет ее, холодный и мертвый, тихо лился на дома, площади, улицы, придавая всему унылый вид... Колонна военнопленных по булыжной мостовой брела на окраину Рима.

Видны уже бараки. Открылись большие железные ворота. Колонна медленно втянулась на огромную территорию военных заводов. Русских военнопленных сразу же разбросали по различным баракам: немцы опасались их. Алексей Кубышкин и Език Вагнер по счастливой случайности попали на один небольшой завод.

Весть о том, что на заводах появились пленные из Советской России, быстро разнеслась по рабочей окраине. Жители старались всячески выказывать им свои симпатии.

— Руссо! Руссо! — кричали женщины и дети, встречая русских.

Нередко итальянцы тайно приносили в бараки хлеб, сигареты, белье, обувь.

«Хороший народ,— не раз думал про себя Кубышкин,— и страна у них славная»...

Осень 1942 года в Италии стояла чудесная. По холмам и долинам расстилалась яркая зелень. Зеленели оливы и тутовые деревья, тихо шумели лавровые рощи, шуршали спелыми колосьями золотые нивы. В садах наливались тяжелые, напоенные солнцем виноградные гроздья. Между лозами мелькали пестрые платки, широкополые шляпы, разноцветные платья сборщиков винограда. Но не было слышно ни смеха, ни песен. Бледные, исхудалые старики и дети трудились на виноградниках. Жестокая рука войны и на них наложила свой отпеча-

ток. «Горе одного только рака красит»,— повторяли старики.

Вечерами, когда взвивались над крышами пригородных хижин струйки дыма, когда тени от домов и стен начинали остужать раскаленные за день мостовые, женщины и старики отправлялись на вечернюю мессу. Они шли тяжело и медленно, словно обдумывая, что же сказать сегодня богу, что у него попросить. А просить было что... Не хватало хлеба, не было масла в лампаде, не было работы, война уносила все новые и новые жизни...

Солнце касалось высоких холмов, седые кроны олив исчезали в сумерках. Громкоголосые черноокие женщины снимали с веревок высохшее за день белье, ухитряясь переговариваться между собой, если даже их разделяла целая улица.

— Клянусь мадонной,— кричала одна,— немецкий офицер, что жил у моей соседки, обокрал ее сегодня ночью и уехал...

— Ах, эти немцы,— откликнулась другая,— вечером, когда моя сестра молилась перед алтарем святой Агриппины, подошел к ней немецкий солдат и стал нахально целовать при всех. А потом пришел и забрал целый мешок с оливами.

— Господи Иисусе,— рассказывала молодая итальянка своей подруге,— что же это делается на свете? Воруют, насилуют, убивают... Все они негодяи... и немцы, и наши. Им всем — вместо приветствия, хорошего бы пинка пониже спины.

Стайками проносились чумазые задорные ребятишки. Они жарили желуди, собранные в дубовой роще, собирали орехи, рвали фиги, забравшись в гущу кустарника, вырезали завигушки на палках

из миндального дерева. Они играли, смеялись, дразнили друг друга, ссорились, плакали, мирились — словом, делали все, что могут делать мальчишки, когда на улицах не рвутся снаряды, а пули не расплющиваются о стены домов.

Иногда по улице проходили в обнимку парень и девушка, гордые своей любовью и молодостью, и тогда, словно по команде, распахивались окна, отдергивались занавески, и глаза — доброжелательные, завистливые, любопытные, осуждающие — провожали парочку до тех пор, пока она не скрывалась за углом.

Вначале Алексею, наблюдавшему эти мирные картины, даже не верилось, что где-то идет война и умирают люди, что Италия тоже воюет. Но потом и он почувствовал, заметил, увидел своими глазами десятки примет войны. Она разъедала страну, как ржавчина, а в народе зрели гроздья гнева и недовольства фашистским режимом Муссолини...

Всех привезенных из России в первый же день заставили ремонтировать и грузить на платформы оборудование одного из металлообрабатывающих заводов. Гитлер был верен себе: он грабил не только тех, с кем вел войну, но не стеснялся «общипывать» и своих союзников. За 1941—1942 годы Муссолини отправил в Германию более миллиона рабочих, которые стали рабами на германских фабриках и заводах.

От угнанных в Германию приходили письма с одинаковым штемпелем — орел со свастикой — символом «величия» рейха. Матери и жены, получая их, плакали горькими слезами.

— И куда это все везут? — спрашивал маленький, печальный серб Чосич, провожая взглядом очередной состав, груженный станками и деталями машин.

— Разве не ясно куда? — с недоброй усмешкой отвечал Език Вагнер.

В Германию вывозились не только машины и станки, но и оборудование поликлиник, санаториев, а однажды Алексею Кубышкину пришлось грузить на платформу даже оборудование из двух психиатрических больниц.

— Специально для Гитлера и его шайки,— сказал Език Вагнер.

Опустошались и музеи Италии. В Германию были вывезены тысячи античных статуй и картин. По приказу Гитлера в Италии создали так называемый «корпус по охране памятников искусства». Его задачей было собирать наиболее ценные картины, статуи, рукописи, древние книги и переправлять в Германию.

В этом организованном ограблении страны чувствовалось начало конца фашизма. По всему было видно, что Гитлеру уже приходится туго. Дело дошло до того, что у итальянцев реквизировались деревянные предметы и отправлялись в Германию в качестве топлива. Каждый день уходили на север железнодорожные составы с зерном и другим продовольствием. Хлебный рацион итальянцев сократился до 150 граммов в день.

Алексей заметил, что во время обеденного перерыва рабочие-итальянцы располагались с трапезой каждый у своего станка. Когда он поинтересовался, почему на таком большом заводе нет столовой,

один из рабочих, пожилой, морщинистый человек, ответил, осторожно оглядываясь:

— Нацисты не любят, когда мы собираемся вместе. Даже если мы в столовой и болтаем о вещах, далеких от политики. Хотят, чтобы каждый из нас спрятался в собственную скорлупу.— Тут он, должно быть, забыл об осторожности.— До войны мы жили плохо, а сейчас и того хуже. Светит наше итальянское солнце, да не всем. Поживешь — увидишь. Толчемся, как мошкара в летний вечер, на одном месте и не можем найти выход...

С каждым днем Алексей все больше убеждался в правоте старого рабочего.

Вот недавно по всей стране ввели трудовую повинность для лиц от 18 до 55 лет. Зачем это, если производство Италии свертывается, а безработица растет? А все для Гитлера: итальянцев отправляли в Германию.

Каждый день Алексей Кубышкин слушал, как местные рабочие обсуждали какой-нибудь новый закон «дуче».

— Опять наш Цезарь отмочил! — восклицал какой-нибудь весельчак.— Не слыхали? Если вы уедете из города, то приготовьтесь иметь дело с военно-полевым судом. Теперь вы не просто слесари и токари, вы заводские солдаты.

— А погоны нам дадут? — подхватывал другой балагур.— Мне бы погоны пошли. Тогда, может, и моя Тереза не тосковала бы о своем знакомом сержанте.

— Нашли над чем зубоскалить,— упрекнул их третий.— Вот поставят к стенке, тогда по-другому запоете.

Недовольство и ненависть к немцам росли не по дням, а по часам. Вот почему не только Муссолини, но и Гитлер старался подсластить горькие пилюли, подносимые итальянскому народу. Он принялся раздавать германские ордена итальянским генералам. Одновременно газеты трубили о «блестящих подвигах» итальянских войск.

Но разложение фашистского государства уже началось, и ничто не могло остановить этот процесс. А слабость итальянской армии, отражавшая шаткость фашистского режима, привела к тому, что Муссолини попадал во все большую зависимость от Гитлера, утратив под конец всякую самостоятельность.

Даже среди чернорубашечников появились недовольные. Они отказывались носить фашистские значки, критиковали Муссолини за лакейскую политику и высказывались за выход Италии из войны. Тогда по указанию Гитлера Муссолини начал «чистку» своей партии и административного аппарата. За короткое время из партии было исключено более 70 тысяч человек.

А народ Италии от пассивного сопротивления переходил к активным действиям. Чтобы избежать отправки в Германию, многие итальянцы бросали дома и уходили в горы — там создавались партизанские отряды.

Все шире охватывал страну саботаж.

На военных заводах во время воздушных налетов союзников возникали самые различные «непредусмотренные» задержки: то не хватало песка, то воды, а иногда того и другого. Рабочие не хотели тушить пожары. «Пусть горит,— говорили они,—

меньше Гитлеру достанется»... Инструмент быстро «изнашивался», в чертежах все чаще встречались «опечатки», катастрофически увеличивался брак.

Алексей Кубышкин быстро смекнул, как следует бороться в этих условиях.

— Эх, браток,— укоризненно сказал он своему другу Езику Вагнеру, увидев однажды, что тот пытается погнуть какой-то громадный болт.— Ломать технику тоже нужно умеючи. Этот болт ничего не стоит заменить. Нужно находить самую «хитрую» деталь.

Език оказался толковым учеником. Скоро и он научился незаметно вывести из строя обмотку новенького электромотора, воздухораспределитель в железнодорожном вагоне, сломать иглу домкрата.

Алексей старался портить оборудование как можно незаметнее. Он уже успел присмотреться к итальянцам, работавшим вместе с ним, однако не доверял первым впечатлениям.

Но однажды, когда Кубышкин усердно «трудился» над мотором, кто-то тронул его за плечо. Алексей вздрогнул от неожиданности.

— А у тебя неплохо получается,— добродушно и чуть насмешливо произнес стоявший рядом невысокий сухощавый итальянец.

Его черные волосы были гладко зачесаны назад, на верхней губе топорщилась щеточка усов. Он широко улыбнулся и протянул руку.

Видя, что Алексей остерегается его, итальянец, как пароль, шепотом произнес: «Ленин», а потом, оглянувшись, полез за пазуху и передал Алексею небольшой конвертик.

— О, амико! — сказал итальянец. (Амико — значит, приятель, друг).

Возвратившись в барак, Алексей рассказал об итальянце Вагнеру. Тут же друзья распечатали конверт. В него был вложен маленький портрет Ленина. Под портретом было написано: «Мы верим вам и свою веру передаем через Ленина». Алексея и Езика охватила радость. Портрет Ильича и эти слова звали к борьбе.

В следующие дни Алексей и Вагнер часто встречались с маленьким итальянцем и через него установили связи с членами Комитета национального освобождения, который в это время только что начал создаваться на заводе группой коммунистов.

Бертино Багера — так звали итальянца — был отличным конспиратором. Даже главный инженер завода, ярый фашист, считал, что у Бертино на уме только вино да женщины. На самом же деле никто лучше Бертино не мог выполнять самые сложные задания подпольной группы.

Однажды ночью Алексея разбудил какой-то старик в грязном синем комбинезоне.

— Эй, Алессио, поднимайся. Тебя ждет Бертино.

Алексей быстро встал, оделся и пошел за стариком. Миновав посты охраны, они пришли в контору мастера. Кроме Бертино, там было еще четыре незнакомых итальянца.

— Алессио,— обратился Бертино,— помоги нам исправить ротатор, у нас что-то не получается.

Среди своих друзей Бертино был таким же веселым и жизнерадостным, как и на заводе, но тут он не тратил времени на легкомысленные разговор-

чики по поводу вчерашней выпивки или встречи с какой-нибудь Кларитой. Здесь все отлично знали, что Бертино очень любит свою жену и дочку и совсем редко позволяет себе завернуть в кабачок.

Итальянцы внимательно и сосредоточенно смотрели, как русский, засучив рукава, принялся осматривать ротатор.

У Алексея были золотые руки. Недаром мать говаривала: «Он у нас и столяр, и слесарь, и печник, и сапожник, и механик — хоть кто». Еще подростком он смастерил однажды «зажигательное» ружье и через день принес домой к обеду зайца. Эти руки учились мастерству не только в домашних делах и ребячьих забавах. Они закалялись, когда он совсем молодым парнем работал в команде рыбачьего катера на Азовском море, когда трудился машинистом на заводе в родном Мценске, когда проходил курсантскую службу в военном училище...

Очень многое могли делать руки русского умельца.

Не прошло и тридцати минут, как Алексей с помощью Бертино уже печатал прокламацию. В ней описывалось ухудшающееся положение Гитлера и Муссолини на Восточном фронте и в тылу. Прокламация призывала население крепить единство и оказывать решительное сопротивление немцам.

«Мы хотим есть!» — говорилось в конце листовки.— Долой насильственную отправку в Германию! Прекратить аресты и массовые убийства! Ни одного человека, ни одной машины для Германии! Да здравствует мир!».

За два часа Алексей и Бертино напечатали более двух тысяч прокламаций.

Через несколько дней Алексея снова попросили поработать ночью.

— Ничего, выспимся после войны,— отшучивался Алексей, когда кто-нибудь из итальянских товарищей говорил, что русскому будет трудно на работе. Алексея поддерживала мысль, что он борется с врагами.

На этот раз нужно было срочно напечатать обращение к солдатам тех частей и соединений итальянской армии, которые были дислоцированы в Италии. Эту прокламацию составили члены Римского Комитета национального фронта. В ней говорилось:

«Солдаты Италии! Германия толкает наш народ в бездонную пропасть. Вам незачем погибать за интересы Гитлера. Многие итальянцы уже осознали это и активно борются за освобождение нашей прекрасной родины от фашизма.

Италия превращена в колонию Германии. Наши дети голодают, в то время как продовольствие вывозится в Германию. Немецкие чиновники делаются богачами за счет пота и крови итальянских рабочих и крестьян.

Тот, кому дороги интересы родины, никогда не будет слепым орудием фашистских палачей.

Солдаты! Решительно протестуйте против отправки вас на Восточный фронт. Час пробил! Повернем оружие против тех, кто ведет нашу страну к гибели. Фашизм должен быть уничтожен раз и навсегда. Да здравствует свободная Италия!»

Старенький ротатор часто ломался. Алексей

терпеливо устранял поломки и снова вертел рукоятку до тех пор, пока не начинало рябить в глазах...

Прокламации тайно доставляли почти во все итальянские полки и дивизии. Во многих местах они сделали свое дело.

— Ты должен знать, что твой труд не пропал даром,— сказал однажды Бертино после работы.

— Да много ли там моего труда! — буркнул Алексей, прикуривая сигарету.

— Не скромничай,— возразил Бертино.— Листовки — это очень здорово! Знаешь ли ты, что в одной из казарм Милана солдаты отказались поддерживать провозглашенную командиром полка здравицу в честь Муссолини? В городе Комо солдаты взбунтовались и стали петь «Бандьера Росса». Как тебе это нравится? А на одной дороге повесили на скрипучем дереве чучело гитлеровца и на шею прикрепили фанерку с надписью: «Тодеско, убирайтесь быстрее из Италии! Сегодня вешаем ваши чучела, завтра будем вешать вас самих!»

Бертино разгорячился, взволнованно жестикулировал, глаза его блестели.

Все это было приятно. Но самой радостной для Алексея Кубышкина была весть об окружении немецких войск на Волге. Бертино знал, с какой радостью воспринимает Алексей новости из России, и поэтому каждый раз старался побольше разузнать о делах на Восточном фронте...

А на заводе, где работал Кубышкин, все шло по-прежнему. Рабочие готовились к новой забастовке. Они требовали улучшения условий труда, повышения заработной платы и выхода Италии из войны. Такие забастовки прошли во многих городах страны.

— Вот оно, эхо русских побед! — говорил Бертино, и его черные глаза загорались.

После забастовки подпольная группа коммунистов на заводе еще более усилила диверсионную работу. Теперь Алексей с Вагнером действовали не в одиночку, плечом к плечу с ними работали итальянцы, русские, чехи, французы, норвежцы... Попрежнему портили станки, которые отправлялись в Германию, потом, вместо деталей станков, в ящики стали заколачивать железный лом. Часто в ящики вкладывались письма, адресованные рабочим Германии и иностранным рабочим, работавшим на немецкой каторге. Несколько писем было написано и рукой Алексея. Он обращался к русским рабочим, насильно угнанным в Германию, с призывом выводить из строя заводское оборудование, замедлять темпы работы, крепить классовую солидарность с рабочими других стран, изготовлять больше бракованных деталей, делать все, что может приблизить победу над фашизмом.

6 ноября Бертино отозвал Алексея в сторону и прошептал:

— Завтра рано утром, когда пойдете умываться, обрати внимание всех военнопленных на памятник Гарибальди.

— А что там будет?

— Потерпи, увидишь,— Бертино подмигнул и с беспечным видом пошел дальше...

Утром 7 ноября 1942 года солнце, взойдя над Апеннинами, осветило прекрасную панораму «вечного города». Легкой дымкой окутались оливковые рощи и виноградники. Слабый ветерок перегонял стадо кудрявых облаков через Яникульский холм,

на вершине которого возвышается величественная и мужественная фигура человека, сидящего на коне,— памятник Гарибальди.

— Товарищи! — крикнул Алексей.— Посмотрите на Гарибальди! — и показал рукой на Яникульский холм.

Все повернулись и увидели: в руках Гарибальди развевалось огромное красное знамя.

В ночь на 7 ноября красные знамена были вывешены на самых высоких трубах заводов, на куполах некоторых соборов, на крышах фабрик, на телефонных столбах. Люди восторженно кричали:

— Браво, браваиссимо!

Фашистские молодчики бесновались. Они долго лазили по пожарным лестницам и срывали красные полотнища.

Таким и запомнился Алексею великий праздник Октября, впервые проведенный на чужой земле...

А в конце ноября Кубышкина и Вагнера ждало новое испытание. Бертино сообщил им, что по приказу центра большинство коммунистов завода уходит на особое задание.

— А как же мы? — вырвалось у Алексея.— Возьмите и нас с собой.

Бертино грустно улыбнулся.

— На нашей работе нужно быть итальянцем. Или по крайней мере безупречно знать итальянский язык.— Он сам был расстроен прощанием с русским.— Но мы о вас не забудем. Ждите вестей.

Бертино улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и быстро исчез.

С тех пор ни Алексей, ни Език не видели этого веселого итальянского коммуниста. Говорили, что

он был пойман и казнен. С пением Интернационала пошел Бертино на виселицу. На эшафоте рассмеялся в лицо священнику, предложившему «покаяться», и крикнул: «Наши идеи живут, на моей могиле вырастут цветы!»...

Бертино тайно вел дневник, записывая в него все мерзости фашистов. Дневник попал в руки эсэсовцев при аресте. Перед тем, как повесить Бертино, они разорвали его записи на мелкие клочья и бросили ему в лицо. Так, может быть, человечество лишилось одного из первых «Репортажей с петлей на шее», автором которого был коммунист, «итальянский Фучик».

И В ИТАЛИИ ЕСТЬ ТЕЗКИ...

Задумавшись, Алексей глядел на чистое бирюзовое небо. Красивое небо, хорошее, ничего не скажешь, но все-таки небо над Родиной куда лучше... Эх, были бы крылья!..

Кто-то хлопнул его по плечу. Алексей вздрогнул, обернулся и увидел какого-то незнакомого рабочего в короткополой промасленной куртке. Итальянец улыбнулся.

— Тю-тю...— сказал он, показывая глазами на небо.

«Что он хочет сказать?» — подумал Алексей, и неожиданная мысль обожгла его. Двумя пальцами он показал на ладони — бежать!

Незнакомец радостно закивал. Но тут послышались голоса немецких солдат. Рабочий, кивнув, ушел.

Алексей рассказал об этой встрече Езику.

— Ты считаешь, друг? — Език тоже был взволнован.

— Тихо...— Алексей сжал его локоть.— С этим рабочим мы еще встретимся... Скажи, Език, а ты бы бежал со мной?

— Ты еще спрашиваешь? — в голосе поляка слышалась обида.— Но вдруг это провокатор? Смотри, недолго и попасться...

Алексей дружески обнял его за плечи:

— Ничего, Език, не тужи!

Вскоре тот самый итальянец снова повстречался Алексею. Нет, определенно это был пресимпатичный парень. Как возбужденно и радостно сияли его глаза, когда он рассказывал, что по всей Италии начали организовываться партизанские отряды, что создают их итальянские коммунисты и советские военнопленные, которые бежали из концентрационных лагерей.

— И вам нужно к ним,— закончил итальянец.

— Но как это сделать?

— Не торопитесь. Сделаем. Только не нужно спешить. Ждите... Наш народ поднимается на борьбу за новую Италию, он хочет, чтобы она была такой же свободной, как Советский Союз. Теперь многие понимают, что фашизму придет конец. Я, брат, сам видел этот конец еще под Воронежем... Ведь я

недавно вернулся с фронта. От десяти дивизий нашего экспедиционного корпуса остались лишь горелые танки, подбитые самолеты, исковерканные пушки да березовые кресты на берегах казацкого Дона. Мало кому удалось унести ноги обратно в Италию.

— А как же тебя отпустили домой? — поинтересовался Алексей.

— Не так-то просто,— засмеялся итальянец.— Русская пуля раздробила мне руку. Но я не обижен на Советы, ведь в Россию меня никто не приглашал!

К Езику Алексей прибежал радостно-взволнованный. Но тот встретил его нежданно сухо. Словно что-то надломилось в нем, чего-то он боялся. И слова — они поразили Кубышкина:

— Война, Алексей, скоро кончится. Стоит ли рисковать?

— Език! Разве мы не должны мстить?!

— Конечно, должны. Но... сейчас главное выжить.

— Эх, Език! — Алексей насупился, махнул рукой и, сгорбившись, высокий и понурый, пошел к бараку.

«Так вот как ты, мой друг,— горестно думал он.— Дрогнуло твое сердце... Да, конечно, война когда-то кончится, и можно отсидеться здесь, выжить. Но что же это за жизнь для бойца! Нет, пока топчут землю фашистские сапоги, я буду бороться, драться, убивать врага и, если придется погибнуть, погибну достойно»...

— Постой! — Език бежал за ним.— Алексей, погоди! — Видно, минутная слабость, сковавшая его, прошла.

Алексей положил руку на его плечо, горячо зашептал:

— Когда спасал меня, ты не боялся. А теперь? Другие сражаются, умирают, а мы будем ждать, когда свободу нам на блюдечке поднесут?

Лицо Езика то бледнело, то покрывалось краской стыда.

— Хорошо. Бежим!.. Только — осторожность и еще раз осторожность. Не для того мы столько страдали, чтобы умереть...

Шли дни... Прошла неделя, показавшаяся вечностью. Итальянец не появлялся. Алексей и Език уже теряли надежду. В голову лезли худые мысли. Может быть, итальянца заподозрили и арестовали? Может быть, он погиб в какой-нибудь уличной перестрелке? Или просто лежит в своей каморке тяжелобольной?

Но вот однажды на дворе снова промелькнула знакомая замасленная куртка. Итальянец издали поприветствовал Алексея и многозначительно похлопал себя по карманам.

Что он хотел этим сказать? Алексей машинально полез в свой карман и неожиданно нащупал там какую-то бумажку. Записка?! Когда успели сунуть?.. Алексей развернул листочек и прочитал: «Ждем в полночь за оградой завода»..

Теплая январская ночь. Вдоль заводского забора тускло светились фонари. Ночь выдалась туманной. Ветер, подувший с моря, принес струю свежего, холодного воздуха. Печально и тревожно шелестели на деревьях листья.

Ночью Алексей и Език перемахнули через высокий дощатый забор. Благополучно... Нервы на-

пряжены до предела. Теперь — дальше. Крадучись, беглецы проползли под колючей проволокой и, прячась между каштанами, повернули за угол каменной башни.

Из темноты навстречу шагнул высокий, сухопарый человек в длиннополом пальто с поднятым воротником, в измятой, надвинутой на глаза шляпе. Человек не походил на итальянца.

— За мной! — коротко приказал он.

Шли по вымощенной булыжником узкой улице. По обеим сторонам тянулись старые каменные ограды. Было тихо и пустынно.

— Наконец-то... — прошептал Алексей.

Горячая волна радости подступала к горлу. Теперь для него все стало иным: звезды горели ярко и приманчиво, каштаны ласково тянули к нему свои ветви, даже ветер, до этого беспощадно обжигавший лицо, теперь казалось, шептал: «Свобода, свобода»...

Шли один за другим, все ускоряя шаг. Несколько раз им встречался патруль. Тогда беглецы вместе со своим провожатым прижимались к шершавым стенам подъездов или ныряли в спасительную темноту подворотен.

Алексей Кубышкин думал сначала, что их постараются укрыть где-нибудь на самой окраине Рима, но высокий мужчина в шляпе уверенно шел по улицам, совсем не похожим на окраинные. Наконец, возле одного из домов он остановился. Алексей успел заметить освещенную фонарем табличку: «Улица Джулио Чезаре, 51».

Человек протянул руку к крайнему окну первого этажа, постучал несколько раз с перерывами, то быстро, то медленно. Беглецы затаили дыхание. Алексей слышал лишь тревожные стуки своего сердца. Но вот бесшумно отворилась дверь, и все трое вошли в помещение.

Вспыхнул свет. Человек, приведший их, подошел к Алексею и протянул руку.

— Бессонный,— назвал он себя и добавил: — Алексей Иванович.

— Меня тоже Алексеем зовут,— радостно ответил Кубышкин, услышав родную речь.

— Отлично,— улыбнулся Бессонный.— Значит, тезки. А это хозяин квартиры — русский художник — Алексей Владимирович Исупов. Как видите, тоже наш тезка...

Вдруг за окнами дома раздались отрывистые крики. Кубышкин и Вагнер инстинктивно прижались друг к другу. Шум, доносившийся с улицы, был знаком беглецам: это подавали команды итальянские офицеры; потом раздался мерный топот ног.

— Окружают,— тихо проговорил Език.

Он посмотрел на Бессонного и Исупова — те продолжали о чем-то разговаривать между собой, как будто крики и топот на улице ничуть их не тревожили.

Наконец, художник заметил волнение беглецов.

— Не волнуйтесь, дорогие товарищи,— мягко сказал он.— К этим луженым глоткам я уже привык. Против моего дома как раз находится фашистская казарма. Орут день и ночь.

— Опасное соседство,— пробормотал Алексей.

— А по-моему, это как раз безопасно,— засмеялся Исупов.— Фашисты ищут коммунистов где угодно, только не у себя под носом.

Лишь сейчас Кубышкин и Вагнер хорошенько разглядели его. Перед ними стоял высокий, седой, начинающий полнеть мужчина. Весь облик старого художника дышал спокойствием, уверенностью в себе. Большой бугристый лоб, перерезанный глубокой морщиной, крупный нос, твердый подбородок— все говорило о внутренней силе этого человека. И рука у него была большая, с крепкими широкими пальцами. Такая рука может и умеет работать.

В кабинете Алексея Владимировича стояли стол из черного дерева и несколько стульев. Тяжелые занавеси на больших окнах приспущены. На стенах развешаны картины, этюды, фотографии. В углу мольберт и только что начатый холст.

Език и Алексей были смущены. Их жалкая одежда и стоптанные сапоги выглядели еще более убогими в этой нарядной комнате, освещенной мягким электрическим светом.

Кто эти люди? Художник... Видимо, эмигрант?

А Бессонный? Ясно только, что они связаны с итальянским подпольем...

Но Бессонный и Исупов не дали гостям времени для размышлений. Алексею и Езику пришлось ответить на десятки вопросов. «Русских итальянцев» интересовало буквально все, что касалось России. Чувствовалось по всему, что годы, проведенные на чужбине, не могли заглушить их большую любовь к Родине.

Вскоре жена художника, Тамара Николаевна, принесла два костюма, обувь и белье.

— Ванна для вас готова. Мойтесь и переодевайтесь,— сказала она так просто, словно только тем и занималась, что укрывала беглецов.— А старую одежду сожжем.

Алексей и Език переглянулись. Принять ванну!.. Их тела истосковались по чистоте, по белым, пахнущим свежестью простыням, по душистому мылу и чистым сорочкам.

Тамара Николаевна внимательно взглянула на Алексея, по-своему поняв его минутную растерянность, и сказала:

— Многие считают нас с мужем эмигрантами. Но это совсем не так. Мы уехали из России в 1926 году и не потому, что нам не нравилась Советская власть. Совсем не потому. У моего мужа тогда начинался туберкулезный процесс и очень болела рука. Мы уехали по настоянию врачей в надежде, что климат Италии поможет Алексею избавиться от болезней. Но мы всегда думаем о нашей стране. Особенно сейчас, когда русскому народу грозит смертельная опасность. И мы горды тем, что наши соотечественники свято защищают свою Родину.

Эти слова могли бы звучать высокопарно, если бы их не согревали искренность и какая-то особая теплота в голосе Тамары Николаевны.

...Какое это блаженство — после долгих месяцев запущенности искупаться в горячей ванне! Вымывшись, Алексей побрился и внимательно рассмотрел себя в большом зеркале. Конечно, он сильно сдал. Скулы сжаты, сеточка морщин возле глаз, а на висках уже видны серебряные нити...

Хозяева пригласили за стол. Тамара Николаевна налила всем по бокалу виноградного вина, а себе — чашечку черного кофе.

Алексей Владимирович задумался, опустив голову. Неожиданно он сказал:

— Какое это холодное и неуютное слово — эмигрант!.. Больше всех, пожалуй, его не любил Илья Ефимович Репин. До последних своих дней он мечтал вернуться на родину. Он писал мне однажды: «...Только состояние здоровья мешает осуществить мое заветное желание — жить в новой России...» Я счастлив тем, что мне пришлось быть учеником этого великого живописца. Какой это был человек!..

— Ничего, Алексей Владимирович, — сказал Бессонный.— Вот кончится война, и мы с вами вернемся в Россию. А пока будем делать все, что в наших силах, для ее счастья и свободы...

— Хорошо сказано! — произнес старый художник.— Прошу за это выпить по бокалу... Хотя нет! За Родину следует выпить что-нибудь покрепче... Где-то есть. Сейчас принесу.

Через минуту Алексей Владимирович принес бутылку коньяка и налил всем, даже Тамаре Николаевне:

— Хоть один глоток выпей вместе с нами. За возвращение на Родину!

Он поднял руку и стал декламировать Есенина:

> Мне теперь по душе иное...
> И в чахоточном свете луны
> Через каменное и стальное
> Вижу мощь я родной стороны...

Трогательно и странно звучали здесь, в далекой южной дали, эти строки русского поэта.

Алексей Владимирович дочитал стихотворение, решительно тряхнул седой головой:

— За нашу победу! — и выпил рюмку залпом.

— Да,— задумчиво сказал Бессонный,— победа была бы куда ближе, если бы американцы и англичане открыли второй фронт на Западе. Но они подозрительно медлят.

— Мне не нравится их мышиная возня,— поддержал его художник.— Вот только что в Швейцарии закончились переговоры Даллеса с немецким князем Гогенлоэ. За спиной русского солдата плетутся какие-то интриги...

— Вот и нам вчера,— подхватил Алексей,— принесли в барак газету «Заря», берлинское издание для русских военнопленных. Сколько там напечатано разной ерунды... уши вянут! Пишут, что никакого второго фронта не будет, что рано или поздно Америка и Англия выйдут из войны, что большевики начали расстреливать родственников всех русских военнопленных... Ну, через пять минут после раздачи газет все они оказались в урнах. Кто будет верить этой клевете!

Опять заговорил Исупов. Он сердито выгова-

ривал Бессонному за то, что тот не дает ему настоящей подпольной работы.

— Вы, пожалуйста, не считайте меня стариком! — воскликнул он, заложив большие пальцы рук за подтяжки.— Ради победы над фашизмом я готов бросить и кисти, и краски, и полотно.

Алексей внимательно прислушивался к разговору.

— Вы и так очень многое делаете,— возразил Бессонный. Сколько людей вы спасли от верной гибели! А ведь теперь они воюют с фашистами...

Кубышкин и Вагнер переглянулись.

— Но сам-то я не воюю,— тихо сказал Исупов.

— И все-таки сейчас вы делаете больше, чем могли бы сделать с автоматом в руках. И, кроме того, я не могу рисковать вашей жизнью. Мне бы никогда этого не простили ни русские, ни итальянцы.

Беседа затянулась далеко за полночь. Первым из-за стола поднялся Бессонный.

— Светает,— сказал он, осторожно отодвинув занавеску.— Мне пора возвращаться на свою виллу...

После ухода Бессонного художник показал гостям свои картины.

Алексей долго стоял перед полотном, на котором было изображено озеро. У берега вздымалась гора, увенчанная нагромождением скал. Над ней висели набухшие влагой, темные облака. Было в этом пейзаже что-то родное, русское, и, Алексей почувствовавший это, не ошибся.

— Это уральское озеро,— подтвердил Алексей

Владимирович.— А картину я закончил в сорок первом году.

— Как же так? Вы ведь не были в России с двадцать шестого года.

— По памяти,— улыбнулся художник.— Иметь хорошую зрительную память я просто обязан по профессии. А кроме того, русские пейзажи тому, кто любит Россию, легко запоминаются. Я написал немало картин о России уже здесь, в Италии. И еще больше постараюсь написать...

Понравился Алексею и «Автопортрет» художника. На этой картине Исупов стоял с кистью в руках на фоне Невы. В дымке далекой перспективы виднелись высокий шпиль Петропавловской крепости и темно-серый силуэт крейсера «Аврора». Картина производила сильное впечатление.

Исупов был рад, что его работа понравилась.

— Конечно,— усмехнулся он,— сейчас за такое мигом попадешь в полицию... Но эти картины никто не видит. Зато в первые же мирные дни я покажу их людям.

Тамара Николаевна, с улыбкой слушавшая разговор, мягко упрекнула мужа:

— Алексей, не будь эгоистом! Люди устали, переволновались. Им нужно отдохнуть. Один бог знает, что их ждет завтра!

Художник, смеясь, ударил себя рукой по лбу:

— Неисправимый болтун! Спать, спать без всяких разговоров! Приятных сновидений...

Через полчаса в доме воцарилась тишина. Алексей перебросился несколькими фразами с Езиком, но усталость, легкое опьянение и ощущение безопасности и свободы сделали свое дело.

Сон пришел незаметно, и впервые за долгое время ночные кошмары не душили Кубышкина. Ему снились цветы...

Недели шли за неделями. Алексей и Език продолжали скрываться у Исупова. Их жизнь текла однообразно, размеренно-тягостно, но где-то там, за стенами дома, в грохоте сражений, в упрямой и таинственной работе подпольщиков, в нарастающих атаках партизан жизнь летела стремительно и грозно.

Исуповым сообщили радостную весть: шестая гитлеровская армия фельдмаршала Паулюса разгромлена, а сам он со своими генералами, офицерами и солдатами оказался в плену у советских войск. Катастрофа армии Паулюса стала предвестником грядущих поражений вермахта и воодушевила народы Европы, томившиеся под оккупационным ярмом.

После разгрома армии Паулюса в фашистской коалиции начался серьезный кризис. А среди трудящихся Италии победа на Волге вызвала небывалый подъем Народ требовал роспуска фашистских организаций, освобождения политических заключенных и прекращения войны. Подпольные листовки коммунистической партии переходили из рук в руки и зачитывались до дыр. На многих улицах Рима появились огромные надписи: «Гитлер — кровавый палач!», «Долой союз с Гитлером!», «Смерть фашизму!».

Разъяренные эсэсовцы повсюду искали комму-

нистов и патриотов-подпольщиков. А их становилось все больше и больше. По инициативе компартии во многих городах стали создаваться «отряды патриотического действия». Они совершали нападения на военные объекты врага, выводили из строя предприятия, работавшие на гитлеровскую армию, уничтожали предателей и нацистских палачей.

В сельских местностях организовались «отряды местных жителей». Крестьяне скрывали от оккупантов продовольствие и зерно, пополняли армию народного ополчения. В оккупированных зонах страны возникали «ударные гарибальдийские бригады». Они готовили себя для вооруженной борьбы.

Итальянский народ переходил к четким, организованным действиям. В городах заводские «комитеты движения» призывали рабочих бойкотировать выполнение военных заказов для гитлеровской армии, проводить забастовки протеста против репрессий фашистских властей.

Юноши не приходили на призывные пункты и распространяли прокламации, призывавшие население оказывать сопротивление захватчикам. «Мы хотим есть! Долой насильственную отправку в Германию! Прекратить аресты и массовые убийства! Ни одного человека, ни одной машины для Германии!» — призывали листовки.

Весной 1943 года Муссолини при помощи своего зятя Чиано, назначенного им послом в Ватикане, попробовал начать переговоры с союзниками Советской России и заключить с ними сепаратный мир. Это была последняя попытка спасти

фашистский режим в Италии от полной катастрофы. Но и эта попытка провалилась: Красная Армия начала весеннее наступление по всему фронту, а союзники стали, наконец, готовиться к высадке своих войск на острове Сицилия.

Война приближалась к границам Италии.

В этот период Ватикан вступил в контакт с Англией и США. Западные союзники, как и Ватикан, испытывали одинаковый страх перед победой революционных сил в Италии. Они разработали совместный план действий. Он состоял из двух частей. Первая — свержение Муссолини, которое стало уже неизбежным. Вторая часть — помешать победе революционных сил в Италии.

Результат вскоре стал очевидным. Италия безоговорочно капитулировала, сохранив, однако, фашистский режим в замаскированном виде. Но трудящиеся массы страны усилили борьбу за демократические свободы. Ряды коммунистической партии быстро росли, народ Италии все внимательнее прислушивался к ее лозунгам и призывам...

...Так шла жизнь за стенами дома старого русского художника. Алексей и Език томились от безделия, им не терпелось принять участие в общей борьбе.

— Подождите,— твердил Исупов.— Вас не забыли, о вас помнят, вас позовут.

НА ВИЛЛЕ БЕЗ ХОЗЯИНА

Нарядная белая вилла стояла на холме привилегированного предместья Рима — Париоли. Здесь, на тихих зеленых улицах, жили аристократы, дипломаты и королевские чиновники.

Поздней сентябрьской ночью Марио — сторож белой виллы — тихо открыл железную калитку и впустил трех человек: Николо, Алексея и Езика.

— Марио, это наши друзья, Кубышкин и Вагнер,— сказал Николо.— Они будут у тебя жить. И бороться за наше общее дело.

Марио оглядел пришедших и, улыбнувшись, дружески поздоровался. Все располагало к не-

му — выразительные карие глаза, приятный тембр голоса, спокойные жесты. На вид ему было не более сорока, хотя его старила клинообразная бородка.

У этой виллы была своя история.

Массовые забастовки весны 1943 года объединили рабочих и ободрили антифашистов, а у сторонников фашистского режима вызвали пораженческие настроения и растерянность. Началось повальное «бегство крыс» с тонущего корабля итальянского фашизма. Из Рима позорно бежали в Бриндизи под охрану американского десанта король Италии Виктор-Эммануил со своей семьей, правительство во главе с маршалом Бадольо и генералитет.

В числе сбежавших был и владелец виллы, дальний родственник короля, архитектор Джиберти.

После 8 сентября северную и центральную Италию оккупировали гитлеровские захватчики. Итальянский народ был оставлен на произвол Гитлера и Муссолини. Правительство Бадольо надеялось, что фашистам удастся разгромить итальянское движение Сопротивления. Но они просчитались. Во главе патриотов встала коммунистическая партия Италии.

Росла подпольная сеть, множилось число конспиративных квартир. Среди них оказалась и эта аристократическая вилла...

После ухода Николо Марио познакомил «квартирантов» с их новым жильем. Алексея и Езика особенно заинтересовал кабинет архитектора. Между окон, как в часовне, разместились два немецких

серванта. На одном из них были расставлены фигурки из саксонского фарфора, статуэтки из слоновой кости, китайские драконы, ларец из серебра для хранения писем; на другом — постные физиономии католических святых, кардиналов, нунциев и римских пап, вылепленных из воска. Это был своеобразный «исторический музей» католицизма.

Стены кабинета украшала фресковая живопись. Крупным планом была изображена казнь святого Джованни, которому турки отрезали голову. Тут же были воспроизведены и эпизоды из жизни папства: «Лев III коронует Карла Великого императором», «Торговля индульгенциями», «Крестовые походы», «Сожжение Джордано Бруно» и другие. Казалось, сама история пришла из тихих залов музея в эту комнату с готическими окнами.

— Придется вам пожить среди пап,— пошутил Марио.

— Хорошо, что они молчат,— в тон ему ответил Алексей.

— А ты знаешь, как зовут вот этого папу? — Език кивнул на бюст длинноносого человека.

— Откуда мне знать? — усмехнулся Алексей.— Я и русских-то патриархов не знаю ни одного.

— Это Иннокентий Восьмой,— пояснил Език.— У нас в Польше католицизм, поэтому мы о папах знаем больше, чем русские. Кстати, этот связан немножко и с вашей историей. На приемах у Иннокентия Восьмого русские послы сидели на самых почетных местах после сенаторов. А когда однажды один из кардиналов хотел посадить посла Данилу Мамырова где-то в углу, тот сказал: «Не

быть по-вашему. Велико княжество московское. И не подобает послу великого государя сидеть на задворках...» Пришлось кардиналу отступить перед ним. Език улыбнулся — все это запомнилось ему еще со школьных лет.

— Так-то! — удовлетворенно произнес Алексей.— Видишь, Език, даже и в то время с Россией считались. А то ли еще будет, когда разобьем немцев.

— А это гороскоп хозяйского сына, Джованни,— продолжал Марио, показывая на небольшой металлический круг, похожий на карманные часы.— Когда Джованни убили, товарищи переслали гороскоп родителям. Видите здесь, посредине — лев. Это небесный «знак бессмертия», под которым, считалось, родился архитекторский сын.

— От пули не спасет никакой гороскоп,— ответил Алексей,— продолжая рассматривать фотоальбом.— Смотрите! Это уж настоящие фашисты!

На фотографии возле берез, запорошенных снегом, стояли солдаты итальянской армии, закинув винтовки за плечи. Перед ними, среди беспорядочно раскиданной одежды, сидела полуобнаженная девушка. Она пыталась прикрыться руками.

Рядом, прямо на снегу, сидели другие обреченные — мужчины, женщины, дети.

Под фотографией мелким, четким почерком было написано по-итальянски: «Так мы уничтожаем семьи русских партизан в Орловских лесах».

Вагнер прочитал надпись и вопросительно поднял глаза на Алексея:

— Это там, где ты родился?..

Алексея словно током ударило. Он как-то не обратил внимания на надпись раньше, и теперь лицо его побледнело, брови круто сошлись на переносице, на скулах заходили желваки. Теперь он вглядывался в фотографию с особым пристрастием. Ему казалось, что он отыщет среди этих несчастных кого-то из своих. Ведь отец его наверняка ушел в партизаны... Но лица были незнакомые. Впрочем, их трудно было разглядеть: многие плакали, обняв друг друга, некоторые отвернулись в сторону, третьи закрыли лица...

Алексей захлопнул альбом и порывисто поднялся. Карие глаза его совсем потемнели.

— Какого черта, до каких пор мы будем сидеть без дела? — глухо произнес он, шагая по кабинету.

Вагнер вздохнул.

— Терпенье, мой друг!..

Утром пришел Николо. Алексей набросился на него:

— Я так больше не могу! Должны же мы хоть что-то делать!

— Конечно,— спокойно отозвался Николо.— И мы уже кое-что для вас придумали. Слушайте...

...Поздно ночью Алексей, Вагнер и Марио, вооружившись красками и кистями, незаметно вышли из виллы. Вернулись лишь под утро.

Всюду, где прошли эти трое, на стенах каменных домов, на тротуарах появились карикатуры на Гитлера и Муссолини и надписи: «Да здравствует СССР!», «Смерть Гитлеру!», «Да здравству-

ют партизаны Италии!», «Долой фашизм!», «Долой дуче!».

Большинство лозунгов Алексей и Език с помощью Марио написали по-итальянски. Но потом Алексей не выдержал и вывел на стене родные броские слова: «Смерть Гитлеру!» По-русски. А Език тщательно вырисовал по-польски: «Да здравствует свобода!».

Подобные опасные задания приходилось выполнять часто. Алексей был рад, что угнетающее безделье окончилось. Он мог чувствовать себя человеком только тогда, когда боролся, когда своими руками делал то, что приближало победу над фашизмом.

Иногда они слушали антифашистскую радиостанцию «Милано-Либерта» и Москву. Все передачи подробно записывались, а утром Марио относил записи редакциям подпольных газет.

Приближалось 7 ноября 1943 года — 26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Простые люди Рима решили отметить этот праздник. На стенах домов и тротуарах появились приветствия в честь Октября и героического советского народа. В ночь на 7-е на площадях и высоких зданиях были вывешены красные флаги. Фашистам удалось снять их лишь к полудню.

Во многих районах города состоялись митинги. Под охраной гапистов на улице Витторио-Венето, где помещалось главное немецкое командование, выступил коммунист Галафати. «Граждане Рима! — говорил он.— Сегодня, 7 ноября, годовщина русской революции... Славная Красная Армия гонит

нацистского зверя в его берлогу... Смерть немецким захватчикам! Смерть фашистским наемникам!»...

Когда немцы бросились на улицу Витторио-Венето, их встретили выстрелами и взрывами ручных граиат.

В боевой группе гапистов находились и Алексей с Вагнером...

Так была начата вооруженная борьба населеиия итальянской столицы против гитлеровцев и итальянских фашистов.

В тот деиь, 7 ноября, коммунисты Рима вручили Алексею Кубышкину и Езику Вагнеру карточки членов коммунистической партии Италии...

Вечером под новый 1944 год Марио сказал Алексею и Езику:

— Сегодня пойдем в гости.

Друзья посмотрели на него с удивлением. Марио улыбиулся:

— По-настоящему в гости. Не верите? Встречать Новый год. С рабочими, которые живут в пещерах... Захватим кое-что из запасов архитектора.

Они взяли с собой вииа, закуски, сигарет.

Пещеры — это, коиечио, ие сладко. Но то, что увидели Алексей и Език, потрясло их. Тесиые мрачные подземелья. Мрак, сырость, холод. Среди взрослых, как привидения, маячили дети — оборванные, худые, с большими болезиенио блестевшими глазами.

Нежданиым гостям все были несказаино рады.

— Мы пришли к вам, чтобы вместе встретить Новый год,— сказал Марио и представил им дру-

зей:— Вот это — Алессио, русский матрос, а это — Език, поляк...

Их сразу окружили ребятишки. Пришлось всю закуску раздать им, а Марио откомандировать за добавочным продовольствием.

Встреча Нового года затянулась за полночь. Пили вино, произносили тосты.

Возвращаясь, они молчали. Уже подходя к вилле, Алексей задумчиво сказал:

— Какие чудесные люди! И как плохо живут.

Марио, шедший рядом, вздохнул и сказал на ломаном русском языке:

— Вас, возможно, скоро повезут в партизанский отряд...

— Вот хорошо! — вырвалось у Алексея.

Уже дома, на вилле, Марио снова вернулся к этому.

— Может быть, мы больше не увидимся,— заговорил он приглушенным голосом.— И вот что я хотел вам сказать, Алексей. У меня в России есть один очень хороший знакомый. Если вы вернетесь домой, постарайтесь отыскать его и передать от меня большой сердечный привет...

— Кто он такой?

— О, это длинная история.— Марио вздохнул и, засунув руки глубоко в карманы, прошелся по комнате.— Но рассказать ее вам я должен... Садитесь, я тоже присяду... Это было летом сорок второго года. В составе восьмой итальянской армии я дошел до берега Волги. Я был тогда капралом и носил большие пушистые усы. Да-да,— усмехнулся он и показал:— Вот такие... Я делал

все возможное, чтобы мои солдаты не были такими зверями, как гитлеровцы. Но свои чувства, свое уважение к русским я был вынужден хранить в глубокой тайне. Бои шли большие... Немцы бросили на Волгу массу танков, артиллерии, авиации и минометов. Вместе с ударным батальоном СС мы закрепились на набережной, обороняли один дом. У меня в то время было всего лишь тринадцать солдат. Пытались сдаться в плен, но ничего не вышло: немцы были бдительны. Тогда мы решили помочь русским. Ночами стали воровать у немцев пулеметы, автоматы, гранаты, патроны и прятать все это в подвал дома. Когда немцы узнали об этом, командир батальона майор Миллер решил нас расстрелять. Но не успел — красноармейцы двести третьего полка семидесятой стрелковой дивизии уничтожили весь его батальон, а нас вместе с Миллером взяли в плен. Это было в конце декабря.

Допрашивал нас комиссар полка капитан Ильиных. Вот это и есть мой знакомый... Он очень хорошо отнесся к нам, итальянцам. В январе сорок третьего года нас привезли в один старинный город. Этот город я знал из истории.

Лагерь военнопленных находился около завода. Держали нас, итальянцев, вместе с румынами и венграми. Каждый день ходили на завод работать. Здесь мы увидели сплоченный рабочий класс, который делал все возможное, чтобы приблизить победу. В городе в то время работала антифашистская школа для военнопленных. В марте меня зачислили туда. Три месяца учился. Изучали русский язык, внутреннее и международное положе-

ние Советского Союза, военную и политическую обстановку на фронтах, положение рабочего класса в странах, захваченных Гитлером.

Была у нас своя художественная самодеятельность, проводили различные вечера. Несколько раз приносили нам книги на итальянском языке.

Школа помогла мне окончательно определиться в жизни. Я стал антифашистом.

Немцы даже в лагере стремились командовать своими «союзниками», унижать их. Таков уж «арийский дух». Некоторые из них пролезли в повара, в хлеборезы, устраивались бригадирами, нарядчиками, лагерными комендантами. На этой почве между немцами и военнопленными других национальностей возникали довольно серьезные трения. Особенно пренебрежительно они относились к итальянцам, называли нас «макаронниками»...

Марио, минуту помолчав, продолжал:

— В июне сорок третьего года небольшая группа итальянских антифашистов была направлена в Москву. А в начале июля нас на транспортном самолете отвезли к партизанам Югославии. У них мы пробыли неделю, через город Триест перебрались поодиночке в Италию. И вот, как видите, я остался верным тому, чему нас учили на вашей Родине...

Марио помолчал.

— А вот моему брату Винченцо так и пришлось навсегда остаться в России,— заговорил он, и голос его стал печальным.

— Убили? — глухо спросил Алексей.

— Да. Но не от русской пули погиб Винченцо. Его расстреляли немцы.

Он опять замолчал, но Алексей ничего больше не спрашивал — ждал, и Марио стал рассказывать.

— Винченцо служил вместе со мной, в одной дивизии. Однажды немцы приказали ему и еще десяти итальянцам расстрелять тридцать семь русских заложников — стариков, женщин, детей. Винченцо был парень горячий, фашистов ненавидел страшно, особенно после того, как насмотрелся на их зверства в России. И вот мой братишка подговорил своих товарищей отпустить всех заложников. Ребята согласились. Но немцы вместе с ними послали для наблюдения двух эсэсовцев...

Марио встал, закурил, прошелся по комнате.

— Расстрел русских должен был произойти в пять часов вечера. А в семь наш батальон подняли по тревоге. Оказалось, что Винченцо и его товарищи убили обоих эсэсовцев. А заложников отпустили... Эсэсовцы, не дождавшись двух своих, подняли тревогу и вскоре в лесу напали на след итальянцев. Ребята хотели сдаться русским. Но не успели. Они отстреливались от немцев, положили их, наверное, с десяток, но силы были неравны. Немцы взяли живьем только двух. Винченцо был вторым. Но лучше бы его убили в перестрелке!.. Немцы ужасно избивали его и расстреляли только на второй день. Мне не дали повидаться с ним. Но ребята говорили, что Винченцо умер храбрецом. Он сказал: «Теперь моя совесть чиста»...

Марио притушил сигарету, вздохнул:

— Да, Муссолини втянул нас в эту грязную войну с вами. Во все времена русским и итальянцам не о чем было спорить, нечего было делить. Разве не так? Вот только в прошлом веке Наполеон насильно потащил за собой в Россию тридцать тысяч итальянцев. А вернулось домой всего триста с небольшим. Но Муссолини не хотел заглядывать в историю! Чго же, он дорого заплатит за это...

Марио замолчал, задумавшись. Молчали и Алексей с Езиком. Каждый из троих думал об одном: о желанном часе победы над общим врагом.

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Связной Алексей Бессонный всегда приходил неожиданно. Без предупреждения появился он на вилле и в этот раз.

— У меня для вас добрая весть,— сказал он, и глаза его задорно заблестели.

— К партизанам? — обрадованно догадался Алексей.

Бессонный кивнул, не сдерживая улыбки.

Он повез их и еще двух русских — Ивана Румянцева и Павла Лезова — на Альбанские холмы. Там действовал партизанский отряд Анатолия Тарасенко.

Ехали в роскошной машине с ватиканским номером и эмблемой «Банка святого духа». На всякий

случай Бессонный выдал всем «хорватские паспорта» и по одной гранате.

Он был бодр и уверен в успехе:

— Не волнуйтесь, ребята! Все обойдется. Сегодня подходящий день. Вся полиция и агентура Ватикана занята одной важной персоной. Им сейчас не до нас...

— Что «за персона»? — поинтересовался Алексей.

— Прибывает на свидание с папой архиепископ Нью-Йорка Спеллман,— Бессонный усмехнулся.— Избран посредником между папой и западными союзниками. Он, как паук, помогает им плести черную паутину... Сейчас такое положение в мире: русские кровь проливают, а союзники разрабатывают планы, как лучше после войны прибрать к своим рукам другие страны...

Автомобиль мчался по лесной дороге.

Не доезжая километра три до места, Бессонный отправил машину обратно и повел будущих партизан пешком. Ветерок, напоенный запахами можжевельника, вздувал пиджаки, развевал волосы...

Новичков в отряде приняли хорошо. На всю жизнь запомнил Алексей слова партизанской клятвы: «Быть верными, стойкими партизанами и бороться с фашистами до полного их разгрома»... После клятвы каждый получил автомат с боеприпасами.

Так Алексей Кубышкин стал партизаном на итальянской земле.

В это время партизанское движение в стране уже выросло в большую силу. В отряды борцов за свободу вливались все новые пополнения: рабочие,

крестьяне, интеллигенты, солдаты и офицеры развалившейся итальянской армии.

Люди, вставшие на борьбу с фашизмом, сражались под руководством возмужавшей и окрепшей в боях Итальянской коммунистической партии.

Теперь друзьями Алексея стали многие итальянские коммунисты, люди отважные, добрые и сердечные.

Командовал отрядом Анатолий Михайлович Тарасенко.

Это был крепкий, кряжистый, голубоглазый человек. До призыва в Красную Армию он работал в торговле в родном Тангуйском районе, Иркутской области.

Все было просто, привычно, буднично. Но в 1941 году началась удивительная история этого человека, никогда, конечно, не помышлявшего командовать партизанским отрядом в далекой Италии.

В первое лето войны погиб под Ленинградом его брат Владимир. В том же месяце пришло в Тангуй письмо от Анатолия: «Иду мстить за брата!».

...Боевое крещение он принял в боях под Тихвином. Память сохранила немногое: выжженную землю, нефтяные сгустки взрывов, рев гаубиц. Здесь Анатолий был ранен. В госпиталь не пошел и, когда враг рванулся в атаку, снова встал в строй.

Кончилось продовольствие, варили крапиву. Но когда в стволы легли последние снаряды, был отдан приказ подорвать технику и выбираться к «Большой России». Последнее, что запомнилось Тарасенко,— шквал огня и удар в голову.

Так в июньскую ночь 1942 года ефрейтор-артиллерист Анатолий Тарасенко попал в плен.

Лагерь находился в Эстонии. Пленные готовили для фашистской армии разборные полевые дома. Они знали: где-то близко действует партизанский отряд. Но прежде, чем что-то предпринять, нужно было установить связь. Сделать это поручили Анатолию.

В один из ненастных вечеров Тарасенко с товарищем скрылись из лагеря. Но уже утром, избитых и окровавленных, жандармы приволокли их обратно.

За побег полагалась смерть. Комендант лагеря приказал повесить беглецов и тут же задал какой-то вопрос переводчику. «Русские искали пищу»,— ответил тот. Комендант скосил лицо в улыбке. Ну, конечно, в карманах у них нашли картофельную шелуху. Этим скотам хочется есть? Пусть умрут на работе. Для армии фюрера нужно много домов.

— Работать! — крикнул комендант.— Марш-марш...

А в сентябре 1943 года Тарасенко и его товарищей отправили в Италию в эшелоне военнопленных. Вскоре он бежал к партизанам.

Италию не сравнить с Сибирью. В этой древней стране и солнце, и небо, и обычаи совсем иные. Только ненависть-то везде одинакова. Ненависть простых людей, боровшихся за свободу.

Об этой борьбе не сообщалось в сводках Главного гитлеровского командования, не писалось в газетах, она велась незримо и тайно, в самом логове врага, чтобы вспыхнуть в ночном небе фейерверком взорванного склада, загреметь обломками машин и поездов...

Отряд Анатолия Тарасенко действовал в районе

небольшого городка Монтеротондо, в горах со множеством естественных гротов и пещер, в которых когда-то скрывался со своими отрядами Гарибальди. Район действий был довольно велик, и это позволяло отряду часто менять свое местонахождение, маневрировать, сбивать со следа фашистских ищеек.

Очень трудно было доставать продовольствие. Немцы, наученные горьким опытом, приставляли к обозам с продовольствием большую хорошо вооружениую охрану, а иногда даже танки и легкие орудия. Бывали дни, когда приходилось голодать. Все надежды тогда возлагались на крестьян, жителей окрестных сел и деревень.

— Рассказывайте им о целях нашей борьбы,— учили коммунисты бойцов отряда,— рассказывайте и о той великой битве, что гремит там, на русских снежных равиинах. Они поймут вас.

Бойцы рассказывали.

И крестьяне, часто недоедавшие сами, тайно помогали партизанам в их суровой, полной лишений и невзгод борьбе.

Эта помощь усилилась особенно после 25 июля, когда пал режим Муссолини и в Италию стали вводиться немецкие войска, а представители правых кругов начали подготовлять условия для тайного соглашения с англо-американскими монополистами.

На второй день после падения «дуче» в газете «Унита» был опубликован лозунг, который стал руководством для трудящихся масс Италии. «Мир и свобода!» — так формулировала тогда компартия главное требование трудящихся масс Италии. Она звала на борьбу за прекращение военных действий

и окончательный выход Италии из войны, за роспуск фашистских организаций, восстановление демократических свобод, за немедленное освобождение политических заключенных и образование демократического правительства.

И именно в этот момент, когда нужно было мобилизовать все силы для борьбы с фашизмом, союзное англо-американское командование пошло на прямое предательство по отношению к итальянским партизанам. Оно издало за подписью фельдмаршала Александера ряд инструкций, призывавших партизан сложить оружие и разойтись по домам.

Выполнить эти инструкции означало погубить партизанское движение в Италии. Гитлеровские войска немедленно воспользовались бы этим.

Коммунистическая партия решительно отвергла англо-американские «указания». Она призвала народ преодолеть холод и голод, с тем чтобы сохранить свои силы и перейти в новое наступление против фашистских оккупантов. И вот партизанское движение с каждым днем все более крепло и превращалось в грозную антифашистскую силу.

Одной из боевых единиц в этой борьбе был небольшой отряд Анатолия Тарасенко, в рядах которого отважно сражались теперь плечом к плечу с итальянскими патриотами Алексей Кубышкин, Език Вагнер, Виктор Золотухин, Николай Остапенко, Павел Лезов, Иван Румянцев, Федосей Корековцев, Алексей Никитин, Василий Ефремов, Николай Дрожак, Василий Ильюшин, Иван Логинов, Петр Ильиных, Василий Межерицкий и другие.

Они сражались за общее дело, за разгром захватчиков.

БОЕВЫЕ ТРОПЫ

Чаще всего отряду приходилось уничтожать немецкие транспорты, доставлявшие на линию фронта боеприпасы и продовольствие.

Однажды разведчики обнаружили в горах склад продуктов. Он, видимо, предназначался специально для карателей, выслеживающих партизан. Несколько длинных приземистых бараков без окон, окруженных колючей проволокой, охраняло 12—15 фашистских солдат. К складу вела узенькая извилистая тропинка. Ее охранял часовой. С других сторон столбы с колючей проволокой подходили к глубокому пятиметровому обрыву.

Партизаны решили захватить склад. Группа в двенадцать человек незаметно подкралась к нему. Алексею поручили снять часового. Другие подго-

вились забросать гранатами домик, в котором расположилась охрана.

Алексей вместе с калабрийским горцем Николо решил подкрасться к часовому с той стороны, куда немец даже и не смотрел. Николо, смуглый, стройный и верткий, недавно вступил в отряд и был в нем пока единственным итальянцем.

Они подождали, пока стемнело и немцы зашли в сторожевой домик.

— Пора,— шепнул Алексей и пополз к обрыву. Николо осторожно двинулся за ним.

Они цеплялись за каждый выступ и очень боялись,— вдруг столкнут вниз какой-нибудь камень.

— Баста! — прошептал Николо.

Он предусмотрительно прихватил с собой длинную веревку. Теперь, сделав петлю, он ловко захлестнул ею острый выступ площадки, на которой стоял склад. Всем телом повис на веревке, проверяя прочность крепления.

— Можно!

Алексей полез вверх. Лез медленно, осторожно, каждой мышцей ощущая напряженную дрожь веревки. Когда глаза его оказались на уровне площадки, он заметил часового, по-прежнему не менявшего привычный маршрут. Алексей подтянулся на руках и выполз на ровное место.

«Давай!» — махнул он рукой вниз.

Николо с обезьяньей ловкостью начал взбираться по отвесному склону. Алексей тем временем, справившись с дыханием, просматривал путь от края площадки до часового.

План Алексея был дерзок. Он решил напасть на часового, подкравшись к нему... через территорию

склада. А Николо должен был оставаться у обрыва на тот случай, если немцы заметят партизан и начнут стрельбу.

Алексей подлез под колючую проволоку и, извиваясь всем телом, пополз к ближайшему бараку...

Часовой, тощий высокий немец, положив руки на автомат, ходил взад-вперед возле дверей. Похоже, он был сыт и спокоен. Когда Алексей, по-кошачьи подскочив к нему, вонзил между лопаток острый нож, часовой даже не успел вскрикнуть. Тихо захрипев, он мешком свалился на землю...

Алексей подал сигнал. И тотчас в окна домика полетели гранаты.

Только два немца, которые отдыхали под навесом, остались живы. Ошалелые, они бросились к обрыву, но тут их скосил из своего автомата Николо.

Заглянув в домик и убедившись, что ни одного немца в живых не осталось, Анатолий Тарасенко дал

команду взломать склад. Отряд пополнил запасы продовольствия и оружия. Затем под дверь склада подкатили бочку с бензином и подожгли.

Уходя в ночную темень гор, партизаны долго еще видели зарево...

Все чаще немецкие машины, везущие смертоносный груз на фронт, взлетали в воздух, подорванные гранатами партизан. Все чаще пули народных мстителей настигали оккупантов. Среди наиболее значительных операций, проведенных отрядом, были — крушение железнодорожного состава на линии Рим — Неаполь, поджог немецкого железнодорожного состава с бензином, взрыв трех зенитных батарей.

Гитлеровцы почувствовали себя неспокойно. Каждый холм казался им теперь Везувием, способным извергнуть на них горячую лаву свинца, осколков металла и камней. И тем безудержнее становилась их свирепость, тем чаще показывали они свое звериное нутро.

Однажды разъяренное действиями партизан немецкое командование, находящееся в Риме, организовало карательную экспедицию. Несколько отрядов фашистских головорезов было отправлено в район Альбанских холмов.

Коммунисты-подпольщики действовали молниеносно. Сразу же отряд Анатолия Тарасенко узнал об опасности. Партизаны решили встретить карателей в глухой балке, заросшей густым кустарником.

Рано утром над головами зажужжал немецкий разведывательный самолет. Сделав несколько кругов, он повернул обратно. Выше, по балке, началась перестрелка. Самолет пускал ракеты туда, где за-

мечал скопление партизан. И тогда немцы посылали в это место свои мины. Но вот точная пулеметная очередь настигла самолет, он вспыхнул и, кувыркаясь, пошел вниз.

Немцы бросились в атаку. Партизаны ударили в ответ из пулеметов и автоматов. Атака захлебнулась.

Фашисты притихли. Они ждали подкрепление. И оно подошло. Немцы начали устанавливать новые минометы и легкие орудия.

Соотношение сил становилось другим, положение изменилось. Тогда Анатолий Тарасенко приказал бойцам по одному спуститься в соседнюю балку и уходить на север. Когда загрохотал, ударил по балке бешеный минометный огонь, там уже не было ни одного партизана.

Целые сутки пришлось отступать с холма на холм, узкими пастушьими тропами. Шли измученные и голодные. Ели листья и желуди. Было несколько легкораненых — их оружие несли те, кто остался невредимым. Кубышкин нес два автомата. Вагнер поддерживал раненного в ногу бойца.

Анатолий Тарасенко, шедший впереди, то и дело подбадривал своих людей. Но с его сурового, обожженного, овеянного пороховым дымом лица не сходила тень озабоченности: ведь эти люди доверили ему свою жизнь, он должен их сохранить и вывести в безопасное место. Борьба еще не кончена! Отряду нужна лишь передышка.

Наступил вечер. Замерли листья на редких деревьях, удлинялись тени, незаметно, громоздясь друг на друга, наплывали серые облака. Солнце

быстро скрывалось за вершинами гор, покрытых реденькой растительностью. Казалось, оно торопилось оставить людей без света среди безмолвных, равнодушных скал. И от этого на душе у каждого было такое чувство, будто им никогда не выбраться из этих глухих, незнаемых дебрей.

Потянуло ночным холодом. Из ущелий начал подниматься туман, окутывая узкие каменистые тропинки белым, молочным покрывалом...

Лишь утром, наконец, тропинки слились в одну довольно широкую дорогу: начался спуск в долину.

— Деревня! — вдруг воскликнул Език Вагнер, показывая на легкие струйки дыма, поднимавшиеся из долины.

— А вдруг там немцы? — Павел Лезов озабоченно посмотрел на товарищей.— Как бы не того...

Да, немцы могли быть и здесь, в этой глухой деревушке. И Анатолий Тарасенко решил рискнуть сам:

— Пойду разведаю. Услышите выстрелы — уходите в горы...

Он было двинулся уже вниз, но в это время кто-то поспешно окликнул его из кустов. Оказывается, в отряд прибыл мальчишка-связной. Он передал приказ: командиру явиться на связь для важного задания.

— Лорето,— спросил его Тарасенко,— как Фауст?

Он спрашивал связного о двухлетнем сыне помещика Доминико де Батистис — черноглазом мальчугане с кудрявыми волосами.

Лорето Боттичели улыбнулся, поправил на плече связку хвороста и запел веселую песню. Это была

песня-пароль. Она означала, что ничего тревожного не произошло, Фауст со своей мамой вернулся на ферму Чеккони, и вечером русский друг снова может приходить слушать Москву.

Маленький Лорето многое знал о делах командира отряда. Когда помещик уезжал по своим делам в Рим, черноглазая Амелия — жена Доминико де Батистис — открывала кабинет хозяина, а сама выходила во двор и зорко наблюдала за всем, что происходит вокруг. Тарасенко тем временем включал приемник, и, когда раздавались позывные Москвы, Лорето цокал от удовольствия. Скоро все жители вокруг узнавали от Лорето, что близится конец фашистского нашествия.

Прощаясь, они расходились в разные стороны. Тарасенко благодарил Амелию, брал на руки маленького Фауста и шел с ним по дороге до другой фермы, откуда тропинка сворачивала в горы. Прогулка на руках у русского нравилась маленькому Фаусту. А там, на другой ферме, где жил отец Амелии, Тарасенко спускал с рук свой бесценный груз, вытаскивал из тайника автомат и отправлялся в горы.

Вот и сейчас Лорето повел Анатолия по тропинке, что вела на ферму Чеккони.

Там уже ждали. У каменной стены, как всегда, стояла Амелия, и глаза ее тревожно и светло мерцали.

— Анатоль,— сказала она,— к тебе пришел большой человек.

Это был представитель Комитета Сопротивления. Обменявшись условными знаками, они, не теряя времени, приступили к делу. Комитет предла-

гал разбить отряд на мелкие группы и отправить в надежные места. Тарасенко с самой большой группой оставался в окрестностях Монтеротондо. Ему разрешалось использовать последнее секретное убежище. Так решил Комитет.

Сообщив адреса новых явок, представитель Комитета распрощался и ушел.

Амелия укладывала в корзину Тарасенко хлеб, козье молоко и сыр. Анатолий подошел к радиоприемнику и стал искать Москву. И вот знакомый голос Юрия Левитана: «Говорит Москва. Передаем последние известия. От Советского Информбюро»... Сообщалось о боях под Ленинградом. «Обрадую ребят самыми свежими новостями»,— думал Анатолий.

Он уже собрался обратно в отряд, но, как всегда, из предосторожности выглянул в окно, поглядел окрест и вдруг заметил двух солдат, подходивших к дому.

— Немцы!..

Амелия испуганно прильнула к окну. Вот уже слышен скрип калитки. Через минуту фашисты войдут в дом. Что делать? Отстреливаться нельзя: наверняка погубишь всю семью Доминико де Батистис...

Вдруг Амелия схватила маленького Фауста и подала на руки русскому. Анатолий все понял. Лорето дали корзину, Тарасенко взял его за руку и с Фаустом на плече направился к выходу.

В глазах Амелии пылали боль, любовь и надежда. Но, пожалуй, больше на ее прекрасном лице было ненависти. Той ненависти, которую трудно отличить от любви, которая в сердце рядом с любовью

и так же необходима человеку, как само сердце.

Немцы были уже в сенях. Какая-то секунда решила все. Тарасенко шел веселый, оживленно улыбался Фаусту. Немцы посторонились, пропустив мужчину с детьми, и Тарасенко вышел на улицу...

Уже потом, выйдя из ворот дома, он до конца оценил этот отчаянный и полный благородства поступок итальянской женщины. Если бы немцы что-то заподозрили... Ведь при одном упоминании о русских у них сводило скулы!

Тарасенко прошел до конца улицы и остановился. Лорето глядел на него большими черными, все понимающими глазами, и сердце Анатолия дрогнуло от чувства любви к этим отважным людям. Он прижал к своей груди Фауста, потом поцеловал его и передал Лорето.

Через минуту он уже крался по длинной извилистой балке, которая вела к стоянке отряда.

Продукты, принесенные командиром, очень пригодились, но надежды хоть немного отдохнуть в деревне рухнули.

С большим трудом отряд преодолел еще один хребет и снова начал спуск в долину. Был поздний вечер. Все шли молча, уставшие от тяжелого перехода. У Алексея Кубышкина совсем разорвались ботинки, и каждый шаг причинял ему нестерпимую боль.

Вдруг до слуха партизан откуда-то снизу донеслось блеяние коз. Оно было таким неожиданно будничным-безмятежным...

Тарасенко остановил отряд и вместе с Николо быстро спустился в долину.

СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Козы лениво щипали сочную траву, охраняемые молодой пастушкой. Увидев перед собой нежданно появившихся вооруженных людей, девушка остановилась, на ее лице застыл испуг. Она сделала движение бежать.

— Нет, нет! — торопливо остановил ее Николо.— Мы же не немцы!.. Это русские. Мы партизаны!..

Испуг на лице девушки постепенно сменился изумлением. Русские!? Откуда? Она знала, что русские бьют немцев далеко отсюда, но чтобы они добрались уже до итальянских долин — этого она еще не слышала!

Серое платье, украшенное вышивкой, плотно облегало стройную фигуру пастушки. Густые волосы спускались на загорелые плечи. Зубы сверкали бе-

лизной. Казалось, девушка сошла с картины Тициана.

— Нам нужно отдохнуть и поесть,— сказал Тарасенко.— Где мы можем это сделать?

— А у нас в деревне,— простодушно и сердечно ответила девушка.— Немцев здесь нет... Пойдемте, я проведу вас.

Скоро уставший, измученный отряд Тарасенко был уже в небольшой деревушке, которая раскинулась полукругом возле озерца, обрамленного чахлыми, посеревшими от пыли эвкалиптами. У причала виднелись рыбачьи лодки. Со всех сторон деревушку обступали каштаны, дубы, кипарисы и карликовые оливковые деревья. Белые хижины из неотесанных камней утопали в зелени фруктовых садов.

Навстречу отряду шел старый рыбак в башмаках с деревянной подошвой. К ногам его жался огромный серый пес, ударявший пушистым хвостом по дырявым штанам хозяина. Девушка бросилась к старику.

— Это партизаны, отец! — торопливо объяснила она.— Русские! Их надо накормить.

Старый рыбак с минуту разглядывал пришельцев, словно убеждаясь, не обман ли это, потом, улыбнувшись, пошел им навстречу, поглаживая черную бороду.

— Давно, очень давно я не видел русских! — проговорил он, пожимая каждому руку.— Ну что ж... Проходите. У нас вы будете в безопасности. Немцы сюда редко заглядывают. Они ведь любят грабить людей обычно на больших дорогах... А русские для нас как родные...

Они присели отдохнуть возле хижины старого Доменико. Закурив трубку, рыбак неожиданно сказал:

— А ведь в молодости мне выпало счастье видеть того, кто породнил нас...

Он сказал это так взволнованно и значительно, что светлое, счастливое предчувствие невольно шевельнулось в Алексее.

— Неужели Ленина? — выговорил он, еще не веря в возможность этого.

— Да! Клянусь Геркулесом... Жил я тогда на Капри, у своего дальнего родственника — старого рыбака, друга Горького, Антонио Аравелло. Был, помню, тихий вечер. Ах, какие хорошие вечера на Капри! Безоблачное небо, ласковые волны... Антонио говорит мне: «Сегодня поедем на рыбную ловлю».— «С кем?» — спрашиваю.— «С Горьким»... Я уже не раз с ним ездил, но в этот вечер с ним был еще человек. Он был среднего роста, с большой головой, широколобый, бородка клинышком. Когда говорил, щурил сверкающие глаза.

— Ленин! — одинаково выдохнули сразу несколько партизан.

— Он все время щурился, смеялся, вспоминал какие-то меткие русские словечки, и оба они с Горьким заливались хохотом... У него было очень живое, подвижное лицо. И большая человеческая простота. Я знаю людей, поверьте мне. Но такой человек... Такого человека...— Доменико захлебнулся словами, не умея подыскать нужного.— Всего, я конечно, не запомнил, но помню, что он говорил: куда бы ни забросила судьба русского, он всегда помнит о Родине, всегда остается ее верным сыном...

— Уж это точно,— раздумчиво произнес Тарасенко, подумал и добавил: — Это звучит, как клятва.

— Вот и вы... вдали от своей родины,— сказал Доменико и замолчал. Потом заговорил горячо, темпераментно: — А какие дела творите!..

Вся деревня уже знала о приходе русских партизан.

— О, святая мадонна! — кричала какая-то старуха.— Русских, настоящих русских ты к нам послала... Слава тебе!..

— Ах, святой Рокко! — удовлетворенно покряхтывали старики.— Это он привел к нам русских... Слава святому!..

— Русские в Италии, русские... Гитлеру конец! — судачили женщины.

Первыми к дому Доменико с визгом ринулись босоногие мальчишки, заспешили женщины в темных платках. Многие из них несли свежее, еще парное козье молоко, белый сыр, кукурузные лепешки. Старики наперебой приглашали русских воспользоваться их гостеприимством. Это было кстати, потому что в тесной хижине Доменико с трудом могли разместиться лишь четыре-пять человек.

Алексей, Език, Николо и Анатолий Тарасенко решили остаться у Доменико.

— В тесноте, да не в обиде,— сказал Тарасенко, склоняясь над бутоном гвоздики, росшей в расколотом горшке на единственном подоконнике.

В комнате стояли стол, кровать и комод. Пол был кирпичный, неровный. На закопченной стене висело изображение святого Джованни. На стуле лежали ивовые прутья. Старик по вечерам плел из них корзиночки для яиц и продавал их на рынке.

Никто не заметил, как на столе появились свежая скатерть, чашки, ложки и хлеб. Мария — дочь рыбака — все делала быстро и с любовью.

Доменико предложил гостям поленту — жидкую кашу из кукурузной муки; она была главной пищей бедняков Италии. Мария принесла из подвала копченую рыбу и вино. Появились фрукты и даже сигареты, правда, самые дешевые.

Доменико не переставал расспрашивать русских, как они попали на итальянскую землю и как теперь сражаются с фашистами. Потом он принялся рассказывать сам.

— Однажды Муссолини уже побывал в тюрьме.— Рыбак усмехнулся.— И сидел бы там до сих пор, если бы не эти нацистские собаки! Они освободили его и перевезли — вы думаете, куда? В курортный городок Сало, вблизи Вероны. Вы понимаете? Там он, говорят, под охраной СС сколотил новое правительство и даже создал новую республику.

— Что это за республика! — усмехнулся Тарасенко.— Карточный домик. Дунет ветер — развалится. Недаром наши русские называют ее: «Республика сало». Но мы еще поджарим дуче на его же собственном сале.

Весь день прошел в разговорах...

Решено было передохнуть в деревне, а потом связаться с Римом, с подпольной группой коммунистов.

Тарасенко обвел внимательным взглядом уставшие лица бойцов и остановился на Кубышкине.

— Пойдешь в дозор,— тихо приказал он,— а через три часа разбуди меня.

Алексей взял автомат и вышел на улицу.

Деревня уже спала. Яркозвездное небо склонилось так низко, точно собиралось прикрыть землю собой.

Алексей прошел в сад и остановился. Отсюда хорошо просматривались дорога и значительная часть деревни. Слева виднелось озерцо.

Он стоял, осторожно вслушиваясь в ночные шорохи. Изредка доносились едва слышные ласковые всплески волн. Алексей взглянул на тихую гладь озера и увидел плывущую лодку. В ней сидели двое. Должно быть, запоздавшие рыбаки возвращались домой. Зазвучала тихая задушевная песня:

> О, приду я к любимой своей,
> К той, что сердце мое унесла,
> Чтоб взглянуть на нее хоть разок...

Не все слова Алексей понимал, но грустная, берущая за сердце мелодия родила вдруг в его душе острое, щемящее чувство. Он вспомнил о Родине, которая была где-то там, далеко-далеко за этими озерами и горами. Она манила к себе, звала призывно и настойчиво.

И вспомнились в этот миг Алексею тихие сиреневые вечера в родном городе, вспомнилась любимая Маша.

В сумерки, когда вечерняя прохлада побеждала зной, они садились в небольшую лодку и плыли к зеленому мысу, что кудрявился липами и вербами.

Потом они разжигали на берегу небольшой костер. Огонь выхватывал из темноты причудливые очертания деревьев. В кустах опавшей черемухи

распевали иволги. Сверкали росинки на траве, а белые лепестки цветов рябины медленно падали на прохладную землю, наполняя вечерний воздух густым ароматом.

«Всегда ли будет нам так хорошо?» — спрашивала Маша.

Он думал, что так будет всегда...

Ах, Маша, Маша! Где ты? Что с тобой?..

Алексей глубоко и судорожно вздохнул и крепко сжал автомат. Путь к Родине у него, как и у всех этих русских парней из отряда Тарасенко, лежит через жестокую борьбу с врагами. И он будет биться до последних своих сил, пока может держать в руках оружие...

На утро решали, кого послать для связи в Рим. Поручение вызвался выполнить Език Вагнер.

Алексей пошел проводить его до околицы. Вдруг Език сказал:

— Кто знает, встретимся ли?.. Ты не забыл деревню под Псковом, где ваши самолеты бомбили нас?

Алексей сдержанно улыбнулся:

— Я ничего не забыл, Език. И, будь спокоен, никогда не забуду.

— Так знай, Алексей, что если бы не тот солдат, который стоял тогда в охране и отпустил тебя, ты был бы расстрелян... Имя его — Конрад Бюхнер... Его отца, коммуниста, расстреляли в тридцать восьмом году в Бухенвальде. И сам Конрад был тоже коммунистом.

Алексей от неожиданности остановился. Отчетливо вспомнилась глухая деревушка, в которую он пришел полузамерзший после своего первого и не-

удачного побега. Как живой, встал перед ним высокий немец с резко очерченным лицом...

— Но почему... почему же Бюхнер служит в охранке? — сдавленным голосом спросил он.

Вагнер взглянул на него и улыбнулся:

— Если бы коммунисты сидели только дома и не шли на самый трудный участок борьбы, они не были бы коммунистами.

Жесткий, тугой комок подкатывался к горлу Алексея. А Вагнер продолжал:

— Я тебе говорю об этом потому, что сам хочу во всем походить на коммуниста. Ну, прощай!

— Передай привет Бессонному,— тихо сказал Кубышкин.

Они крепко, по-братски обнялись...

Над холмами едва занималась пепельно-серая заря, а внизу над озером волнами стлался густой туман. Изредка над деревушкой пролетали птицы, слышался совиный крик в оливковой роще, доносилось позвякивание овечьих бубенчиков.

Долго Алексей смотрел вслед другу, с которым так странно свела его судьба под Псковом...

Прошло двое суток. Алексей волновался больше всех. Наконец, на третьи сутки на тропинке крутого подъема показались два тяжело навьюченных ослика. Они упирались копытами, тяжело дыша, обессиленные. Их погонял итальянец — высокий тощий старик со всклокоченными седыми волосами над морщинистым лбом. Он шел молча, сильно прихрамывая. В переметных сумах были оружие и продукты. Старик привез приказ немедленно перебираться в Рим.

Лунный свет уже заливал заросли кактусов,

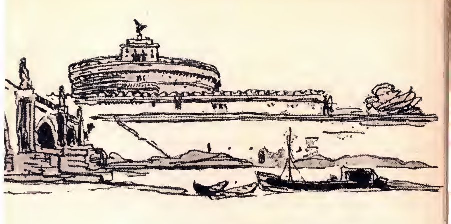
когда Анатолий Тарасенко приказал собираться в путь. Он горячо поблагодарил Доменико и Марию за теплый прием и, прощаясь, сказал:

— Кончится война — приезжайте к нам в Россию, в гости. Все, о чем мы вам рассказывали, вы увидите и услышите сами. Народ наш так же гостеприимен, как ваш...

— Пусть дева Мария воздаст вам сторицей за вашу доброту! — Девушка низко поклонилась и подала Тарасенко бутылку «Кьянти».

Отряд разделился на две группы...

...А восьмого февраля Бессонный уже встречал на окраине Рима группу партизан, которых привел Кубышкин. Другая часть отряда под командованием самого Анатолия Тарасенко ушла в Турлупарские лесные балки.

НА ЗАБРОШЕННОЙ БАРЖЕ

А ведь все же привелось вновь встретиться двум неразлучным дружкам!..

Всех партизан, прибывших в Рим, распределили по квартирам коммунистов. Свое жилье получил и Алексей. Встретив его, хозяин дома предупредил:

— С вами будет жить еще один товарищ.

Они вошли в небольшую уютную комнату. Склонившись у настольной лампы, спиной к вошедшим, сидел какой-то блондин. Он лишь чуть повернул голову...

— Език! — вскрикнул Кубышкин.

Блондин вскочил... Да, это был он, Език Вагнер!

— Такая, знать, у нас с тобой судьба,— улыбался Алексей...

Места ночевок приходилось довольно часто менять: конспирация есть конспирация.

— Ничего,— подбадривал Бессонный,— главное сейчас — не попасть зверю в лапы.

Много дней и ночей Кубышкину и Вагнеру пришлось провести на старой, заброшенной барже, уткнувшейся носом в берег мутно-рыжего Тибра, недалеко от замка Святого ангела. На вершине замка стоял бронзовый архангел с обнаженным мечом в руке. Не оливковой ветви и не кресту доверено было охранять богатства Ватикана, а обнаженному мечу. Что ж, в этом была своя логика...

Дремуча история этого замка. Почти две тысячи лет назад, в 136 году до нашей эры, воздвиг его император Адриан. Вначале он был сооружен как мавзолей, но постепенно превратился в тюрьму и крепость. Здесь папы выдерживали осады взбунтовавшихся феодалов и восставших жителей Рима.

В темнице замка был заточен и умер всемирно известный авантюрист Калиостро. Отсюда бежал, спустившись по веревке, знаменитый кардинал Фарнезе. У стен замка папа Сикст пятый вешал своих противников. В этом замке папы хранили свои миллионы, награбленные во всех частях света...

— Святой ангел и нас охранит от врагов,— посмеивался Език.

— Мы, русские, говорим: на бога надейся, да сам не оплошай,— хмурился Алексей.

— Не оплошаем!..

Поздними вечерами в тесную каюту баржи приходили итальянские коммунисты. Им очень хотелось услышать о Советском Союзе, его могучих городах, о колхозах, о жизни советских людей. И Алексей

подробно рассказывал обо всем. Это были простые и теплые беседы.

Однажды вечером рабочий Антонио Монтальбано, с которым Алексей познакомился еще на военном заводе, принес Обращение делегатов первой конференции итальянских военнопленных к солдатам итальянского экспедиционного корпуса в России, ко всем итальянцам.

Человек среднего роста, худощавый и подвижной, как большинство итальянцев, Антонио выглядел намного старше своих лет. Нелегкий труд рабочего, большая семья, невзгоды, много лет подряд сыпавшиеся на его голову,— все оставило следы на продолговатом, резко очерченном лице.

— Недавно с русского фронта дезертировал мой старый приятель,— сказал Антонио.— Он и привез это обращение. Просил размножить и распространить среди итальянцев. Можете ли вы, Алессио, помочь в этом?

Алексей задумался. Вот если бы Марио сумел достать ротатор... Достанет, раз нужно!

— Попытаемся сделать.

Ответ чрезвычайно обрадовал итальянца. Антонио радостно улыбнулся:

— Я, признаться, знал, что вы не откажетесь. А уж готовые листовки мы сумеем пустить по рукам!

Русский, поляк и итальянец долго еще сидели в старой барже и шепотом обсуждали, как лучше распространять листовки.

Незаметно подкралась ночь. На фоне неба, черного, как сутана священника, мерцали далекие звезды. Рим спал. Дремали платаны, что росли

в два ряда перед замком Святого ангела. Блестела роса на отшлифованной гальке берега. Тибр тихо катил свои мутные воды. Шумно было только в баре, что расположился неподалеку. Из ярко освещенных его окон на улицу выплескивался вой саксафонов, пронзительный визг труб и тупой, однообразный стук большого барабана. Шло разгульное, отчаянное ночное веселье.

Прозрачные занавеси позволяли прохожим видеть, как краснолицые немецкие офицеры и полуголые женщины конвульсивно дергались в такт музыке, как стояли они у стоек с бокалами, курили, выпивали. Вот зашел в бар итальянец, его тут же взяли за воротник и вытолкали, крича вслед: «Здесь только немцы!».

Антонио мрачно сказал:

— Вот они, наши «союзнички!» Просто стыдно за Италию: связалась с такими бандитами!

— Ничего, ничего, Антонио,— потрепал его по руке Алексей.— Рано или поздно, а этому придет конец. Всему свой час...— Он поиграл гладкими речными камешками, подбрасывая их на ладони, потом неожиданно весело рассмеялся: — А ты думаешь, наши союзники лучше ваших?

— Да!..— нахмурился Антонио.— Тоже вояки! Обещали американцы высадить в Риме дивизию парашютистов, а где они?.. Вот за это, видно, и наказал их наш двугорбый Везувий...— И Антонио, оживившись, рассказал такую историю.

В одну из августовских ночей американские «летающие крепости» совершили налет на Неаполь. И только начали падать бомбы — и не куда-нибудь, а на рабочие кварталы,— как возмутился Везувий,

Из кратера вулкана поднялся огромный столб дымного огня и осветил небо. «Летающие крепости» стали видны, как в тысяче прожекторов. Тут по ним и ударили немецкие зенитные батареи. Крепко досталось американцам. Они в панике побросали бомбы на жилые кварталы и исчезли...

— Идиоты! — выругался Език, прерывая итальянца.

— То ли еще было двадцать третьего августа! За неудачу с Неаполем англо-американские самолеты обрушились на Рим...— Голос Антонио дрогнул и стал глуше.— Бомбили «вечный город»... А Ватикан стоял нетронутый. Бомбить его было запрещено... И священник во время проповеди сказал: «Видите, братья, как любят нас, католиков, американцы! Рим бомбили, а Ватикан не тронули. Так давайте же помолимся за их доброту». Потом священник пожаловал своей пастве около тысячи пачек сигарет с надписью на каждой пачке: «Молитесь за Гитлера и Муссолини».

— Хороша доброта! — Алексей круто свел темные брови к переносице.— Ну, да понятно — рыбак рыбака видит издалека.

— Да,— продолжал Антонио,— много было жертв, много разрушений...— Он склонил голову.— В этот день от американской бомбы погибла моя единственная дочь.

Дрожащими от волнения пальцами Антонио достал сигарету. И тут же переменил тему разговора:

— Через несколько дней к вам придет наш связной из центральной группы патриотического действия компартии Антонио Грамши. Его паролем будет: «Да хранит вас Святой ангел». Вы ответите:

«Мы сдадимся, когда Ангел вложит свой меч в ножны!..» Этому человеку и отдадите листовки с «Обращением».

— Ясно,— рассеянно покивал Алексей, озабоченный тем, как достать ротатор.

— Договорились? — Антонио поднялся и крепко пожал друзьям руки.— До свидания!..

...Нужно было идти на виллу к Марио.

Алексей уже знал Рим. Не очень хорошо, но знал. Ему полюбился этот город, большой, многообразный, шумный.

То ли сказывалось обаяние, оставшееся от далекой поры школьных лет, когда, приоткрыв рот, слушал он рассказы учителя истории о древнем Риме, то ли действовала непосредственная близость многочисленных исторических памятников,— невольно в душу проникали трепетное ощущение древности, дыхание седой череды веков, пролетевших над «вечным городом».

Спускаясь с Капитолийского холма — этого римского кремля, где высится величественная бронзовая статуя императора Марка Аврелия,— к развалинам Форума, Алексей порой испытывал такое ощущение, как будто он идет не по городу двадцатого века, а бредет меж хижин древних римлян-язычников. В этой небольшой равнине между двумя холмами — Капитолийским и Палатинским — было когда-то коровье пастбище. Место и сейчас называется так: Кампо Ваччино — коровье поле. Здесь-то и собирались на Форум (площадь) жители племен, основавших город, чтобы обсудить самое насущное в своей жизни. Здесь шумели народные сборища, устраивались веселые празднества — са-

турналии (развалины храма Сатурна и по сей день громоздятся на Форуме), отсюда позднее отправлялись в свои громкие походы знаменитые римские легионы.

Все дышало древностью, сама История, казалось, поселилась здесь. Но и на нее занес руку жестокий, кровавый фашизм, всемирный убийца и грабитель. Его нужно было сломить. Его нужно было уничтожить. Нужно было торопиться...

Ноги сами убыстряли шаг.

Через неделю Антонио уже распространял отпечатанный тираж «Обращения» среди итальянцев. Это было как раз тогда, когда гитлеровцы отправляли рабочих в Германию. «Обращение» сыграло важную роль. Мало нашлось людей, которые добровольно поехали в Германию и на Восточный фронт. Сопротивление гитлеровцам росло.

Через несколько дней на баржу пришел Николо, как всегда, веселый, шутливый.

— Здорово, капитаны! Как поживает ваш быстроходный корабль?

— Несемся на всех парусах,— в тон ему ответил Кубышкин, поеживаясь от холода, проникавшего в каждую щель старой баржи.

Николо рассказал свежие новости, а потом сообщил:

— Довольно, ребята! Пожили вы под охраной Ангела и хватит. Приказано перевести вас в более теплое место. На этот раз — под собор святого Петра.

— Куда, куда? — поднял свои прямые тонкие брови Език.— Под охрану самого папы?!.

ПОЧЕМУ ПЛОХИ ДЕЛА У ПАПЫ РИМСКОГО?

Через секретный темный ход Николо привел Алексея и Вагнера в полуосвещенные гроты — остатки первого собора Константина.

Собор этот был построен еще в 326 году на месте бывших садов Нерона, в той их части, где некогда располагался знаменитый цирк тирана. В нем было замучено множество христиан и, среди них, по преданию, мифический апостол Петр. Церковь, выстроенная императором Константином, простояв почти двенадцать веков, пришла в ветхость. В 1506 году над ней, стараясь сохранить старую постройку, начали воздвигать новый храм — главную церковь Ватикана. В строительстве приняли уча-

стие такие великие мастера, как Браманте, Рафаэль, Микеланджело... Сооружение этого величайшего в мире храма длилось 120 лет.

Остатки первой церкви оказались под новым собором. Они получили название гротов святого Петра. Богато украшенные великолепной живописью, мозаикой, скульптурой, они служат усыпальницей многих пап, кардиналов, императоров и королей. Промежуток между полами старого и нового храмов тщательно укреплен арками.

Попасть в гроты святого Петра можно только по специальному разрешению... или тайком. Во всяком случае, никому бы, наверное, не пришло в голову искать здесь партизан. Потому-то Николо и привел сюда друзей.

— Поживете рядом с саркофагами, где покоятся папы и кардиналы,— пошутил он, высвечивая фонариком путь в гранитных закоулках.

— Не очень приятное соседство,— усмехнулся Вагнер,— но зато тепло.— Език здорово промерз на барже, и теперь теплый полумрак гротов казался ему обетованной землей.

— А главное — безопасно,— добавил Николо.— Кормить вас будет одна молодая монахиня. Это — наш человек, у нее старший брат погиб на севере, в партизанском отряде. Чтобы не было вам скучно — возьмите вот это.

И он протянул «Божественную комедию» Данте на немецком языке. Език бережно взял книгу в руки:

— Вот это настоящий подарок! Спасибо. Немецкий я знаю, теперь мы будем беседовать с самим Данте!..

Кубышкин и Вагнер расположились, как могли.

— Всего мог ожидать,— вслух рассуждал Алексей, лежа на мраморном саркофаге кардинала Перетти,— но того, чтобы нам, коммунистам, помогали монахини,— этого никак не ожидал! Да... Плоховаты, видно, дела у папы, плоховаты!..

Ночь. Неспокойно спит Алексей. А Език улыбается во сне. Наверное, снится ему что-то очень хорошее, очень радостное... Что же ему снится?

...Сначала он видит зарево. Огромное зарево, двигающееся с востока. Оно разгорается все ярче, потом, охватив полнеба, озаряет Варшаву.

Слышатся звуки Интернационала.

Вдруг Езика окликнули — он ясно слышал слова. Чья-то рука протянула алое знамя. На знамени звездочками горели буквы: «Польская Народная Республика».

Где Език видел это лицо, такое близкое, родное? Они никогда не встречались, но Език его знает. Знает и любит. Высокий выпуклый лоб, четкие брови и единственные в мире, неповторимые глаза — чуть прищуренные, чуть улыбающиеся, видящие что-то недоступное нашему взору...

Утром в грот легкой тенью проскользнула молодая монахиня в большом крылатом чепце, обрамленном твердо-белым зубчатым кружевом. Ей было, наверное, не больше семнадцати. Но лицо ее было желтовато-бледным. Такое бывает обычно у людей, которые редко бывают на свежем воздухе.

Поздоровавшись, монахиня поставила на пол макароны с сыром. Потом подала им по пачке сигарет.

— Благодарю вас за то, что хорошо приняли меня,— сказала гостья приятным нежным голосом и слегка наморщила бровки.— Я пришла к вам по поручению Николо. Он прислал вам большой привет.— Легкая улыбка сверкнула в ее больших глазах. Но бледные губы с опущенными книзу уголками выражали страдание.

Гостья присела на мраморный камень рядом с горящей свечой. Език, сидя в сторонке, смотрел на нее из-под полуопущенных век. В ее лице, в позе он видел тяжкое утомление, какое бывает после перенесенного горя. Время от времени Език задавал вопросы. Она односложно отвечала на них и редко поднимала веки, как будто густые изогнутые стрелы длинных ресниц были слишком тяжелы.

В левой руке гостья держала «Библию в фотографиях».

— Впервые вижу такую,— сказал Алексей.

— Посмотрите, — монахиня подала ему книгу.

Алексей окинул ее внимательным взглядом.

— Вам плохо с нами? Грустно? — спросил он.

— Мне всегда хорошо с теми, кто борется за свободу моей родины, за которую погиб...— Она задышала сильно и часто, на ресницах повисли слезы.— Я очень любила своего брата...

Алексей, наклоняя голову, принялся листать книгу. Он увидел фотографии Адама, прикрывающего свою наготу; Евы, срывающей запретное райское яблоко; Каина, убивающего своего брата; Петра с ключами от райских ворот и многие другие. Алексей уже хотел захлопнуть книгу, как вдруг между страницами заметил газету «Унита».

— Библию возвращаем за ненадобностью,— сказал Алексей,— а вот газету, если можно, оставим. За нее вам особое спасибо.

— Каждый делает, что может,— тихо ответила монахиня. Мокрыми от слез глазами она взглянула на своих новых друзей и сказала:

— До свидания. От всей души желаю вам счастья!..

После нее долго еще держался запах церковного ладана.

— Скажите! — воскликнул Алексей.— Такая молодая, а пошла в монашки. Ей бы любить, детей растить, а она старому пастырю руки целует.

— Каждому свое. Одни монашки, сладко потягиваясь перед сном, Декамерона читают, а потом прячут его под простыню рядом с молитвенником. Другие же, вроде этой девушки, любят свой народ и борются за его свободу. Правда, таких еще мало... Все зависит от воспитания.

Читая газету, Вагнер обратил внимание на маленькую заметку: «Черные вороны Ватикана». «На

днях Пий XII дал согласие принять группу офицеров из фашистского корпуса Андерса. Была прочитана проповедь, в которой папа призывал польский народ к отказу от «возмездия и отмщения», к сотрудничеству с гитлеровскими бандитами, которые дотла разрушили Варшаву, варварски уничтожили памятники польской культуры, истребили сотни тысяч поляков в концлагерях Освенцима, Тремблинки и Майданека»...

Език со злостью плюнул:

— Кажется, этот папа позволяет себе больше, чем сам господь бог!

Език задумался о чем-то.

— А хочешь, я покажу тебе одну штучку? — вдруг оживился он и придвинулся к Алексею.— Вот, смотри.— Език расстегнул ворот рубашки, первоначальный цвет которой уже невозможно было определить.

Заметив на груди друга черный шнурок, Алексей ожидал увидеть крест или какой-нибудь медальон с портретом. Каково же было его удивление, когда он увидел на шнурке обыкновенную сплющенную гильзу от револьверного патрона.

Език был страшно доволен произведенным впечатлением, улыбнулся:

— Крестика ждал?

Алексей кивнул.

— Чудак! Это только моя бабка двадцать раз в день поминала «матку боску Ченстоховску».

— Амулет? — попытался догадаться Алексей.

— Ладно уж, слушай.— Език поудобнее уселся на плите саркофага.— Этот патрон дал мне незадолго до смерти отец. Сказал: «Вот что, Език, я не

верю ни в бога, ни в черта, но эта медяшка для меня — святыня». Закашлялся отец (его страшно били в тюрьме пилсудчики), а потом снял этот патрон и повесил мне на шею...

И вот что рассказал отец Езика Вагнера:

«Было это еще до Октябрьской революции. Я участвовал в покушении на одного чиновника и был захвачен русскими солдатами с оружием в руках. Русский поручик, которого я ранил в перестрелке, приказал прапорщику и одному солдату тут же расстрелять меня. «Отведите его в лесок, говорит, и кончите там». И вот повели меня прапорщик с солдатом в лес. А прапорщик совсем молодой, красивый, лицо умное, сразу видно, что из дворян, вдруг остановился и говорит солдату: «Иди, Кравцов. Я вижу, что тебе не по душе людей убивать. Я сам его расстреляю». Солдат обрадовался. «Спасибо, говорит, ваше благородие». А мы с прапорщиком пошли дальше в лес. Сначала шел он сзади. Потом, вижу идет со мной рядом. Голову опустил, лицо печальное. У большой березы остановились. Ну, думаю, конец мой пришел.

А прапорщик уже вытаскивает пистолет из кобуры. Медленно так... Потом вдруг поднял его вверх и как трахнет в небо! Я-то видел, что он не в меня стреляет, а все равно ноги подкосились. Если бы не березка за спиной, наверно, упал бы. А прапорщик подбежал ко мне и говорит:

— Беги, брат, на все четыре стороны. Я не слуга царю. Он пьет кровь из вашего и нашего народа.

А у меня все еще в ушах звенит от выстрела. Ничего не понимаю, но уже чувствую, что буду жить.

— Спасибо,— говорю.

А он поднял стреляную гильзу, сунул ее мне в руку и подтолкнул:

— Возьми на память и беги! А то солдат увидит. Он человек добрый, да темный. Погубит нас обоих.

Взял я гильзу. Она еще теплая, и сильно от нее порохом горелым пахнет. Пошел я потихоньку, а сам думаю: вдруг он мне в спину выстрелит? Оглянулся, а прапорщик стоит, голову опустил. Мне даже стыдно стало, что подумал плохое об этом человеке...

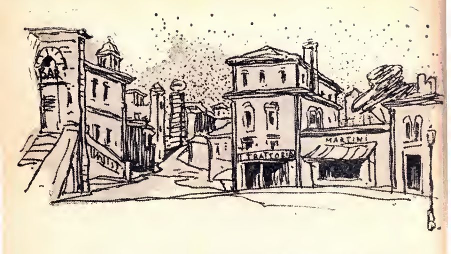
Эту гильзу берег я пуще всех сокровищ. Крестик снял со шнурка и выбросил, патрон расплющил, проделал в нем дырочку и повесил на шею. Трудно мне приходилось в жизни, очень трудно. Но в такие минуты пощупаешь гильзу на груди и снова начинаешь верить и в людей, и в добро, и в справедливость»...

— Здо́рово,— растроганно проговорил Алексей, когда Език замолчал.— Ну и как, помогает тебе отцовский патрончик?

— Помогает, честное слово, помогает! — горячо воскликнул поляк.— Пощупаешь его — и сразу вспомнишь об отце, о русских, которые фашистов колошматят. Я верю, что Красная Армия скоро освободит всю Польшу, и мой народ вздохнет свободно...

Език взъерошил свои густые волосы, нервно покрутил усики, сказал тихо:

— Первое, что я сделаю, вернувшись в Польшу,— вступлю в коммунистическую партию.

ГЕСТАПО ВЫХОДИТ НА СЛЕД

В конце февраля 1944 года Алексею Кубышкину и Езику Вагнеру в целях конспирации пришлось расстаться. Неутомимый Бессонный привел Алексея на новую квартиру. Она находилась в небольшом домике по улице дей Каппилляри, прилегающей к площади Кампо ди Фиори.

Дверь открыл высокий худой итальянец.

Пожимая руку Алексею, он назвал свою фамилию.

— Галафати... Проходите, и предупреждаю: вы находитесь у себя дома. Кстати, Алессио, мы с вами уже знакомы: мне Бессонный многое о вас рассказывал.

— Если уж говорить по правде,— смеясь, ответил Алексей,— то и мне Бессонный тоже немало о вас рассказывал...

Анджело Галафати сразу располагал к себе. Это был смуглый худощавый человек с тонкими, правильными чертами лица. Взгляд его был зорким, острым, но вместе с тем открытым, прямодушным. Вообще все лицо его светилось той откровенной и спокойной простотой, какая бывает у людей с ясным и определенным взглядом на жизнь. На вид ему было лет пятьдесят, но могло быть и меньше: живя в Италии, Алексей убедился, что здесь люди труда стареют раньше своих лет. И порой очень трудно определить: годы ли состарили этого человека или невзгоды и лишения.

Из второй комнаты на голоса вышла жена Галафати. Черные густые косы были перетянуты красной лентой, зубы матово сверкали, на лице выделялись яркие губы и большие черные глаза.

— Познакомьтесь: моя жена.— У глаз Галафати сошлись и разбежались добродушные лучики.

Алексей назвал себя и услышал в ответ певучее:

— Ида Ломбарди... Я тоже о вас слышала.— Она улыбнулась кроткой, извиняющейся улыбкой, словно то, что она сказала, не следовало бы говорить.

Алексея усадили за стол, хозяйка принесла всем по маленькой чашечке кофе.

Алексей только тут заметил, что Бессонного уже нет в комнате. Сколько же дел, сколько партийных забот у этого человека! И каждое дело свя-

зано с риском для жизни, с возможностью попасться в фашистские лапы.

Галафати включил радиолу.

— Вы любите музыку? — спросил он.— Я, признаться, полюбил вашу «Во поле березонька стояла»...

— Русские березы...— вздохнул Алексей.— Как они далеко!

Галафати улыбнулся:

— А вам удалось, хотя бы немного, познакомиться с Римом?

— Удалось,— кивнул Алексей.— Только жаль, что мельком и крадучись. Но все равно я полюбил ваш город.

— Его нельзя не полюбить,— тихо сказал Галафати.— Рим — это наша история, его памятники, вехи жизни великого народа. Ныне все забыто, все испохаблено. Взять ту же нашу знаменитую волчицу... Вы, наверное, слышали эту поэтическую легенду?.. Племянница царя Амулия — Рея Сильвия родила от неизвестного двух близнецов: Ромула и Рема. По приказу царя младенцы были оставлены одни в лесу на левом берегу Тибра. Их вскормила волчица. Они выросли и убили Амулия, а потом один из них — Ромул — основал город, который до сих пор носит его имя — Рома, Рим. В память об этом в городе всегда живет волчица. Ее содержат в особой клетке на Капитолийском холме. Легенда говорит, что пока будет на Капитолии волчица, будет жить Италия. Я, как и все римляне, относился к этому с доброй улыбкой. Теперь я готов перегрызть волчице горло! — Глаза Галафати заблестели, речь зазвучала громче и рез-

че.— Почему, спросите вы. Потому что она жрет превосходное свежее мясо, когда тысячи рабочих голодают. Потому что фашисты объявили: «Пока живут капитолийские волчицы — будет существовать империя дуче». Вы слышите? «Империя дуче!..» Нет, надо перегрызть им горло!

Неожиданно Галафати рассмеялся и оглянулся на жену:

— Вот до чего я стал кровожаден, Ида, а?.. Нет, Алессио, я не такой уж кровожадный. Просто очень больно сейчас смотреть на любимый город... Вы бывали на Форуме?.. Стены древних дворцов, остатки роскошных колоннад, триумфальные арки и храмы — это наша национальная гордость и наш позор. Когда-то они видели торжество прекрасного искусства и оргии человеческих пороков. Здесь творили великие ваятели, но здесь же Калигула для своего любимого коня устроил конюшню из мрамора и стойло из слоновой кости... Казалось, что тщеславие и порочность римских императоров превышали всякую меру. Так было. Но правители древнего Рима — просто агнцы в сравнении с сегодняшними правителями страны!..

Алексей обратил внимание на две женские фотографии, которые висели на стене в черных рамках.

— Они сестры? — спросил он.

— Почти,— сказал Галафати.— Вот эта, слева, моя мать, а это — француженка Луиза Мишель, революционерка, участница Парижской коммуны. Моя мать в молодости несколько лет жила со своей семьей в Париже и там познакомилась с Луизой Мишель и полюбила ее на всю жизнь. Приехав в

Италию, она мечтала о баррикадах, но до них не дожила. Перед смертью она просила, чтобы у ее изголовья, вместо мадонны, повесили портрет Луизы Мишель. Отец так и сделал, а когда ее похоронили, то портрет Луизы Мишель повесили рядом с портретом матери.

И тут же Галафати в полушутливом тоне начал рассказывать о своей жене, которая сидела в уголке с опущенными глазами и с кроткой, смущенной улыбкой.

— Жена моя, представьте, отпрыск древнего и уважаемого рода. Да!.. Один из предков ее — архитектор и скульптор Пьетро Ломбарди — соорудил мавзолей для гробницы с останками Данте.— Он на мгновение умолк: что-то пришло ему в голову — и тут же воскликнул:

— До чего же тщеславны немцы! Объявили, что Данте чистокровный ариец и на этом основании хотели увезти его прах в Германию...

— Неужели удалось? — Алексей весь так и подался вперед.

— О, нет! — Галафати совсем по-мальчишески подмигнул.— Жители Равенны спрятали священный саркофаг. И после войны поломники многих стран будут стекаться туда для того, чтобы поклониться гробнице поэта, положить цветы.— Он помолчал секунду и улыбнулся.— На наши-то могилы цветов не положат...

Знал бы Галафати, как он ошибался!..

Впрочем, ему в эти минуты было не до раздумий, этому живому, темпераментному и удивительно обаятельному человеку. Он уже спешил представить гостю свою дочь:

— А вот эта...— Галафати ласково погладил по кудрявой черноволосой головке дочурки,— эта у нас родилась в октябре тридцать восьмого года. Думали мы, думали, как ее назвать, и назвали Октябриной. В честь Великой Октябрьской революции. И, представьте, еще похвалу получили от чиновника муниципалитета! «Похвально, синьор Галафати, похвально! — сказал он, узнав о нашем желании.— Это в честь «похода Муссолини на Рим» в октябре двадцать второго года?» Каково, а?

Алексей от души смеялся. Даже хозяйка, оправившись от смущения, подняла, наконец, свои глаза и засмеялась так, что зазвенели серебряные украшения на груди.

Хорошо было Алексею в этой дружной итальянской семье. Теплая, непринужденная беседа, уют, дружеская атмосфера — он уже чувствовал себя, казалось, членом этой семьи.

— Я не сказал тебе о главном,— произнес Галафати, вдруг переходя на «ты».— Два часа назад английское радио сообщило, что Советский Союз признал итальянское правительство Бадольо. А это, брат, большое дело... Это будет способствовать возвращению Италии в ряды демократических стран.

— Хорошая новость,— сказал Алексей.— Сколько веревочка ни вьется, конец будет. Так и у фашистов. Сколько они ни сопротивляются — все равно придет им конец...

Поздно вечером на квартиру Галафати пришли в разное время еще три человека — Николай Остапенко, бельгиец Жан и француз Андре, которых хозяин давно уже укрывал у себя от сыщиков гестапо.

И Алексей проникся к этому смелому итальянцу еще большей симпатией: Галафати наверняка знал, что за укрывательство ему грозит смертная казнь. Откуда в этом некрепком на вид, худощавом человеке такое мужество, такая несгибаемая воля?

Словно прочитав его мысли, Галафати, стоявший у окна, подозвал к себе Алексея.

— Видите этот памятник? — указал он глазами за окно.

Алексей взглянул. Этот памятник был знаком ему. На высоком постаменте — человек с суровым и вдохновенным лицом, в строгом монашеском одеянии, с книгой в руках.

— Это наш великий предок Джордано Бруно. Смотрит он и не может наглядеться на свой Рим...

Почти триста пятьдесят лет тому назад инквизиторы приговорили его к смертной казни и сожгли на костре на этой Площади Цветов... У каждого народа есть свои национальные герои. У вас — Невский, Пугачев, Чапаев... У нас тоже есть герои. Но лично для меня Джордано Бруно — самый светлый идеал. Стойкость и мужество, с каким он шел на борьбу с инквизиторами, всегда поднимают мой дух, поддерживают меня в самые трудные минуты моей жизни... Знаешь, какие слова сказал он перед смертью? Выслушав приговор о сожжении на костре, он твердым голосом произнес: «Я подозреваю, что вы произносите этот приговор с бо́льшим страхом, чем я его выслушиваю». Каков человек. Вот у кого надо учиться мужеству, несгибаемой воле!

Галафати начал взволнованно ходить по комнате. Алексей невольно любовался им. Ему подумалось в эту минуту, что попадись Галафати в руки палачам, он не замедлит бросить им в лицо слова презрения и гнева...

Сидели до позднего вечера. Потом включили радиоприемник. У каждого учащенно забилось сердце, когда раздался голос Москвы: «Наступление советских войск успешно продолжается на всех фронтах»...

— Не будете возражать,— спросил Галафати,— если мы отметим успехи советских войск?

— Каким образом?

— Мой сын сфотографирует нас вместе.

— Добрая мысль,— кивнул Остапенко.

— Я буду всегда хранить эту фотографию,— сказал Алексей,— хранить и вспоминать этот вечер...

Старший сын Галафати быстро приготовил аппарат и сфотографировал боевых друзей живописной группой, на память.

Взволнованный Галафати говорил:

— Я уверен, что скоро мы победим! Это не подлежит сомнению. Кстати, на днях компартия получает самое сильное пополнение,— возвращается в Италию наш Пальмиро Тольятти. После восемнадцатилетнего изгнания!

Кто-то постучал. Оказывается, пришел связной с виллы Тай. Он предупредил подпольщиков:

— Поздно ночью к вам явится наш человек, тоже из пленных — английский офицер. Ему поручили переправить вас на ватиканских машинах в партизанский отряд на Север...

— О, это же здорово! — обрадовался Остапенко.

— Наконец-то, снова настоящее дело! — весело поддержал Алексей.

Он действительно пришел, этот офицер, и оказался очень милым и разговорчивым человеком. Принес с собой вина, предложил выпить перед трудной дорогой. Все похлопывал Кубышкина и Галафати по плечу и произносил тосты: «За нашу победу!», «За союзников!». Потом сказал:

— Пора. Вы посидите, я сейчас принесу одежду и оружие, переоденемся все в немецкую форму.

Время шло, офицер не приходил. Галафати предложил лечь спать.

..Их разбудил страшный грохот: дверь сотрясалась под ударами прикладов.

— Это они — прошептал Галафати, подбежав к кровати Алексея.— Бежать некуда... Мы в западне. Давайте так, я открою и брошусь на автоматы, а вы все бегите...

— Нет! Если уж погибать, так всем вместе,— сказал Кубышкин.

Подпольщики не успели ничего решить: карабинеры выбили дверь и ворвались в комнату. Перед ними живой стеной, крепко сцепив руки, стояли пятеро: два русских, итальянец, француз и бельгиец. Фашисты бросились на них, завязалась короткая борьба. Кубышкин и Остапенко настойчиво отбивались ногами и головами, но слишком неравны были силы...

Жена Галафати стояла бледная, безмолвная. Слезы текли по ее лицу.

— Прощайте,— тихо сказал Алексей, проходя мимо нее.

Губы ее что-то прошептали. Но по выражению лица Иды Ломбарди Алексей понял, что это не были слова упрека за то, что он вместе с остальными принес в ее дом несчастье. Это были теплые слова человеческого участия и прощания.

Увидя, что отца уводят вооруженные карабинеры, маленькая Октябрина заплакала и уцепилась за его рукав.

— Папочка, не уходи!.. Папочка!

Ее грубо оттолкнули. Мать рванулась вперед и схватила дочь. Карабинер лишь усмехнулся: такие прощания, видимо, были для него привычной картиной.

Арестованных вывели на улицу и посадили в тюремный фургон. Внутри он был разделен на ряд маленьких камер. Кубышкина и Остапенко посадили вместе. При свете полицейского фонарика Алексей заметил, что в клетках, расположенных напротив них, уже сидели женщины и старики. Туда посадили Галафати. А бельгийца и француза повели в немецкую комендатуру.

На арестованных надели ручные кандалы. Эти железные запястья не имели ничего общего со старинными «цепями». По виду это были два стальных браслета, объединенных вместе в форме прописной буквы «Е». В два открытых квадратика всунули руки каждого, затем браслеты замкнули. Они причиняли мучительную боль. Пока пленников везли, руки у них распухли и покраснели.

«Кто же выдал нас?» — неотступно думал Алексей. Думал и не находил ответа...

А было так. В квартире подпольщицы Марии Баканти одно время скрывался бельгиец Жан. Об этом узнал гестаповец Пьетро Кох. Он пришел к Баканти и представился капитаном английской армии, бежавшим из немецкого плена. Вместе с ним был фашист Доменико Полли, который и помог Пьетро Коху напасть на след английского офицера, бежавшего из немецкого плена.

— Вы знаете,— сказал Кох,— я приятель Жана, мы вместе сидели в лагере. Так надо увидеть его... Есть очень важное дело.

Мария Баканти внимательно посмотрела в глаза «капитану». Его взгляд был чист и простодушен.

— Он у Галафати,— доверчиво сказала она.

Тот воскликнул:

— Вы знаете адрес?

— Да. Я схожу за ним, это рядом...

«Капитан» схватил ее руку.

— О, как мне вас благодарить, синьора! Только зачем вам ходить самой? Дайте мне адрес, я найду. Сделаю ему сюрприз.

И доверчивая Мария дала адрес, и «капитан» действительно «сделал сюрприз»...

Оказывается, настоящий-то английский офицер, который должен был переправить подпольщиков на Север, был арестован Пьетро Кохом буквально часа за четыре до того, как ему прийти к Галафати. Вот тогда у Коха и созрел мгновенный план: под видом английского офицера втереться в доверие к подпольщикам и арестовать их. План этот удался полностью...

В ЧЕРТОГАХ „ЦАРИЦЫ НЕБЕСНОЙ"

Машина со скрежетом остановилась.

— Выходи!

Задержанные выбрались из фургона, инстинктивно стараясь держаться поближе друг к другу, словно это могло хоть чуть защитить их от врагов. Перед ними высилось трехэтажное мрачное здание, обнесенное толстыми крепостными стенами с колючей проволокой, по которой был пущен ток высокого напряжения. Здание было похоже на звезду, одним концом упиравшуюся в тибрскую набережную.

С протяжным скрипом открылись тяжелые железные ворота. В полосатой будке стоял эсэсовец

с автоматом, возле его ног лежала большая откормленная овчарка. После обычных формальностей и тщательного обыска, во время которого отобрали даже расчески, Кубышкин и Остапенко были отделены от итальянцев.

Их повели по мрачным узким коридорам мимо массивных дверей камер. Они старались ступать тихо, словно боялись потревожить сон людей, уже сидевших в камерах. А карабинеры шли, подчеркнуто громко печатая шаг,— им не было никакого дела до этих заключенных, которых рано или поздно расстреляют.

Прикладами автоматов Алексея и Остапенко втолкнули в камеру № 13 на втором этаже. Они упали. Дверь захлопнулась.

Кубышкин и Остапенко огляделись. Камера была обычная: сырая, мрачная, маленькая. В ней трудно дышалось, от скользкого, обшарпанного пола несло кислятиной.

Камера была рассчитана на одного заключенного, но в ней и так уже кто-то находился. Старый жилец тронул Кубышкина за плечо.

— Не узнаешь?.. Что молчишь?

«Похоже украинец,— подумал Алексей, вслушиваясь в хриплый, но все же певучий голос узника. Он показался знакомым.— Кто же это? Какой-нибудь провокатор?».

— Леша! Та я ж Чосич,— снова проговорил человек и придвинулся еще ближе.— Слухай, друже...

— Чосич?! — Алексей сжал бескровные губы.

— Он самый!

Это был серб, друг Алексея по военному заводу. Но как он изменился! Какие-то жалкие лох-

мотья висели на костлявом теле. Голос звучал хрипло, натруженно. А еще недавно это был крепкий человек с широким открытым лицом, которое очень красила добродушная улыбка.

— Ничего... Теперь мы втроем! — Чосич произнес это так, будто все трудности тюремного режима уже позади.— Одному очень скучно было. Хотел поймать мышь и приручить...

— Где мы? — спросил Алексей.

— В каторжной тюрьме Реджина Чёли — «Царица небесная». Я здесь уже несколько недель... Лютуют гады. Каждый день допросы...

— Странное дело, тюрьму называют «Царицей небесной»,— сказал Остапенко,— другого имени, что ли, не нашли?..

— В Италии, брат, все тюрьмы носят имена святых,— сказал Чосич. Он мрачновато усмехнулся.— Миланская тюрьма, например, святого Витторе, Болонская — святого Джованни, Туринская — святого Карло... Только эта — самая страшная... В ней, между прочим, сидел когда-то Пальмиро Тольятти...

— Куда же посадили Галафати? — вслух подумал Алексей.

Чосич вздохнул и закашлялся. Лицо его побледнело и стало похоже на мраморное.

— Итальянцев сажают отдельно,— проговорил он с трудом.— Их допрашивает сам Кох.

— Кто это?

— Это — иуда... Нет, не то. Хуже во сто раз хуже иуды! Говорят, он родственник гитлеровского убийцы Эриха Коха.

Тюрьма Реджина Чёли... Ржавый визг ключей,

крошечные закрытые решетки окна, ханжеский вид католиков-надзирателей — все было мрачно, тоскливо, дико.

Не тюрьма — каменный мешок для смертников.

Небольшое окно камеры изнутри было зарешечено толстыми прутьями. Оно походило на раскрытую волчью пасть. Окно выходило во двор. Камера никогда, ни разу не видела солнца.

Койка с волосяным тюфяком была привинчена к стене, покрытой плесенью. Над небольшим столиком висело бронзовое распятие. Кого оно могло утешить здесь? Бронзовый лик Христа был покрыт толстым слоем пыли.

Надзиратель не отлучался из коридора. Он то и дело подходил к дверям и заглядывал в «волчок».

Ночью в тюрьме воцарилось гнетущее молчание. В спертом воздухе камеры раздавалось лишь тяжкое дыхание Николая, прерываемое стонами. Единственный свет, проникавший в камеру, давала электрическая лампочка, круглые сутки горящая в коридоре. Тускло мигая, она светила, как в тумане. Полутьма камеры давила, словно на тело, на голову наваливали камни.

Алексей подумал: «Вот оно, последнее мое пристанище на чужой земле»... Почти машинально он повел рукой по стене камеры и почувствовал под пальцами какие-то неровности, царапины. Их выскребли такие же, как он...

До боли в глазах всматриваясь в стену, а больше на ощупь, он прочел лишь немногие надписи. «Здесь сидел осужденный к смертной казни коммунист Ромоло Якопини. Прощайте, друзья!» «Здесь провел свои последние дни офицер запаса

Фабрицио Вассали. Да здравствует свободная Италия!»

И вдруг надпись на русском языке. Чувствуя, как сильная нервная дрожь колотит все его тело, Алексей прочел:

«Перед смертью хочу написать на языке моей Родины, где я появился на свет. Родился в городе Одессе в 1910 году. Преподавал русскую литературу в Туринском университете. Арестован в 1934 году и осужден особым трибуналом по защите государства за участие в движении «Справедливость и свобода». После 8 сентября 1943 года был ответственным редактором журнала «Свободная Италия». Фашистская полиция арестовала меня 19 ноября 1943 года. Передаю прощальный привет русскому и итальянскому народам. Леон Гинзбург»...

Вцепившись онемевшими пальцами в грязную решетку окна, Алексей долго смотрел в высокое холодное небо.

Заснул он только перед утром. Ему снился бой. Ярко вспыхивали огни орудийных разрывов, но звуков не было — как в немом кино. Автомат, который сжимала рука, был невесомым. Гитлеровцы лезли, лезли прямо под свинцовые струи, гора трупов росла, и Алексей задыхался, боясь, что не выберется из окровавленной груды тел...

Проснулся он в холодном поту. И острая, как электрический ток, обожгла мысль: он снова во власти фашистов! Теперь они будут истязать его, измываться, пытаться вырвать имена товарищей... В бессильной злобе Алексей сжал кулаки и заскрежетал зубами.

Угрюмый и посеревший, он сказал Николаю:

— Жаль Галафати... Если бы можно было своей жизнью заплатить за его свободу, я бы, не задумываясь, это сделал.

Тюремный надзиратель с фонарем и тяжелой связкой ключей стоял у двери камеры.

— Чосич, одевайся! Приказано перевести тебя в другую камеру.

Чосич помутневшими глазами тоскливо взглянул на товарищей, крепко поцеловал Кубышкина, пожал руку Остапенко.

Дверь с лязгом захлопнулась за его спиной.

— Хороший человек этот Чосич,— тихо сказал Кубышкин.— Он еще с Олеко Дундичем вместе служил, в австрийской армии.

— А как он попал в Италию? — спросил Остапенко.

— Воевал в горах Югославии. Так же, как я, был завален землей и взят в плен. Немцы узнали, что он хороший механик и привезли его в Рим ..

Вот так началась для Алексея Кубышкина тюремная жизнь в «чертогах Царицы небесной». Утром и вечером обход, уборка камеры. Тюремные сторожа и надзиратели два раза в день осматривали камеру, проверяли целость черной решетки. А днем, как правило, его допрашивали и истязали.

Мир — большой и солнечный — остался где то за толстыми непроницаемыми стенами. Это был уже не его, Алексея, мир. Его миром стала тюрьма — каменные и бетонные застенки, бронированные двери, гремящие засовы...

«Царица небесная» пожирала все новые и новые жизни...

ЧЕГО ОНИ НЕ ЗНАЛИ

Уже несколько часов мы сидели в комнате за круглым столом и слушали рассказ Алексея Афанасьевича Кубышкина. Говорил он неторопливо, не подгоняя себя нахлынувшими воспоминаниями. Рассказав о том, как попал в тюрьму Реджина Чёли, Алексей Афанасьевич остановился.

— Ну, а дальше... дальше я сам многого не знал.

— Как же так?

— Видите, я ведь был рядовым партизаном. И многое для меня было неведомо. Конспирация — это такая штука...— Алексей Афанасьевич улыб-

нулся, потирая подбородок ладонью.— Не всем надо было все знать. Жизнь раскрыла псевдонимы значительно позже. Выяснилось, например, что сосед Галафати по камере Джулио Рикорди на самом деле Арриго Баррацци.

Кубышкин встал, неторопливо подошел к шкафу и достал оттуда связку писем.

— Это письма моего друга Бессонного. Да, он жив. Я списался с ним, и он многое мне разъяснил. Ведь Бессонный был у нас связным подпольного центра Сопротивления.

— Так что же было на самом деле?

— А вот что...

Алексей Афанасьевич снова сел к столу и задумался, перебирая в руках листки, исписанные простым карандашом...

В то время как Галафати, Остапенко и Кубышкин были брошены в тюрьму, Бессонный находился на вилле Тай. Это трехэтажное здание с кирпичной оградой и деревьями у фасада было штаб-квартирой русского подполья в Италии. Вилла Тай располагалась по улице Номентана, вблизи катакомб Сан-Аньезе.

До высадки союзников на юге Италии вилла принадлежала таиландскому посольству. Бессонный с большим трудом устроился сюда слугой.

И вот в октябре 1942 года на таиландской вилле гостей встречал новый слуга — красивый, уже немолодой мужчина в безупречно сшитом смокинге, по имени Алессио.

Кто же был он, этот Алессио, которого подпольщики знали по кличке Бессонный.

В годы скитаний и мытарств Алексей Иванович

глубоко тосковал по Киеву, где родился, по лесистым Карпатам, где прошло его детство. Много слышал он о преображенной России, рвался туда, но, не имея денег в кармане, не так-то легко было выехать с чужбины.

О нападении фашистской Германии на Советский Союз Алексей Иванович узнал в Албании. Там он вскоре был интернирован и в конце 1941 года переправлен итальянскими фашистами в Рим. Очень небольшой круг людей знал тогда, что этот скромный и исполнительный человек установил связь с бойцами итальянского Сопротивления. Он познакомился с видным коммунистом, одним из руководителей антифашистского Сопротивления — Помпиллио Молинари. Вилла Тай стала впоследствии штабом движения русских подпольщиков и итальянских патриотов.

С помощью итальянских друзей Бессонный устраивал побеги русских военнопленных из концентрационных лагерей и, рискуя жизнью, переправлял их в партизанские отряды, действовавшие на территории Италии. С виллы Тай партизанам доставлялись одежда, продовольствие, деньги, а часто и оружие...

Вот что писали об этом позже два года спустя после войны в парижском «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления»:

«В бывшем таиландском посольстве был образован руководящий центр для подпольной работы. Слова «вилла Тай» были как бы паролем для действовавших в Риме и окрестностях партизан. Русские партизаны были объединены в три отряда

Анатолия Тарасенко, Алексея Коляскина и Петра Конопелько. Связные их отрядов хорошо знали дорогу на эту тихую заброшенную виллу. Тотчас же после освобождения Рима над виллой Тай было поднято первое в Риме знамя Красной Армии. Тут же был образован нами Комитет содействия бывшим русским военнопленным».

Удостоверение, выданное Бессонному Пятой зоной Итальянской коммунистической партии подтверждает, что Алексей Иванович в период нацистско-фашистской оккупации Италии активно работал в подпольной организации Сопротивления, содействовал побегам русских из лагерей и связывал их с партизанскими отрядами. Позднее и сам он стал активным и смелым бойцом партизанского отряда. Боевые реликвии советских партизан, действовавших на территории Италии, в том числе и знамя, что после изгнания фашистов из Рима взметнулось над виллой Тай, хранятся сейчас в одном из музеев страны.

Как уже было сказано выше, в октябре 1942 года Бессонный появился среди слуг роскошной таиландской виллы.

От его проницательного взгляда не ускользнули нервозность и беспокойство сотрудников таиландского посольства. Это беспокойство усиливалось: гитлеровская армия терпела поражения. А ведь правительство Таиланда было связано военным союзом с империалистической Японией, союзником фашистской Германии.

Вот почему высадка союзнических войск на юге Италии произвела настоящий переполох на «вилле трех слонов», как называли виллу Тай сами таи-

ландцы: над подъездом были изображены традиционные в Сиаме три слона.

Бессонный с невозмутимым лицом наблюдал, как обычно тихие, словно мыши, служащие посольства, потеряв восточную степенность, бегали с этажа на этаж с кипами папок и бумаг. Часть бумаг была сожжена в каминах, и вокруг виллы несколько дней летали черные хлопья обгоревшей бумаги. Каждый день из дверей посольства служители выносили несколько огромных кожаных чемоданов. Их заталкивали в машины и увозили на север Италии.

А вскоре все таиландцы предусмотрительно покинули виллу. Перед отъездом один из сотрудников посольства вручил Бессонному ключи от опустевших комнат и попросил его остаться сторожем покинутого здания. Эта обязанность не тяготила Бессонного, наоборот, она сулила ему значительные выгоды. Ведь респектабельная вилла, не вызывающая подозрений, может служить делу борьбы с фашистами! Вот о чем думал Бессонный, принимая ключи от низенького большеголового таиландца.

Вскоре на «виллу трех слонов» стали тайком приходить люди, совсем не похожие на недавних ее обитателей. Это были итальянские рабочие и крестьяне, советские военнопленные, которым удалось убежать из немецких концентрационных лагерей. Они приходили в рваной одежде и с пустыми руками, а уходили с гранатами в карманах и автоматами под немецкими шинелями. Их прошло здесь не десять и не сто — несколько сот.

Но на «вилле трех слонов» было всегда тихо. Рыскавшим всюду и ко всему принюхивавшимся

солдатам фашистской милиции и в голову не приходило заглянуть в этот мертвый дом. Они только похихикивали над долговязым и вежливым велосипедистом, в одно и то же время выезжавшим из ворот виллы с неизменной корзиной для зелени. Если бы они покопались в ней, то под пучками петрушки и сельдерея увидели бы патроны, пистолеты, одежду и заграничные паспорта. А если бы они зашли на виллу вечером и спустились в подвал, то услышали бы, как работает радиоприемник.

Очень часто Бессонный, переодевшись, покидал виллу тайными ходами: он прекрасно знал схему городской канализации, знаменитых римских катакомб. Он появлялся в квартирах итальянцев, прятавших у себя партизан, переводил «гостей» на новые места, передавал задания центра.

Алессио — Бессонный — держал в руках нити более чем сорока конспиративных квартир в Риме. Он узнавал через итальянских друзей о прибытии новых групп военнопленных русских и устраивал их побеги. Он же разработал не один план действий партизан. Не случайно советские люди, сражавшиеся в Италии, тепло называли его «наш верный связной».

Так в бывшем таиландском посольстве образовался один из подпольных центров борьбы против фашистского режима.

Впоследствии несколько итальянских газет посвятят русской секретной организации целый ряд статей. «Одна из самых необычных секретных организаций,— писала «Л'епока».— Ее центр — «вилла трех слонов» — таиландское посольство. Советские пленные, одетые в форму немецких солдат, поют

советские партизанские песни. В посольство приходит, например, седой священник, а выходит оттуда уже молодым немецким солдатом».

В газетах описывалась встреча с советским летчиком, который был сбит над Берлином, но сумел добраться до Рима. Летчик скрывался от немецких фашистов у Бессонного. Укрывать летчика помогал русский врач-эмигрант Федор Петрович. Это был самый удивительный врач во всем Риме.

Бессонному приходилось видеть этого человека в самых различных, а порою и неожиданных одеяниях: то в немецком офицерском мундире, который ладно сидел на его высокой статной фигуре, то в безупречно сшитом смокинге с белым жилетом и белой бабочкой, то в живописно потрепанной куртке мастерового. Федор Петрович, без всякого сомнения, обладал талантом перевоплощения, которое так нужно в подпольной работе.

Ему приходилось нередко «менять маскарад» — перекрашивать волосы, приклеивать усы, но ближайшие друзья Федора Петровича знали, что волосы и глаза у него светлые, лицо красивое, с четкими чертами, словно выточенными искусным резцом. Любой человек, впервые познакомившийся с русским врачом, чувствовал в нем неукротимую волю и сдержанную силу.

Дамы в фешенебельных салонах считали его очаровательным, галантным кавалером, рабочие римских предместий охотно выпивали со «свойским парнем», немецкие офицеры были уверены, что этот врач — отпрыск какой-нибудь старинной прусской семьи, подарившей Германии нескольких бравых офицеров и генералов.

— Вообще-то,— не раз говорил Федор Петрович,— больше всего мне нравится ходить с докторской сумкой — очень она удобна для конспирации. В нее можно спрятать все, что угодно: и оружие, и литературу, и одежду на двух человек.

Разумеется, чтобы успешно играть свою роль, нужно было быть человеком высокообразованным. Федор Петрович был именно таким. Он свободно изъяснялся на русском, немецком, итальянском и других европейских языках.

В ноябре 1943 года на одной из улиц Рима были обнаружены трупы двух немецких офицеров. Впрочем, когда их нашли, нельзя было сразу сказать, что это именно офицеры: на убитых эсэсовцах не было ни мундиров со знаками отличия, ни фуражек, ни сапог.

Фашистские ищейки пытались напасть на след неизвестного мстителя. По рассказам очевидцев, видевших офицеров незадолго до смерти, с ними в кабачке был третий эсэсовец, высокий, белокурый. Говорили еще об одной примете этого красивого офицера — он пил вина в два раза больше, чем его приятели, вместе взятые. Потом пошли слухи, что высокий эсэсовец — вовсе не немецкий офицер, а доктор, который носит в чемодане автоматический пистолет и очень умело пользуется им. Однако эти скудные и противоречивые сведения не помогли гестаповцам найти доктора, который причинил им столько беспокойства.

Такой человек, как доктор, был чудесной находкой для отряда. С какой изобретательностью устраивал он побеги военнопленных из фашистских лагерей! Решительный и осторожный, смелый до дер-

зости, когда это было нужно, он умел и организовать нападение на немецкий отряд, и достать оружие, и завязать нужные знакомства.

Многие товарищи, которые знали об умении Федора Петровича быстро завоевывать благосклонность женщин самого разного круга, считали его ловеласом. Но это было вовсе не так.

Некоторые подпольщики несколько раз видели его с миловидной девушкой, дочерью русских эмигрантов. Эта девушка нередко помогала доктору в его опасных похождениях. Они любили друг друга...

В боевой жизни Бессонному помогали и другие люди.

Одним из них был молодой итальянский коммунист столяр Луиджи Дзордзи, который жил недалеко от «виллы трех слонов» в доме № 24 по улице Бизаньо. Луиджи служил в этом доме сторожем и портье. С его помощью на чердаке и в подвале дома скрывались советские военнопленные. Об этом писал впоследствии в итальянском журнале «Фолла» адвокат Оливьери, живший на пятом этаже этого дома.

А Рим жил своей жизнью — сложной и многообразной... Ранним утром тысячи рабочих уныло торопились к своим станкам и машинам, продавцы открывали магазины со скудной провизией, вокруг них выстраивались безмолвные очереди, кафе наполнялись обычными хмурыми посетителями, и даже дети как будто утеряли частицу своей живости...

Над огромным городом словно нависли серые тучи, гнет иноземных завоевателей ощущался как

душное предгрозье, сковывавшее дыхание... Римлянам поистине было трудно дышать, глядя на фашистские мундиры повсюду, слушая мерный топот тяжелых немецких сапог на вековых плитах исторических площадей Рима.

Да, дорогие рестораны были переполнены, как и в прежние годы, блестящие «бенцы» и «мерседесы», а вместе с ними и итальянские «фиаты» бешено носились по улицам, порой сверкали в ночи разноцветные огни карнавалов и фейерверки взвивались над старинными палаццо, как и прежде гремела веселая музыка... Но нередко ее заглушали глухие взрывы и резкие звуки выстрелов, а в зареве внезапных пожаров бледнели карнавальные огни...

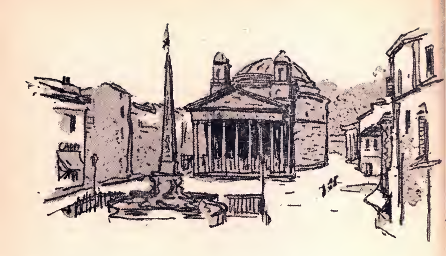
Лихорадочное веселье завоевателей и их приспешников напоминало пир во время чумы, описанный еще пером Боккаччо...

Два непримиримых мира разной жизнью жили в стенах вечного города.

Когда связной принес страшную весть о том, что многие подпольщики, в том числе Кубышкин, Остапенко и Галафати, брошены, в политический корпус тюрьмы, даже Бессонный был потрясен. Что делать? С помощью итальянских коммунистов он прежде всего постарался связаться с тюрьмой. Был выработан смелый план нападения на Реджину Чели и эсэсовскую тюрьму на улице Тассо, в которой сидело тогда много патриотов Италии. Среди них были дивизионный генерал, инвалид войны Симоне Симони, генерал авиации, директор оружейного завода «Польверифичио Стаккини» в Риме Сабато Мартелли Кастальди, который сры-

вал обеспечение гитлеровских войск военным снаряжением и организовывал доставку оружия партизанам Лацио и Абруцц.

Но как только коммунисты Рима и партизаны начали приводить план нападения на тюрьмы в действие, он тут же был отвергнут англо-американскими офицерами, осуществлявшими связь с военной джунтой Комитета Национального Освобождения. В результате этого вмешательства союзников немцам удалось осуществить свои злодеяния в Ардеатинских пещерах и увезти с собой из Рима много заложников, которые затем были расстреляны в населенном пункте Сторта, в семи километрах от «вечного города»...

СТРАННЫЙ ГЕСТАПОВЕЦ

Алексей когда-то читал кое-что о порядках в застенках итальянской полиции, но то, что он увидел в «Царице небесной», превосходило самые страшные картины, создававшиеся воображением. Арестованные спали на цементном полу. С ними разговаривали при помощи «гума» — короткой резиновой дубинки, утолщающейся к концу. Избивали всюду, даже в кабинете врача, если кому-либо удавалось туда попасть. Над входом в коридор кто-то кровью сделал надпись из Дантова «Ада»: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Но надежда, пусть неясная, слабая, все же теп-

лилась в сознании Алексея. «Надо выжить, надо выбраться из этого ада и мстить, мстить!».

Однажды раздался голос:

— Кубышкин, на допрос!

В комнате гестапо Алексея ждал высокий, худой рыжий офицер с темным цветом лица и тяжелыми морщинами вокруг глубоко посаженных глаз. Он то плотно со злостью сжимал тонкие искривленные губы, то кричал:

— Расстреляю! Говори, где помещается штаб партизан! Кто такой Бессонный? Где его найти?

Алексей молчал.

За столом, под портретом Гитлера, сидел еще один офицер, приземистый, тучный, словно туго набитый куль. Сузив косо поставленные глаза, он молчал и внимательно наблюдал за ходом допроса.

В комнате было жарко. Сквозь мутные окна просачивался неяркий свет дворовых тюремных фонарей.

Рыжий офицер опять повторил свои вопросы и расстегнул ворот кителя.

Алексей угрюмо бросил:

— Не знаю.

Тогда рыжий неторопливо закурил сигарету и, выпуская дым сквозь подстриженные усы, стал пристально разглядывать усталое, изможденное лицо Алексея.

— Будешь говорить?— спросил он вновь и, не дождавшись ответа, подошел вплотную.

Алексей смотрел ему в глаза, не мигая. И этот взгляд вывел гестаповца из себя. Наливаясь кровью, он по-бычьему поводил мутными белками.

Багровые щеки его дрожали, разило спиртным запахом. Он сквозь зубы начал похабно ругаться.

Скупая улыбка заиграла на сухих, потрескавшихся губах Алексея.

— Проучите его! — приказал сидевший за столом офицер.

Рыжий взял со стола плетку и со всего размаха полоснул Алексея по лицу. Потом, отшвырнув плетку, он стал бить его каким-то металлическим предметом по голове. Алексей упал на пол и потерял сознание. Голова и лицо его были сплошь покрыты глубокими кровавыми рубцами.

Рыжий не унимался. Он с остервенением топтал избитого Алексея...

Когда Кубышкин очнулся, на него лили холодную воду. Офицеров в комнате не было.

В душе снова вспыхнули ненависть и презрение к фашистам. Алексей весь дрожал от злости.

Он с трудом поднялся и, покачиваясь, медленно пошел к выходу. Жар волнами подкатывал к сердцу. Голова казалась непомерно тяжелой, раны болели, кровь заливала глаза. В дверях, позвякивая связкой ключей, стоял пожилой тюремщик, чтобы вести его на новый допрос.

— Быстрее! — пробурчал тюремщик и толкнул Алексея в спину.

Ноги подгибались и дрожали. Вот поворот налево, а там комната другого следователя, опять побои...

Тюремщик снова толкнул Алексея, и поворот миновали. Прошли несколько шагов. «Куда он меня ведет?» — подумал Алексей и услышал немецкие голоса.

По тюремному коридору быстро шел человек в форме гауптштурмфюрера СС. Тюремщик прижал Алексея к стене, давая дорогу офицеру. В это же время навстречу вышел Пьетро Кох. Он козырнул гауптштурмфюреру и заговорил с ним по-дружески.

— Почему вы у нас? Ведь вы, кажется, на Виа Тассо, в гестапо? — спросил Кох.

— А мне понравилась ваша тюрьма,— с улыбкой ответил гауптштурмфюрер,— я действую на два фронта...

— Что же, поздравляю... Приехали на допрос?

— Да, надо кое-кем заняться,— эсэсовец козырнул и пошел дальше.

Кох напряженно смотрел вслед щеголеватому эсэсовцу, словно ожидал — обернется или не обернется. Но тот, непринужденно помахивая стеком, шел не оборачиваясь. Тюремщик повел Алексея дальше. Кох тихонько прищелкнул языком и зашагал, стуча каблуками.

Тюремщик ввел Алексея в какую-то комнату. Почти следом вошел и гауптштурмфюрер СС. Он испытующе посмотрел на Кубышкина.

— Идите,— приказал эсэсовец тюремщику и плотно закрыл за ним дверь. Потом не спеша подошел к Алексею и, оглядев его с ног до головы, стал боком.

«Ну, сейчас начнет бить»,— подумал Алексей в то время, как офицер стягивал с холеных рук лайковые перчатки.

А тот вынул портсигар, протянул:

— Битте...

Алексей не верил своим ушам. Немец предла-

гал сигарету! Это что-то новое... И тут произошло такое, отчего Алексей даже присел.

— Здравствуйте,— твердо, по-русски заговорил гауптштурмфюрер СС.— Садитесь, нам надо поговорить.

Алексей смотрел на него не мигая.

— Садитесь,— повторил тот и продолжал тихо:— Вам привет от «Бессонного» с виллы Тай.

Эсэсовец поднес зажженную зажигалку. Алексей прикурил, затянулся. «Провокация? — лихорадочно думал он.— Ну, это у тебя не выйдет»...

— Вы не верите мне... Это понятно,— продолжал офицер.— Но знайте, что я и этот тюремщик — ваши друзья. Не показывайте виду. Я чех, но для вас я немец. Ясно? Я тоже коммунист. Во время мобилизации в германскую армию партия приказала мне поступить на работу в Пражское отделение гестапо. После покушения на Гейдриха я сумел войти к фашистам в доверие, выдавая им кое-какие «сведения», конечно, заранее приготовленные Подпольным комитетом борьбы с фашистами. Отец и мать в это время жили в Лидице. В июне сорок второго года они были расстреляны. Я поклялся всю жизнь мстить немцам за них и за всех тех, кого они уничтожили на чешской земле...

Алексей внимательно слушал его и думал: «Неужели и в тюрьме могут быть друзья?». Закружилась голова, он покачнулся. Откуда было знать ему, что этот смелый человек по воле партии надел ненавистный эсэсовский мундир с погонами гауптштурмфюрера СС, служит в гестапо, время от времени передавая своим важнейшие сведения. Чех по национальности, он отлично владел немецким язы-

ком и умел вести себя так, что ни одна фашистская ищейка не могла ничего заподозрить...

Время от времени гауптштурмфюрер СС и тюремщик Сперри приходили к врачу — профессору Оскару ди Фонце, у обоих «болели зубы», оба нуждались в лечении. Оскар ди Фонце работал в подпольной редакции газеты «Унита» и организовывал необходимые для партии связи. В зубоврачебном кабинете «больные» рассказывали обо всем, что узнавали о работе гестапо...

Чех начал расспрашивать Алексея о его Родине, напоил водой, дал десять сигарет и на прощание сказал:

— Мы будем следить за вами, поможем бежать. Но пока нужно молчать...

И крепко пожал руку русского товарища.

— Вот только Галафати...— Офицер замолчал и грустно покачал головой.

— Где он?— тревожно спросил Алексей.

— Вы видели Коха? Так вот... Этот зверь сам взялся за Галафати. Это значит, что нашему товарищу угрожает смерть.

— И ничем нельзя помочь?

— Я пробовал... Но пока ничего не вышло. Боюсь, что Кох, эта немецкая овчарка, и обо мне уже пронюхал... Надо что-то предпринимать...

Гауптштурмфюрер СС задумался. И тут Алексей, глядя на его устало склоненную голову, подумал, как трудно, как невыносимо трудно этому смельчаку ходить каждую минуту по краю обрыва и улыбаться, вести как ни в чем не бывало разговоры с убийцами товарищей, ежесекундно держать нервы в напряжении, ничем не выдать себя...

Вновь появился тот же тюремщик. Страшно ругаясь, он погнал Алексея в камеру. А у самых дверей шепнул: «Не унывать, рус»,— и с силой толкнул в спину, так что Алексей чуть не упал.

Николай подбежал к нему, стараясь поддержать, привести в чувство. Он знал, какими люди возвращаются после пытки. Но Алексей улыбнулся. В глазах светилась радость.

Он рассказал Николаю все, что с ним случилось.

Они долго сидели обнявшись, шепотом обсуждая события сегодняшнего дня. Сердца вспыхнули надеждой, которая нужна, очень нужна человеку, чтобы идти вперед, чтобы сделать все, что положено человеку на Земле... А у обоих еще столько несвершенных дел!

Они строили всевозможные планы, вспоминали прошедшее, в их положении это было так естественно. Когда у человека нет светлого настоящего, он уходит мыслями в иное время — либо в прошедшее, либо в будущее.

— Я тебе как-то рассказывал о себе,— говорил Алексей, поглаживая друга по руке,— теперь, выходит, твоя очередь...

— Ну что ж! — рассмеялся Николай.— Моя, так моя...— Он обхватил руками колено и мечтательно поднял глаза.

— Ну, война застала меня в армии, на полуострове Ханко. Служил я в двести тридцать шестом отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе. Мои друзья сделали мне там настоящую японскую татуировку: когда по утрам умывался, гравированные драконы на руках копошились, как живые. Тогда мне это нравилось, а вот сейчас...— Он взглянул

на свои руки, разукрашенные тушью, и сплюнул в сторону.— Чего это я об этом?.. Словом, когда началась война, немцы пытались и с суши, и с моря овладеть полуостровом. Но мы каждый раз давали им по зубам.

Ханко был важный форпост в Балтийском море. Мы это, конечно, хорошо понимали. Сто шестьдесят пять дней наш гарнизон — небольшой, так себе — отбивал атаки фашистов. Они просто озверели. И подтягивали все новые силы. Ох, помолотили мы их... А потом по приказу Верховного командования оставили Ханко. Эх!.. Помню, когда сходили мы с полуострова, запели свою любимую: «Славное море, священный Байкал».

Первого декабря мы уже ехали в Ленинград. Не как-нибудь — на пассажирском теплоходе. Но как назло наскочили на мину. Ну вот, значит, рвануло нас... Что ж, водичка, конечно, не черноморская, но ничего не поделаешь — пришлось прыгать в воду, плыть. Однако не тут-то было. Наскочили на нас немецкие катера, стали вылавливать... Так я оказался в плену. Прямо из водички — и в плен... А осенью прошлого года привезли вот в Рим. Николай замолчал, но вдруг чему-то улыбнулся, даже хохотнул тихонечко.

— На Ханко был у меня один интересный случай. Ты слушаешь?

— Ну конечно! Рассказывай, рассказывай.

— Вызвал как-то меня к себе командир дивизиона и говорит: «Товарищ Остапенко, твои предки когда-то писали письмо турецкому султану»...— «Как же, говорю, помню!» — «Ну вот... помоги нам в одном деле. Надо написать что-нибудь в этом

роде господину Маннергейму в ответ на его призыв сдаться в плен»... Алексей оживился:

— Ну и как? Написал?

— Написал!.. Правда, журналисты немного подредактировали, черт бы их побрал... Но все равно доля моей «соли» осталась. Когда-то я то письмо на память помнил, теперь, конечно, подзабылось, но все же послушай.

С усмешечкой Остапенко начал — словно бы читал:

«Его высочеству прихвостню хвоста ее светлости кобылы императора Николая, сиятельному палачу финского народа, светлейшей обер-шлюхе берлинского двора, кавалеру соснового креста барону фон Маннергейму...»

— Чуешь, как загнули мы?..

Алексей беззвучно смеялся.

После нежданного и непривычного смеха стало вдруг не то что тоскливо и не грустно даже, а как-то пусто, очень неуютно на душе. Примолк и Николай.

— Ладно,— стряхивая ненужную хандру, сказал Алексей.— Расскажи-ка, брат, что-нибудь еще.

— Что же я тебе расскажу?.. Вот сейчас балакали, смеялись, а все равно душе невесело... Понимаешь, какая штука: уже несколько дней сидим мы тут с тобой, а у меня все не выходит из головы, где я слышал про эту тюрьму?.. Вспоминал, вспоминал и вот, знаешь, сейчас вспомнил...

— Ну и где же ты слышал?

— Да все на том же нашем полуострове Ханко. Подружился я там с одним уральцем. Звали его

Анатолием. Хороший был парень. Грамотный, речистый.

— Почему «был»? — перебил Кубышкин.— Убили, что ли?

Николай немного помолчал.

— Все расскажу, не перебивай... Анатолий числился у нас агитатором, и никто не звал его по имени, а называли кто «уральцем», кто «агитатором». Он не обижался.

И вот однажды рассказал он мне. «Эх, Коля, кабы не эта проклятая война, так я бы сейчас в юридическом институте лекции читал». В августе он должен был защищать кандидатскую диссертацию. И знаешь, тема какая была? Тебе ни за что не догадаться! История фашистских тюрем. Он говорил, тема здорово интересная. Тут и германская тюрьма — Моабит, румынская — Дофтана, итальянская — Режина Чели (это наша, значит, с тобой), польская — Висла, венгерская — Скала. И другие, я уж не помню. А материал по этим тюрьмам трудно было разыскивать. По крупице парень собирал.

Кому нужна их история? — может, спросишь ты. Я, например, спросил. А Анатолий и говорит: «Что ты, Николай! В юридических институтах даже преподают тюрьмоведение как отдельную дисциплину». Понял? В свое время, оказывается, проходили даже Международные тюремные конгрессы. Один из них, четвертый, что ли, организовали в конце прошлого века в Петербурге. Сам Александр Третий со своими министрами и всей царской семьей на открытии присутствовал. Во как!

И понимаешь, все чин чином устроили, даже Международную тюремную выставку. Каждая

страна показывала изделия, которые изготовляли арестанты, и предметы из обстановки тюрем.

Итальянцы, скажем, представили модель одиночной камеры. Я вот сейчас подумал: а вдруг — той самой, в которой мы с тобой сейчас сидим. А?.. И была на выставке модель всей тюрьмы Реджина Чели. И изделия из этой тюрьмы: обмундирование тюремное, ботинки, скульптуры разные, резьба по дереву, мадонны.

— Неужели и мадонны делались в Реджине Чели? — с усмешкой спросил Кубышкин.

— А что ты думаешь,— усмехнулся и Остапенко,— это, брат, превосходно уживается: пытки и молитвы, иконы и тюрьмы. Этот вот,— он ткнул в распятие Христа,— чего тут пялится?..

Ну, конечно, когда я слушал Анатолия, мне и в голову не приходило, что придется самому в тюрьме сидеть, да еще в такой знаменитой. Знал бы — побольше выспросил...

А Анатолий... Дня через три после того, как он мне рассказывал про тюрьмы, попали мы под бомбежку и погиб Анатолий. А ведь какой способный парень был! Наверняка бы стал профессором...

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

Алексей и Николай установили, что Анджело Галафати сидит внизу, в отдельной камере. Пробовали перестукиваться с ним — ничего не вышло.

Они не знали, что в это самое время Пьетро Кох избивал их друга резиновой дубинкой. Рука у садиста заныла в плече, он отшвырнул дубинку и сквозь зубы процедил:

— Воды!

Неподвижного Галафати облили из ведра. Вода, стекая с тела, стала розовой. Кох приподнял голову своей жертвы за волосы:

— Ты скажешь, наконец, где ваша главная явка?

Галафати молчал. Его разбитое лицо напоминало окровавленный кусок мяса. Но он не стонал, нет, он вдруг запел гимн Гарибальди.

Дрожащим хрипловатым голосом он пел, а сам поднимался, медленно поднимался с пола и наконец встал и гордо закинул голову, все продолжая петь.

— Замолчать! — орал Кох, а Галафати пел.

— Ты скажешь! Ты скажешь! — в исступлении закричал взбешенный истязатель и снова схватился за дубинку. Потом ударом кулака в спину он изо всей силы толкнул Галафати в соседнюю комнату и крикнул: — Вот как мы поступаем с теми, кто борется с армией фюрера!..

В слабом свете маленькой электрической лампочки Галафати увидел человека, подвешенного за подбородок на ржавый железный крюк, свисавший с потолка. На груди жертвы была вырезана пятиконечная звезда, лицо обезображено. Галафати узнал этого человека. То был Костанцо Эбат, подполковник артиллерии из партизанского отряда «Неаполь», действовавшего в Риме и в провинции Лацио.

Перед глазами поплыли нескончаемые красные круги... Галафати стоял, покачиваясь, легкая дрожь пробегала по телу. Собрав последние силы, он повернулся к Коху.

Кровавый плевок ударил в лицо палача.

Кох покачнулся, выдернул из кармана платок, вытер лицо. На белоснежной ткани осталось красное пятно. Смяв и отбросив платок, Кох потянулся за резиновой дубинкой...

Сколько хлопот причинил ему этот молча-

ливый упрямец Галафати! Сколько раз он, Пьетро Кох, униженно просил начальство продлить срок поисков неуловимого коммуниста. Иногда казалось, что ловушка захлопнулась, в густо расставленные сети попадали многие патриоты, но Галафати, целый и невредимый, оказывался на свободе.

И вот, наконец, удача! Пьетро Кох был просто счастлив: Мария Баканти поверила ему и дала адрес Галафати — того, кого он так долго и тщетно искал, из-за кого рисковал своей карьерой. Кох безмерно радовался своей удаче...

Но палач ошибся. Галафати — этот с виду простой и хилый итальянец — оказался железным. Он не произнес ни слова, даже ни разу не взглянул на Коха, а брезгливо отворачивался или просто закрывал глаза...

Кох был старым агентом итальянской разведки. Немец по отцу и итальянец по матери, он еще до нападения фашистской Германии на Советский Союз был послан в Берлин для прохождения особого инструктажа. Был принят там, как свой человек. В гестапо разъяснили, чего от него ждут и чем ему предстоит заниматься, когда Италия начнет войну с Россией. За заслуги перед немецким фашизмом Кох был награжден золотым значком почетного члена нацистской партии и «Железным крестом» 1-й степени. Возвратился он из Берлина в Рим, отрастив из подобострастия усики «а ля Гитлер».

Теперь этот вполне законченный фашист еще больше выслуживался перед немцами. По ночам уже снился ему «Рыцарский крест»...

— Я все равно вырву у него сведения! — заверял он свое начальство. Когда подпольщики, работавшие в тюрьме, по просьбе Бессонного попытались передать дело Галафати к подставному гауптштурмфюреру СС, Кох понял, что это может помешать его карьере, и заартачился.

— Я знаю,— твердил он,— что Галафати держит ключ ко многим тайнам. И может выдать даже тех, кого мы и не подозреваем.

И он зло посмотрел на гауптштурмфюрера СС. Тот не моргнул глазом. А в голове пронеслось: «Неужели этот удав о чем-то догадался?».

— Ну, что ж,— непринужденно произнес чех,— желаю удачи...

Так сорвалась попытка вырвать отважного патриота из рук фашистского садиста...

Однажды ночью Кубышкин и Остапенко проснулись от страшных стонов и криков.

— Что там творится? — спросил Николай и тут же, подскочив к окну, подставил свои плечи.— Лезь...

Алексей дотянулся до окошка. Из него был виден краешек тюремной площади. Заключенные, голые по пояс, с просвирками в руках стояли в два ряда. Офицеры СС, расхаживая между ними, тыкали в каждого концами своих стеков. Откуда-то, чтобы заглушить крики, неслась органная музыка.

— Галафати! — крикнул Алексей, увидев в толпе своего друга.

Галафати поднял голову. Едва ли он увидел Алексея. Скорее всего нет. Может быть, просто догадался... Во всяком случае он крикнул:

— Прощай, друг! Нас ведут на расстрел. Прощай!..

Потом он шепнул что-то стоящему рядом с ним заключенному, тот встрепенулся и тоже закричал:

— Я — русский! Прощайте! Привет Родине!..

Но тут появились эсэсовцы, прикладами начали избивать их, погнали к выходу.

Алексей опустился на пол.

— Коля, это конец... Сейчас придут и за нами.

Друзья переглянулись. И сразу же за дверью послышались гулкие шаги. Заскрипел замок, дверь широко распахнулась. На пороге стоял тот тюремщик, который водил Алексея к чеху.

— Быстрее в другую камеру! — негромко и торопливо приказал он.

Алексей и Николай, ничего не понимая, бросились в коридор.

— Повели руссо! — пронеслось по камерам.

Их провожали взглядами все, кто остался в камерах. Заключенные поднимали над головой крепко стиснутые руки в знак солидарности и сочувствия.

Оставшиеся в тюрьме итальянские патриоты решили, что русских также повели на расстрел...

Но тюремщик, для вида подгоняя их тумаками, перевел друзей в подвал тюрьмы, запер в совершенно глухой камере в самом дальнем углу тюремного корпуса.

— Молчать,— только и сказал он на прощанье.

А через полчаса запыхавшийся Пьетро Кох бежал по коридору...

— Где русские? — спросил он, хватая тюремщика за шиворот.

— Они... они были вот в этой камере...

— Открывай!— зло прохрипел Кох...

Тюремщик никак не мог попасть ключом в скважину.

— Скорее!— Кох распахнул дверь.

Камера была пуста.

— Где они?

— Не знаю,— тюремщик беспомощно развел руками.— Но, синьор, я помню, как утром приезжали сотрудники службы безопасности. Наверное, увезли их на Виа Тассо...

— Проклятье! Но ничего... Там настигнет их смерть...

Крики в тюрьме постепенно затихли...

— Неужели мы спасены? — спросил шепотом Николай.

Алексей ничего не ответил. Обхватив голову руками, он повалился на пол и заплакал.

«Прощай, Галафати! Прощай и ты, наш русский товарищ. Жаль, что мы не знаем твоего имени»...

В тюрьме наступила зловещая тишина...

А в это время в Ардеатинских пещерах гремели выстрелы...

Так погибли коммунист Галафати, неизвестный русский солдат, с которым Алексей так и не успел поговорить, генерал авиации Сабато Мартелли Кастальди, дивизионный генерал Симоне Симони...

Они умерли, как герои, умерли как и жили, не склонив головы.

В КАМЕРЕ ГРАМШИ

Страшная ночь миновала. Вновь тягуче и жутко текли тюремные дни. Как обычно.

Но нет: теперь они были иными. Прекратились допросы. Могильная тишь сковала камеру. Железные двери со сложным запором открывались лишь один раз в день: это Сперри — так звали тюремщика — приносил пищу и воду.

Ярко начищенные пуговицы на мундире тюремного надзирателя, казалось, подчеркивали бледность его поблекшего лица, на котором застыло выражение невысказанного, затаенного страдания. Связка тяжелых ключей с тихим звоном покачивалась на его веревочном поясе,

Сперри молча ставил на пол еду и, сказав несколько слов, уходил. Всем своим видом он показывал, что между ними не произошло ничего: никакого сближения, никаких проявлений участия. На вопросы Алексея и Николая итальянец отвечал неохотно и кратко.

Всякие непрошеные мысли назойливо лезли в голову. Может быть, эсэсовцы готовят против них какую-нибудь особо тяжелую расправу? Почему так молчалив Сперри? Почему так печален?

Алексей сказал однажды:

— Он, видимо, знает, что нас ждет, а сказать об этом ему тяжело, вот он и переживает...

— Может быть,—откликнулся Николай.—И все-таки мы многим ему обязаны... Интересно, что он за человек?

Алексей пожал плечами: ему было известно столько же, сколько и Николаю.

— Я знаю одно,— сказал он,— знаю, что он наш...

Камера, в которой сидели Николай и Алексей, была сравнительно большой — четыре на три метра. Но это была камера полной, строжайшей изоляции.

— Настоящий затхлый каменный мешок без света,— ворчал Николай.— Посадить бы в нее архитектора, который строил эту тюрьму.

— Нет! — возразил Алексей.— Лучше того, кто приказал ее построить.

— Пожалуй, ты прав...

Семь суток просидели здесь Николай и Алексей. На исходе восьмого дня в двери загремели ключи. Алексей подумал, что либо его, либо Остапенко со-

бираются вести на допрос, а может быть, и на расстрел...

Дверь открылась, на пороге появился Сперри. Он казался еще более постаревшим, еще более угнетенным, чем обычно. Какие думы мучили старика, какая боль подтачивала его силы?

Старый тюремщик вошел в камеру. Остапенко поднялся с койки. Сперри, как всегда, медлил. Он внимательно огляделся, словно чего-то искал, и, нарушив свое правило, вдруг печально улыбнулся и заговорил:

— Кончилась ваша тюремная жизнь, ребята, в Реджина Чели. «Царица небесная» пожелала освободить вас из своего «рая». Будем надеяться, что это к лучшему...

— А что, нас переводят в другую тюрьму?— насторожился Остапенко.

— Вы едете на рытье траншей. Немцы повсюду отступают.— В голосе Сперри звучала необычная торжественность.— Не помогла гитлеровцам «Готическая линия».— Старик усмехнулся.— Если сказать правду, то ее и не было. Зря шумели об этих укреплениях английские и американские газеты... В германских военно-строительных отрядах «Тодт», куда вас повезут, дисциплина разваливается. Там сейчас создается подпольный комитет «Свободная Германия». Я думаю, вы сумеете использовать эти условия... Но, смотрите, не попадитесь вновь Коху. Он три дня назад уехал на север Италии. Теперь зверствует в Милане.

И вот что я вам скажу, русские парни.— Сперри подошел к Алексею.— Мы больше, конечно, не увидимся... Окиньте эту камеру прощальным взглядом

вглядитесь в нее внимательно и запомните, что я вам сейчас расскажу... В этой камере сидел Грамши! Да-да, сам Антонио Грамши, секретарь Коммунистической партии Италии. А в других камерах сидели его боевые соратники: Тольятти, Джерманетто и другие...

— Грамши?— полушепотом переспросил Алексей.— Грамши...— удивленно повторил он, как бы что-то припоминая.— Кажется, он был у нас в России и встречался даже с Лениным. Да?

— Да, он был у вас, в России в двадцать втором-двадцать третьем годах.— Сперри тяжело опустился на койку.— А потом возвратился на родину, чтобы продолжать революционную борьбу. Он основал Коммунистическую партию Италии и газету «Унита»... Он для нас все равно, что для вас Ленин. Нашего Грамши мы помним и никогда не забудем...

Несмотря на парламентскую неприкосновенность, Грамши был арестован по приказу Муссолини. Это было в ноябре двадцать шестого. В этой камере он просидел тогда шестнадцать дней.

Когда вечером привели его сюда, я даже не поверил, что передо мной сам Грамши. Я его представлял каким-то великаном, а это был обыкновенный человек маленького роста, в очках, очень болезненный с виду. Я помню его слова, которые сказал он в тот вечер: «Ничего, мы и здесь будем вести борьбу с теми, кто ведет Италию к гибели»...

Ужасы, которые я видел в этой тюрьме, встречи с коммунистами, осужденными на смерть, заставили меня над многим призадуматься, а затем... затем, как видите, я с вами...

Всем, чем только мог, я старался облегчить положение Грамши: несколько раз тайно передавал ему газеты, письма, бутылки с кофе, сигареты, а однажды — шерстяную фуфайку и носки. Бывало, как ни загляну в глазок, всегда вижу одно и то же: сидит за столиком и все пишет и пишет...

Выйти на свободу ему не удалось. Пересылки из одной тюрьмы в другую, тяжелые кандалы, одиночные камеры, плохое питание — десять лет тюремных скитаний! — они подорвали его здоровье. Весной тридцать седьмого года он умер...

Сперри нервно погладил ногу и похлопал по коленке.

— А ведь этот пес Муссолини знал, что состояние здоровья у Грамши очень плохое. Ему об этом докладывал профессор Умберто Арканджели. А главный чернорубашечник сказал: «Грамши может получить освобождение, если он обратится лично ко мне с просьбой о помиловании и если он откажется от политической борьбы и уедет из Италии в Москву».

Эти слова, конечно, передали Грамши. И думаете, что он ответил? О, Грамши всегда умел хорошо отвечать своим врагам! Грамши ответил: «То, что вы мне предлагаете,— это самоубийство; я не имею ни малейшего намерения кончать самоубийством»... Эти слова быстро облетели тогда все тюрьмы Италии. Это были хорошие, добрые слова. Они укрепляли тех, кто начинал падать духом, вдохновляли тех, кто ослаб в борьбе...

— Вы так много знаете,— уважительно сказал старику Алексей.

Сперри печально улыбнулся:

— Лучше бы мне не знать всего того, что я знаю... Однако слушайте...

Он принялся рассказывать дальше.

Как только Грамши посадили в камеру, пришел старший надзиратель и прибил над его кроватью лист фанеры с надписью: «Свобода, Равенство, Братство». Так смеяться над возвышенными идеалами могли только фашисты!

Однако они умели не только унижать, но и истязать.

Железная койка Грамши опускалась лишь на ночь, а днем можно было или стоять, или сидеть на цементном полу. Два раза в день обследовалась оконная решетка, а камера — ежечасно. Холод пронизывал до костей. Лишь ходьба взад и вперед по камере несколько согревала Грамши. Под окнами в течение всей ночи бегали свирепые псы волчьей породы. Вздумавшего спуститься из окна они растерзали бы в клочья.

Прогулка разрешалась через день на один час, никакие разговоры при этом не допускались. На каждого заключенного перед прогулкой надевали специальный мешок с отверстиями для рта и глаз. В этих нелепых мешках, напоминавших собой колпаки куклуксклановцев, заключенных выводили «подышать свежим воздухом».

Тюрьма не зря считалась могилой. Попасть в зубы «Царицы небесной» означало — погибнуть медленной смертью.

В день, когда умер Грамши, один из заключенных на коробке от сигарет написал:

Ты умер,— пыткой, смертью замучен,
Но твой призыв с тобою не затих.

Твой голос жив. Для нас он снова звучен,
Еще звучней, чем голоса живых!..

Кубышкина и Остапенко взволновал рассказ Сперри.

— Спасибо,— стараясь скрыть волнение, проговорил Алексей.—Спасибо, друг, за все спасибо...

Невольно он окинул камеру внимательным, все запоминающим взглядом.

В ней все было знакомо — любая выбоина на стене, каждая щелочка в столе, каждая щербинка на потускневшем запыленном распятии. Но рассказ старого итальянца заставил Алексея увидеть эту камеру такой, какой она была много лет назад. Вот как, бывает, переплетаются пути людей! И, оказывается, камеры, эти древние молчальницы, тоже говорят. Взволнованно и скорбно рассказывают они о борьбе, которую ведет человечество против всех темных сил на земле...

— Если бы вы раньше нам рассказали об этом,— проговорил Остапенко,— мы держались бы еще бодрее и мужественнее. Мы, конечно, никогда не забудем этой камеры. Не забудем и вас — человека, который знал Грамши и помогал ему...

— Вы тоже смелые люди,— твердо сказал старый итальянец.— Все вы, коммунисты, похожи друг на друга. Вы справедливы и сильны...— Он сжал им руки.

— А вы... вы нам ничего не расскажете о себе? — неожиданно спросил Алексей.— Ведь вы для нас делали так много, что об этом никак нельзя забыть! Должны же мы знать, кто помог нам остаться в живых.

Сперри смущенно кашлянул.

— У нас мало времени. Да и в моей жизни нет ничего интересного...

— Неправда!— горячо возразил Алексей.

— Ну уж разве коротко...— Сперри помолчал, собираясь с мыслями, потом не спеша начал новый рассказ.

ЖИЗНЬ ЗОВЕТ К БОРЬБЕ

Отец Сперри, потомственный металлист, работал на одном из заводов Рима. В доме у них никогда не было достатка: семья состояла из пяти человек, а работал только один. Анджело был вторым ребенком в семье. Он рос хрупким и нежным, малейшее препятствие вызывало в нем чувство страха. Джулио, старший брат, посмеивался:

— В кого ты у нас уродился такой? Ни рыба, ни мясо... Да и имя-то у тебя такое — Анджело — «Ангел»...

У Джулио-то характер был другой — волевой, решительный. Этот парень никому не позволял обижать себя.

Мать умерла при последних родах, оставив девочку. Убитый горем отец собирал по соседям гроши на гроб и белый коленкор.

И понял тогда Анджело Сперри, почему отец протягивает иссохшие, со вздутыми синими жилами руки к немому, бессильному и ненужному распятию...

Анджело было двадцать лет, когда разразилась первая мировая война. С продуктами стало совсем плохо, и девочка, лишенная материнского молока, скоро умерла.

Джулио призвали в армию, и в доме Сперри стало совсем уныло. Сначала Джулио регулярно присылал домой письма, потом вдруг замолчал. Через полгода пришло извещение о его смерти. Пришло и письмо от его товарища, в котором тот писал, что Джулио погиб на юго-западном фронте.

Анджело работал на заводе. Там он встретил девушку по имени Мара, о которой говорили, что природа таких красавиц вторично не создает.

Ясными теплыми вечерами приходили они на берег Тибра. Анджело играл на гитаре и потихоньку напевал. Мара обычно сидела, обхватив колени руками, и неподвижно глядела в мутные воды Тибра.

— Анджело,— обращалась она иногда к нему,— когда мы пойдем с тобой в кино?

Анджело сдержанно вздыхал. С его заработком, которого едва хватало на хлеб, только и ходить в кино...

А иногда девушка вдруг спросит:

— Анджело, неужели ты всю жизнь так и будешь только рабочим?

Анджело пожимал плечами:

— Мой отец всю жизнь работает металлистом и гордится этим...

Мара, неопределенно хмыкнув, умолкала.

Анджело чувствовал, что девушке надоело жить в нищете, она тянется к богатству, к роскоши.

И случилось то, чего он тайно боялся.

Однажды, когда он возвращался с работы усталый и озабоченный,— отец заболел и не вышел на работу, надо было вызывать на дом врача, а денег не было,— он заметил, как в конце улицы его Мару догнал автомобиль-люкс «Альфа-Ромео». Кто-то открыл дверцу и заговорил с девушкой. Вероятно, предлагали подвезти. И пока Анджело с раскрытым ртом стоял и ждал, что будет дальше, Мара уже села в машину...

С тех пор она больше не приходила на берег Тибра.

Анджело затосковал. А тут еще со здоровьем отца стало совсем плохо. Анджело выбивался из сил, чтобы побольше заработать на еду и на лекарства отцу, который теперь совсем не вставал с койки.

В один из весенних дней 1923 года отца не стало. Анджело остался совсем один. Отчаяние захлестнуло его. Растерянный, подавленный горем, ходил он в эти дни по улицам города и боялся прийти домой — в эту холодную, наполненную равнодушным молчанием комнату, где каждый раз его охватывало суеверное чувство страха.

Постепенно, правда, Анджело начал привыкать к своему одиночеству и, возможно, успокоился бы, если б одним летним вечером не повстречал Мару.

Сначала он видел, как к дому, где жила она, подъехала серо-зеленая машина. Потом из нее вышла Мара. Кровь бросилась в лицо Анджело. Что же он стоит, почему не бежит к ней навстречу? Почему не напомнит ей о клятве верности, которую она давала ему? Покажи хоть раз в жизни, Анджело, способность бороться за свое счастье! Анджело рванулся вперед.

— Мара!

Она обернулась.

— Ты?..— удивленно и в то же время равнодушно спросила она.

— Мара!— не обращая внимания на ее тон, горячо заговорил Анджело.— Мара, милая! Я тебя не видел так давно! Почему ты не приходишь ко мне? Может, я обидел тебя?

Мара как будто колебалась...

В это время отъехавшая машина дала задний ход, поравнялась с ними, и из нее высунулся незнакомый мужчина с холеным свежевыбритым лицом.

— Мара, что случилось?— недовольно спросил он, не обращая внимания на Анджело.— Ты же торопилась домой!

Анджело зло поглядел на него. Так вот он, соперник, который перехватил его счастье! Он вдруг решился на отчаянный шаг.

— Мы, кажется, вас не звали,— сухо сказал он.— Можете ехать, путь открыт!

— Что-о? — дверцы машины резко распахнулись, и мужчина выскочил из машины.— Что ты сказал? А ну, повтори!

Анджело побледнел.

— Я сказал, чтобы вы катились отсюда ко всем чертям! Вас, кажется, никто не...

Он не успел договорить: мужчина резко ударил его по лицу.

— Что вы делаете, Джакомо! — испуганно вскрикнула Мара, стараясь встать между ними.— Прекратите сейчас же! Иначе я закричу...

Мужчина стоял и ждал, что будет дальше. А Анджело провел по лицу рукой, словно стараясь стереть с него пощечину, потом повернулся, и ни слова не говоря, медленно побрел домой. Нет, он не был, конечно, борцом... Одной пощечины хватило, чтобы остудить весь его жар, весь пыл...

Дома Анджело, не раздеваясь, упал на койку и пролежал без движения несколько часов...

А в это время по притихшим переулкам «вечного города» осторожно пробирался человек. Серое пальто и широкая шляпа скрывали его военную выправку. Встречая патруль рослых карабинеров, он тихо называл пароль: «Поход на Рим». Ему отвечали: «Поход на мир» — и скороговоркой добавляли: «Идите, вы свободны»». Так он добрался до дома № 7 по улице Анунцио, поднялся на третий этаж и подошел к знакомой с детства квартире...

Была глубокая ночь. Анджело вдруг показалось, что кто-то тихонько стучится в дверь. Он оторвал от подушки голову. Стук повторился, такой же тихий и осторожный. Кто это мог стучать? Мысли Анджело лихорадочно заработали. В душе проснулась отчаянная надежда: а вдруг это Мара? Что, если это его милая? Быть может, она поняла, как низко вел себя ее новый знакомый, и пришла

просить у Анджело прощения? Быть может, счастье снова вернулось к нему!?

Анджело зажег свет и рванулся к двери. Перед ним выросла фигура незнакомого человека. Анджело вгляделся... и чуть не вскрикнул от удивления. Побелевшими губами он тихо произнес...

— Джулио?

— Ну конечно же, я! — засмеялся брат, сбрасывая с плеч вещевой мешок.— Я, Анджело, дорогой мой, я самый!

Анджело попятился к стене.

— Не бойся, я не привидение! — снова рассмеялся Джулио.— Рано меня похоронили, я еще поживу, мы еще...

Анджело не дал ему договорить, он кинулся брату на шею...

— А где отец? — с беспокойством спросил Джулио.

— Умер. Несколько месяцев назад.

Джулио тяжело вздохнул. Наступило молчание.

— Похоронная на меня была? — спросил, наконец, Джулио.

— Была.

— Хорошо!..

Анджело удивленно поднял глаза.

— Хорошо, Анджело, хорошо,— подтвердил Джулио.— Пускай все думают, что меня не существует... Жить я все равно буду на нелегальном положении, под новым именем. Запомни — меня зовут Джорджо Пасторе.

— Но почему?— Анджело ничего не понимал.

— Почему?— Джулио нахмурил брови.— Потому что Муссолини пришел к власти... А таких,

как я, он не любит... Разве ты не знаешь, что на теле трудовой Италии звенят уже кандалы фашизма, а средневековые монастыри превращаются в тюрьмы?.. Разве ты не знаешь, что даже матери, приходя по субботам на могилы расстрелянных сыновей, плачут молча, без слов, ибо незримый, всеведущий карабинер ходит по их пятам?.. Разве ты не знаешь, что фашисты в черных рубашках с белыми черепами на груди во все горло орут свою песню: «К оружию, фашисты, умрут пусть коммунисты»? Но ты не вешай носа! Народ Италии еще не весь поставлен на колени... Лучше покорми меня, я голоден, как черт!

Скоро они сидели за столом, и Джулио рассказывал брату свою историю.

Полк, в котором служил Джулио, воевал против австрийцев. Очень быстро Джулио понял бессмысленность жестокой бойни, каждый день уносившей сотни людей. Ему и его товарищам не за что было воевать. В одном из боев их рота попала в плен. А в конце 1917 года Джулио вместе с несколькими товарищами был зачислен в австрийскую армию и направлен на Украину — на подавление молодой Советской Республики. Если против австрийцев Джулио кое-как воевал, то выступать в роли палача русских рабочих и крестьян, взявших власть в свои руки, ему совсем не хотелось. К этому времени он уже начал понимать, что такое солидарность пролетариев.

Однажды в его руки попала советская листовка. Она окончательно решила его судьбу. Листовка была со статьей Ленина «Социалистическое отечество в опасности!» Он прочитал ее и передал то-

варищам. В ту же ночь в роте начался обыск — искали «крамольные листки», подброшенные большевиками,— и Джулио, поняв, чем это для него пахнет, бежал и сдался в плен красным. Потом он вместе с венгерскими коммунистами проводил агитацию в тылу белогвардейцев в России, в городе Самаре, освобождал Поволжье.

В Италию он прибыл коммунистом, в ряды РКП(б) он вступил в Симбирске. В своем заявлении Джулио писал: «В ответ на покушение врагов народа на дорогую всем пролетариям мира жизнь В. И. Ленина прошу принять меня в партию большевиков»...

В городе Оренбурге он познакомился со своим прославленным земляком — командиром Красной Армии Джованни Штиксом. Воюя в одном интернациональном батальоне, они уничтожали белые банды в Приуралье. В 1922 году Джованни Штикс выехал на Родину, а вслед за ним, годом позже, выехал и Джулио. И вот теперь он на родной земле...

— Что же ты думаешь делать?— задумчиво спросил Анджело, выслушав рассказ брата.

— То же самое, что делали русские у себя в России,— спокойно ответил Джулио.— Бороться!..

С этого дня у Джулио началась полная опасностей и лишений нелегальная жизнь. С Анджело они виделись редко: ищейки Муссолини рыскали всюду.

Однажды Джулио пришел к брату поздней ночью.

— Анджело, есть очень важный разговор.— Джулио пристально посмотрел в глаза брату.— Вот что, Анджело... не сможешь ли ты оказать нам

одну очень важную услугу? Подумай хорошенько! Мы, конечно, никого не принуждаем...

Анджело широко открытыми глазами глядел на брата и ждал, что тот скажет.

А Джулио продолжал:

— Итальянские тюрьмы заполнены коммунистами... Необходимо иметь там своих людей... Ты понял меня?

— Не совсем...— растерянно ответил Анджело.

— Ты должен бросить работу на заводе и устроиться надзирателем в Реджина Чели. Партии нужен надежный связной...

Анджело вытер холодный пот со лба. Он никогда не был борцом, никогда не лез в драку, а теперь ему, кажется, предлагают партийное задание...

— Многого мы от тебя не потребуем,— как бы угадав причину его замешательства, продолжал Джулио.— Итак, подумай хорошенько, через несколько дней я приду за ответом...

Анджело молчал. И вдруг в душе его проснулись все молча перенесенные обиды, вспомнилась пощечина, полученная, как он потом узнал, от сына фабриканта, вспомнились унижения, испытанные на заводе, гроши, получаемые за целый день работы, насмешки мастеров и скудные, почти нищенские обеды...

Через несколько дней Анджело, побрякивая связками ключей, ходил по коридору вдоль мрачных камер Реджина Чели.

Так он примкнул к тем, кто боролся за свободу и счастье людей.

С виду это был прежний, немного флегматичный Анджело. Никто бы и не подумал, что именно он

выносит важные сведения из тюрьмы, что это он сумел облегчить участь многих узников-коммунистов, что сотни политических заключенных навек остались благодарны ему за помощь и участие...

— А работы было много,— рассказывал Анджело Сперри.— Со всех уголков земного шара пробивались в нашу тюрьму бодрые товарищеские письма. Я не раз видел, как за решетками загорались радостные глаза, читая желанные строчки. С трудом приходилось иногда доставлять письма и особенно те, которые приходили из России...

В день похорон Ленина заключенные выпустили рукописный журнал: «Дело его не умрет». Он тайно переходил из камеры в камеру. А потом ежегодно отмечали день смерти Ленина. В пять часов пятьдесят пять минут дня из камеры в камеру стуками в стену передавалось: «Встанем, товарищи! Наступает годовщина смерти Ленина».

И камеры оживали. Под тяжелыми сводами Реджина Чели раздавались волнующие слова песни: «Замучен тяжелой неволей». Так могли петь лишь те, кто в борьбе за дело великого Ленина пошли на все: на заключение, на пытки, на самую смерть...

Многие коммунисты в тюрьме изучали русский язык. А это было строго запрещено. Как только администрация узнавала, что тот или иной заключенный изучает русский язык, его тут же сажали в карцер и приковывали толстой цепью к стене на целую неделю.

Не раз Анджело приносил в камеры итало-русские словари.

— А мне еще сам Грамши говорил: «Изучай,

Сперри, русский язык. Когда-нибудь пригодится»... И вот, как видите, пригодился...

Сперри закончил рассказ.

— А что стало с вашим братом?— спросил Алексей.— Где он теперь?

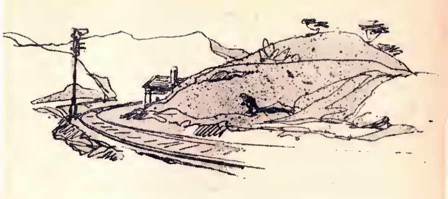
— Что с ним стало?— медленно переспросил Сперри.— Когда началась гражданская война в Испании, он уехал туда. И не вернулся... Не каждому суждено выходить из боя живым... Погиб под Барселоной... Он был комиссаром батальона в бригаде кубинца де ля Ториента. Похоронили его с почестями, которые он заслужил. В тот день в Барселоне нельзя было купить цветов, все они были принесены на городское кладбище и возложены на могилу Джулио Сперри.

Алексей и Остапенко стояли молча.

Очень верно сказал итальянец. Не всем дано уцелеть в смертельной схватке с врагом. Их бой тоже еще не кончен. Как знать, выйдут ли они из него живыми и невредимыми?..

Сперри поднялся и усталой походкой направился к выходу. У двери он остановился и, стиснув руку Алексея, сказал:

— Будете живы, положите эту гвоздику к изголовью Владимира Ильича. От нашей Италии...— И Сперри сунул в карман Алексея маленький конвертик с красным цветком.

СНОВА ПОБЕГ

Над ними было ночное небо. Облака, раскинувшись, словно серые овчины, медленно проплывали с запада на восток и там терялись за горными вершинами, плотно покрытыми полуночной дымкой. Воздух был напоен весенним ароматом. Чувствовалось дыхание близкой грозы. Тюремные фонари, тихо покачиваясь на ветру, посылали туманно-дымный свет на узкую каменную полосу двора. Лишь из караульного помещения, где сидела охрана, светила большая яркая лампочка. Немецкие солдаты играли в карты и о чем-то спорили.

В темном углу тюремной ограды стояла крытая брезентом машина. В ней сидело человек десять заключенных. Как только Сперри подвел Николая и Алексея к машине, воздух прорезал высокий, ре-

жущий звук тюремного звонка. Это был сигнал к началу вечерней поверки. В здании тюрьмы поднялся невообразимый шум: поворачивались автоматические замки, распахивались двери камер, заключенные бежали по коридорам, надзиратели выкрикивали команду: «Стройся!».

Во время этого шума шофер завел мотор и тихо подъехал к воротам. Николай и Алексей уже сидели в машине. Открылись ворота, и машина пошла на юг, дальше от Рима.

Алексей окинул прощальным взглядом стены тюрьмы. В темноте она напоминала ему огромную жабу, в предсмертной агонии вцепившуюся в тибрскую набережную. «Много слез пролито за ее стенами,— думал он,— много раздавалось стонов, были муки, было отчаяние. Но все-таки намного больше было мужества и бесстрашия»...

Через два часа машина подъехала к небольшому концлагерю. Военнопленные из этого лагеря рыли для немцев запасные траншеи и блиндажи.

...А союзники с каждым днем все ближе подходили к Риму. Был конец мая.

Однажды Алексея и Николая послали на машине с палатками и продуктами. Въехали в лес. Конвой приказал разгружать машину и ставить палатки. Проработав весь день, Алексей и Николай упали вечером на траву, как убитые. Возле палаток ходил немецкий часовой с автоматом.

— Сейчас или никогда,— прошептал Алексей своему другу, плотно прижимаясь к земле, как будто набираясь от нее сил для решительного шага.

— Сейчас,— так же шепотом ответил Николай,

и Кубышкин успел увидеть, как лихорадочно и отчаянно сверкнули глаза товарища.

Вот немец скрылся за палатками. Они вскочили и побежали в глубину леса. И вдруг у крайней палатки налетели на кучу хвороста. Затрещали сухие ветки. Немец, не ожидавший такой дерзости, на секунду опешил. И эта растерянность спасла беглецам жизнь.

Когда часовой пришел в себя и открыл огонь, Алексей и Николай уже были в самой гуще леса. Немец пускал наугад в темноту короткие автоматные очереди. Возле самой щеки Алексея пропела пуля. Кубышкин бросился на землю и пополз. То же сделал и Остапенко. Но пополз он, видимо, в другую сторону.

Минут через пять Кубышкин на миг остановился, подождал, не покажется ли Остапенко... В темноте они потеряли друг друга, автоматные очереди разделили их. А кричать было нельзя.

Часовой очумело бегал по лесу. Как назло подъехала машина с солдатами. Алексей то полз, то бежал, прячась меж стволов. Вскоре взошла луна, и лес стал светло-полосатым от теней. Алексей вдыхал теплый запах ночной земли и думал: «Снова я на свободе»...

Несколько часов плутал он по лесу. Место было ему незнакомо.

Выйдя к железной дороге, Алексей пошел вдоль полотна. У поворота заметил: что-то чернеет впереди. Подошел — это был домик стрелочника. В окнах было темно. Алексей осторожно подкрался к домику, прислушался. Ни звука. Тихо-тихо постучал в дверь. Никто не отозвался. Он постучал

вновь... Послышались шаркающие шаги и стук отодвигаемого засова. Вышла пожилая черноволосая женщина с бронзовым светильником в руке, громко откашлялась, спросила с тревогой:

— Что надо?

— Руссо,— ответил Алексей.

— Кто? — В голосе прозвучало изумление.

— Руссо! — повторил Алексей.

Женщина поднесла светильник ближе к его лицу, внимательно вгляделась и посторонилась, впуская незнакомца в комнату. Дрожащими руками она зажгла свет. Тусклая лампочка без абажура выхватила из темноты небольшой круг в центре комнаты и статую Минервы, покровительницы дома. На стене — зеркало, календарь на деревянной пластинке, расписанный поблекшими от времени красками. От земляного пола веяло сыроватой прохладой.

На кровати сидел старый итальянец с лицом, как из бронзы, и немигающими тускловатыми глазами глядел на гостя. Борода, закрывавшая всю грудь, была белая, как утренний снег на вершине горных высот. Вытертый до блеска, наверное, единственный, костюм подчеркивал бледность его лица. Он дожевал кусок сухой ослиной колбасы, запил водой из глиняной чаши, потер о брюки угловатые коричневые руки и зажег окурок дешевой сигареты «Национале».

— Как зовут тебя, руссо?

— Алексей.

— Алессио,— кивнул итальянец.— А сына моего зовут Альберто. Он тоже в партизанском отряде. Недавно заглядывал к нам, оставил автомат

своего друга. Убили его... Автомат ты возьми. Без оружия идти опасно.

Старуха тем временем собрала на стол, налила стакан виноградного вина.

— Спасибо!..

Старик, по-видимому, был доволен своей долгой жизнью. Ему уже было далеко за шестьдесят, старому Джузеппе. Его отец когда-то сражался вместе с Гарибальди, в честь которого и дал имя своему единственному сыну — Джузеппе.

— Мой отец, вспоминал старик,— до самой своей смерти не переставал рассказывать о русских гарибальдийцах... Был один.— Отец о нем говорил очень тепло. Ваш великий хирург... Сейчас вспомню... Пирокоф!.. С ним отец встречался в Специи, в шестьдесят втором году. В том веке, конечно. Пирокоф приезжал лечить Гарибальди после тяжелого ранения. И если бы тогда не он, ваш Пирокоф, то Гарибальди остался бы без ноги.

Алексей понял, что речь идет о Пирогове.

Теперь он решил ничего не скрывать. За время, пока Алексей находился на итальянской земле, он сумел близко узнать простых итальянцев. И Алексей рассказал, как он бежал от фашистов.

— Хорошо, сынок, хорошо,— проговорил старик.— Иди на чердак. Там в углу, под корзиной, есть автомат. Он и Минерва спасут тебя...

Алексей торопливо поднялся на чердак и начал шарить... Нашел.

Вдруг где-то близко послышалась песня. Алексей пытался разобрать слова: они не были похожи на итальянские. «Значит, немцы. Как они тут очутились? Сколько их?» Алексей хотел выскочить во

двор, но поспешно поднявшийся на чердак старик удержал его:

— Не успеешь. Они уже рядом. Заметят. Сиди здесь.— А сам начал спускаться.

Тут же в дверь дома нетерпеливо постучали. Послышались пьяные голоса немцев.

Хозяева испуганно попрятались по углам. Стук повторился. Немцы собирались взломать дверь прикладами. Женщина, дрожа от страха, открыла дверь.

Немцы требовали вина и закуски, а когда узнали, что вина нет, стали избивать старика... Потом они вышли на железнодорожное полотно и принялись петь. Слушая их голоса, Алексей думал о том, что поют они, как и все люди на земле, а вот откуда у них столько ненависти к другим народам, столько жажды к убийству?..

Было светло. Луна заливала все вокруг серебром. Алексей отчетливо видел три фигуры. Он крепче сжал автомат и произнес беззвучно, одними губами: «Это вам за смерть Галафати!»... Раздалась короткая очередь. Алексей услышал крики и стоны. Все трое упали.

Алексей быстро слез с чердака. Сердце у него учащенно билось. Ему казалось, что он еще слышит предсмертные хрипы гитлеровцев.

— Беги скорее,— старик с трудом пошевелил слипшимися губами.— Беги, сынок. В городе Фраскати — американцы.

«Откуда там взялись американцы? — подумал Алексей.— Ведь только что там находился главный штаб немецких войск. Но раз старик сказал, значит, знает»...

14 Аф. Кузнецов

— Как хорошо, что во Фраскати нет немцев,— продолжал старик,— как хорошо, что они больше не топчут кипарисовые аллеи и сосновые рощицы. А ведь по ним когда-то ходил сам Цицерон. Он жил в Тускулуме. Это на вершине Тускуланской горы. Чуть повыше Фраскати. Там и поныне остатки стен его виллы... Да что об этом говорить...

Старик хотел еще что-то сказать, но заторопился:

— Прощай, сынок, не слушай мои рассказы... Тебе надо во Фраскати.

Старуха дала Алексею на дорогу лепешек из каштановой муки и уговорила выпить немного вина. Она поделилась последним, что было в их доме.

Выйдя из дома, Алексей подошел к убитым. На воротниках у них виднелись нашивки «СС». Это были солдаты из бронетанковой дивизии «Герман Геринг». «Надо убрать их,— решил он,— а то эсэсовцы подумают, что их убил старик».

Алексей оттащил трупы под откос железной дороги и забросал сухим хворостом и травой. Он быстро зашагал по направлению к городу, временами огибая небольшие горки, покрытые густыми зарослями пиний, олив и виноградников.

Наступило утро. Кубышкин поглядывал на бледные утренние звезды, на светлеющее небо и невольно вспомнил такое же небо под Псковом, когда увозили его оттуда в Италию. И вдруг он увидел падающую звезду вблизи Большой Медведицы и загадал. Вышло, что его желание — вернуться на Родину — исполнится.

Было тихо. Только кузнечики по обочинам пыль-

ной дороги тянули трескучую монотонную песню. Где-то за этой уходящей ночью была Россия, и там жили мать, отец, Маша, братья и сестры. Алексей шел и думал: «Когда же, наконец, увижу я свое родное небо, родную землю, близких людей?.. Может, кто-нибудь из них шагает вот так же сегодня — только по родной земле и так же смотрит на Млечный Путь и видит те же падающие звезды»...

...Англо-американские союзники не торопились наступать на Итальянском фронте. Это давало Гитлеру возможность перебрасывать часть своих войск из Северной Италии на Восточный фронт.

Только в первых числах июня 1944 года союзники активизировали наступательные операции в Италии.

На окраине Фраскати, только что освобожденного союзниками, Алексей впервые в своей жизни увидел американцев и закричал, размахивая автоматом:

— Друзья, я ваш союзник! Я русский... русский... руссо!..

Заметив Алексея, американские танкисты оставили машины и подошли к нему.

«Наконец-то свобода! — подумал Алексей.— Наконец-то можно возвратиться на Родину и сражаться в своей армии»...

Но... почему это американцы, окружив его, вырвали из рук автомат и разбивают его о гусеницу танка? И почему офицер, к которому он обратился, демонстративно отвернулся в сторону.

К Алексею подошел сержант и обшарил карманы. Вот в руках у него оказался маленький кон-

вертик. Сержант прищурился, начал надрывать конверт, но Алексей с силой вырвал его.

Их глаза встретились.

— Это Ленин! — твердо сказал Алексей.

Но сержант... Что такое? Неужели не понял? Он резко ударил Алексея автоматом по руке, и конвертик упал.

Алексей был ошеломлен. Он смотрел, как сержант разорвал конверт, как бросил на землю красную гвоздику и растоптал ее грязным ботинком.

— О'кей! — одобрительно крикнул офицер.

Алексей рванулся, но кругом стояли солдаты с автоматами и туповато улыбались.

Почему американцы берут Алексея под стражу и, не слушая никаких объяснений, ведут в комендатуру?

Она размещалась в разбитой вилле Фальконьери, где совсем недавно жили и работали немецкие офицеры.

Примечательна ее история. Построенная в XVII веке, она в двадцатом была куплена банкиром Мендельсоном и... подарена германскому императору Вильгельму Второму. А тот создал в ней благотворительный институт для художников, писателей, композиторов и... отставных офицеров, ищущих развлечений. Конечно, это были такие писатели и такие художники, которые верой и правдой служили кайзеру. А отставные офицеры ехали сюда не только и не столько отдыхать: почти все они имели поручения немецкой разведки.

Рассказывают, что когда встал вопрос о том, где разместить штаб немецких войск в Италии, Кессельринг сказал:

— Разместите на вилле императора Вильгельма. Бывает, что и стены помогают. Если, конечно, эти стены свои...

Подходя к вилле, Алексей заметил на огромном камне две надписи, которые его несказанно обрадовали: «Эввива ла Руссия» («Да здравствует Россия!») и «Эввива ла паче ин тутто иль мондо!» («Да здравствует мир во всем мире!»)

«Да! Это, конечно, написали не американцы,— решил Алексей,— это голос простых итальянцев, они больше, чем союзники, желают нам победы»...

Алексея привели в огромный кабинет, украшенный фресками. Паркет был покрыт каким-то особым лаком и, как зеркало, отражал солнечные лучи, падавшие в комнату через высокие узкие окна. За длинным столом, развалившись в старинном резном кресле, сидел американский капитан. Он был среднего роста, широкоплечий, с бритой головой. На столе перед ним стоял белый телефон.

Стену, у которой сидел капитан, украшала картина «Бой быков в Севилье». В углу, на маленьком круглом столике, стоял бюст Гитлера. Американцы не потрудились убрать его.

Капитан, выслушав рассказ Алексея, пожал плечами и сказал:

— Наше командование предлагает вам поступить на службу в американский флот. Вам будут хорошо платить, а после войны будете жить в любом городе Америки...

— Нет! — ответил Алексей.— Я хочу сражаться только в рядах своей армии.

Поднявшись, капитан неторопливо прошелся по

кабинету и, наконец, не выпуская изо рта потухшей сигареты, сказал:

— Вы будете об этом жалеть...

Алексей метнул на него лишь один взгляд, но такой выразительный, что капитан понял: с этим русским не договоришься.

Напрасно Алексей еще раз повторил: «Я русский партизан, воевал против фашистов, отправьте на Родину»...

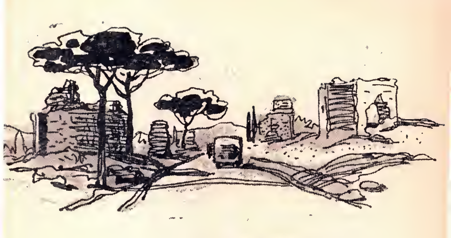
В комнату вошли два солдата. На них было новое обмундирование. Они лениво жевали резинку. Один из них подал капитану бутылку виски.

— Отведите! — приказал капитан.

Когда солдаты повели Алексея, он посмотрел на картину и подумал: «Уперся, как этот бык на картине, и никак не хочет понять, что я Родиной не торгую»...

Сначала Алексей не хотел верить случившемуся. Но когда его отвели в казарму и поместили... с пленными немцами, он чуть не застонал от боли. Неужели этот американский капитан, всячески подчеркивавший свою человечность (он услужливо подставил Алексею стул, угощал сигаретами), неужели он не мог разглядеть в нем настоящего русского парня! Нет, это была просто хорошо продуманная, жестокая насмешка...

Она была тем более горькой, что шестого июня радио сообщило об открытии второго фронта. «Теперь уже скоро конец,— подумал о войне Алексей,— а я вновь в плену, да еще у кого? У своих союзников!»...

ПО АППИЕВОЙ ДОРОГЕ

6 июня 1944 года на пяти «студебеккерах», окрашенных в зеленый цвет, всех военнопленных немцев (а с ними и Кубышкина!) отправили в Рим, а оттуда — в Неаполь.

Было раннее утро. Багровый диск солнца поднимался над вечным городом. Небо было синее, чистое, как свежевымытое стекло. Высоко взлетая ввысь, повисали в воздухе жаворонки. Под восходящим солнцем нежились вечнозеленые пинии, туи, оливковые рощи, миндаль. По обеим сторонам дороги виднелись поля, на которых крестьяне широкими мотыгами взрыхляли подсыхающую землю. С севера возвращались «летающие крепости», посеявшие бомбовой шквал над Миланом.

Машина, в которой ехал Кубышкин, замыкала колонну. За рулем сидел здоровый, высокий негр, до этого служивший, как узнал Кубышкин, шофером в штабе 5-й американской армии. Алексей не знал раньше, что в американской армии проходят службу и негры.

Американские солдаты, которым было поручено охранять военнопленных, ехали на мотоциклах.

«Студебеккеры» то и дело обгоняли идущих по улицам Рима пешеходов, одетых в траур. Те шли молча, целыми семьями: мужчины, женщины, дети и старики. Это были родственники жертв нацистского террора. Они шли на раскопки пещер, в которых несколько месяцев назад были расстреляны сотни жителей Рима. Шли, чтобы отыскать среди погибших дорогих и близких им людей.

В руках они бережно несли портреты патриотов, убитых немцами, венки из живых роз, траурные ленты с надписями. Они шли, чтобы отдать последний долг тем, кто во имя свободы Италии отдал самое дорогое — свою жизнь...

В Ардеатинских пещерах, где лежали трупы патриотов, до взрыва, произведенного немцами, сохранялись надписи, барельефы и живопись древних христиан. В гротах можно было увидеть пальмовую ветвь — знак торжества над земными искушениями, в другом месте был нарисован голубь — символ невинности и чистоты сердца, в третьем — изображение Феникса, эмблемы воскресения из мертвых. Но людям не дано воскресать из мертвых. Все, кто погиб в пещере от пуль фашистов, больше никогда не встанут...

Алексей глядел на людей, идущих в трауре, и

тяжелое, давящее чувство все сильнее овладевало им. Он знал, куда и зачем идут они. Он помнил ту страшную ночь, когда из камер Реджина Чёли одного за другим выволакивали заключенных, чтобы везти их сюда, в Ардеатинские пещеры...

А он, Алексей Кубышкин, который сражался бок о бок с патриотами, делил с ними и радость успеха, и горечь поражения,— он едет теперь в одной машине с теми, кто расстреливал его друзей!

Машина рванулась вперед, обгоняя печальную процессию. Вот «студебеккер» приблизился к головной колонне. И вдруг Алексею показалось... Или он ошибся? Нет, не ошибся!

Среди идущих он ясно разглядел жену Галафати. Она несла его, Алексея Кубышкина, портрет! Рядом с женой Галафати, Идой Ломбарди, шла сестра и несла портрет своего брата.

Кубышкину показалось, что Ида взглянула на него.

У Алексея перехватило дыхание. По телу пробежал озноб. Он перевел взгляд со своего портрета на портрет Галафати, потом на Иду, провел рукой по глазам, словно стараясь согнать с них пелену тумана. Мелькнула мысль: узнала ли его эта женщина?.. Нет, она не могла его узнать! Она не поверила бы тому, что могла увидеть сейчас своими глазами. Она не могла бы заставить себя подумать, что тот русский, который скрывался у них на квартире в ту последнюю, роковую для ее мужа ночь, который нашел в их доме пристанище, оказался вдруг среди убийц ее мужа! Это было бы слишком жестоко!

Горячей ладонью Алексей вытер холодный пот, выступивший на лице.

Траурная процессия осталась позади. В душе Алексея продолжал бушевать вихрь самых противоречивых чувств, и к горлу все время подкатывался горький колючий комок. Перед глазами стояла жена Галафати и эти портреты... Почему же его портрет несут вместе с теми, кто погиб в Ардеатинских пещерах? Ведь он остался жив!..

Алексей еще раз оглянулся назад и вспомнил того русского товарища, которого повели тогда на расстрел вместе с Галафати и другими жителями Рима. Значит, жена Галафати считает, что вместе с ее мужем погиб в ту страшную ночь и Кубышкин...

Городские улицы заметно расширились, и движение ускорилось. Навстречу одна за другой мчались машины. Все они до отказа были набиты американскими солдатами в кожаных куртках и комбинезонах. Солдаты вели себя шумно, оживленно, словно ехали на праздник. Они смеялись, горланили песни, а проезжая мимо пленных, кричали: «Гитлер капут!». Да, они вели себя, как победители. Всем своим видом они показывали, что это они, американские солдаты, смогли победить немцев, это они завоевали победу над германским фашизмом. И теперь они вправе веселиться и принимать дань признания оставшегося в живых человечества.

«Студебеккеры» шли в Неаполь по новой Аппиевой дороге, идущей вдоль побережья, через Альбано, Велетри, Чистерну, Террачину. Временами эта узкая полоска шоссе идет то прямо, как стрела, то вьется по горным склонам. Кое-где вид-

неются высокие пирамиды вырубленного камня, небольшие белые плиты строительного материала. Это дорога — свидетельница боев. Именно здесь, недалеко от нее, происходили недолгие стычки на плацдарме у Анцио. Эти-то стычки союзники и пытались выдать за «решающие», «имеющие большое стратегическое значение»...

В районе города Террачина дорога подходит к широкому простору бирюзового моря. Берег покрыт сыпучим, чистым песком. Бесшумные волны постоянно промывают его, образуя белую полосу прибоя. Виднеются рыбачьи лодки и расставленные в море сети.

Километров за тридцать до Неаполя, у автомашины, на которой ехал Кубышкин, заглох мотор. Пришлось остановиться на окраине какой-то деревушки. Остальные машины ушли вперед.

Была уже глубокая ночь. Бледный молочный свет луны омывал серые стены низких домов и сливался с огнями деревенской тратории, к дверям которой была прибита увядшая ветка оливы — примета итальянского кабачка, таверны.

Военнопленным разрешили сойти с машины. Кубышкин стал наблюдать за негром, копошившимся возле мотора. Американец, ехавший в кабине, перехватил этот взгляд. Он подошел к Алексею, небрежно похлопал его по спине и спросил на ломаном итальянском языке:

— Ты, что разбираешься в моторе?

— Немного,— ответил Алексей.

Американец отошел от Кубышкина и заговорил с немцами. Это был человек мощного телосложения, уже немолодой — в висках густо серебрилась

седина. У него было крупное, резко очерченное лицо с прямым носом, глаза смотрели дружелюбно.

Поговорив с немцами, американец снова подошел к Алексею и коротко спросил:

— Немец?

— Русский,— ответил Алексей.

Брови американца полезли вверх.

— О-о, земляк! — восторженно воскликнул он на чистом русском языке и обнял Кубышкина за плечи.— Черт побери! Вот так встреча!..

— Вы тоже русский? — спросил Алексей.

— Ну да! — Американец вынул пачку сигарет и протянул ее Алексею.— Мой отец жил в России, а теперь мы в Америке...

— Урал! Урал!..— глубоко затягиваясь и выпуская клубы дыма, говорил он.— Черт побери! Как бы я хотел увидеть сейчас русскую природу... Но!.. Конечно, одними русскими березами сыт не будешь, это ясно... Что-то надо еще... Н-да-а!.. Бедная, нищая Россия!..

Алексей хотел возразить, сказать, что Россия давно уже перестала быть нищей, но промолчал.

А «земляк» продолжал:

— Оно, конечно, родная земля, милые сердцу поля, долины, горы... Но жить все-таки надо по-человечески, земляк! Жить надо так, как живут в Америке... Не бывал ни разу? Не приходилось? Э-э, напрасно! Много, много теряешь...

Алексей молчал. В голове его мелькнула мысль: «Родился ты, кажется, в России, а вот русского в тебе ни на грош!».

Скоро машина была исправлена, и они поехали дальше.

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Вскоре Алексея вместе с пленными немцами перевели в окрестности Неаполя. Здесь, в районе монастыря Камальбулов, Алексей снова оказался за колючей проволокой. Только на этот раз — у союзников.

Взяли отпечатки пальцев правой руки, несколько раз фотографировали, заставляли заполнить подробную анкету, на которой сверху была оттиснута надпись: «Вашингтон».

Улицы Неаполя были полны американских солдат и матросов, ко многим из них уже приехали семьи. Лучшие гостиницы и жилые дома были заняты американцами. По улицам с бешеной скоро-

стью проносились их военные машины с белой звездочкой на борту. Повсюду виднелись надписи на английском языке. По набережной небольшими группами шатались пьяные «джи» (так называли итальянцы американских солдат). Здесь они охотно встречались с проститутками и спекулянтами. На дверях некоторых кино и театров появились надписи: «Вход только для военнослужащих союзных войск». В городе начались аресты патриотов, которые вопреки приказам англо-американского командования, взяли в дни оккупации в руки оружие, чтобы расправиться с фашистами...

Четыре месяца Алексей томился за колючей проволокой вместе с гитлеровцами. Эти немецкие вояки, взятые в плен в Италии, не были на Восточном фронте, не нюхали настоящей войны и были до крайности наивны. Как-то толстощекий немец, глуповато моргая белесыми ресницами, спросил Кубышкина:

— Вот ты русский, а почему на твоей голове нет рогов? Я знаю, что у всех русских на голове рога...

Кубышкин пригнулся:

— Пощупай!

Немец протянул было руку, но Алексей так боднул его в живот, что тот отлетел в сторону. Вокруг засмеялись. Кто-то сказал:

— У тебя, Фриц, нет мозгов. Это всем ясно и без осмотра.

Фриц ошалело смотрел на Алексея и ничего не понимал. Ведь ему говорили, что русские когда-то ходили в буденновках только потому, что прикрывали этими шлемами рога!

Сидеть в одной камере с подобными типами было тяжело. Алексей написал несколько протестов на имя англо-американского командования, требуя немедленной отправки в Советский Союз. Но ни англичане, ни американцы не торопились отправлять его на родину, у них были свои планы...

Однажды Кубышкин после обеда курил возле столовой. К нему расслабленной походкой подошел «земляк». В зубах — сигарета.

— Хэлло! Нет ли огонька?

Кубышкин дал прикурить. Уходя, «земляк» сказал:

— Заходи завтра вечером ко мне в автогараж. Поможешь отремонтировать лодочный мотор.

Автогараж располагался здесь же, на территории лагеря. И на другой день Кубышкин отправился туда.

Роберт Гарисон — так звали «земляка»—встретил его как старого знакомого. Угостил гаванской сигарой и принялся расспрашивать о здоровье, о письмах, отправленных в Россию. Потом они вместе пошли ремонтировать лодочный мотор. Гарисон был в коротких штанах и в рубашке с открытым воротом. Цветная ленточка на груди означала, что за службу в отдаленных местах он получил орден.

Ремонт был небольшой. Все это время «земляк» рассказывал о себе. Из его слов Кубышкин узнал, что тот занимается вербовкой рабочей силы для компании «Анаконда», женат на американке, имеет двоих детей. Он рассказал и о том, как стал американцем.

— Мой отец был русским морским офицером. В ноябре двадцатого года на дредноуте «Алек-

сандр III» он бежал из Советской России в Константинополь. Это было в те дни, когда из Крыма уплывала армия барона Врангеля. Пока на улице Рю-де-Пари, центральной улице Константинополя, барон продавал французам угнанные из России военные корабли Черноморского флота, солдаты и офицеры разбегались кто куда... Кто — обратно в Россию, кто — в Болгарию, кто — в Югославию, кто — в Грецию. Отец пристроился на американский транзитный склад. В то время в этот склад по указанию Врангеля было положено на хранение около двух тысяч пудов серебра, золота и драгоценных камней, вывезенных его армией из Новороссийска. Вскоре из Америки пришел специальный пароход. Он взял на свой борт большую часть этих ценностей. Прихватили и моего отца с семьей. Мне было тогда пятнадцать лет. Все помнится смутно...

Алексей уже собирался уходить из гаража, когда Гарисон протянул ему пачку сигарет и банку консервированной колбасы. И тут же как бы между прочим спросил:

— Если будут спрашивать — куда поедешь?

Кубышкин удивленно поднял брови:

— То есть, как — куда? В Советский Союз, в Россию! Куда же еще?

«Земляк» поморщился.

— Россия!.. Я, конечно, понимаю тебя. Но вот я живу без родины и, как видишь, не умираю. Почему и тебе не поехать в Америку вместе со мной? Жалеть не будешь.

Алексей молча глядел на него. Как мог понять настоящего русского человека этот космополит!

— А собственно, почему ваша компания называется «Анакондой»? — спросил Алексей.— Ведь анаконда — это огромный удав.

— Потому, что наша компания оборотисто проглатывает своих конкурентов,— улыбнувшись, ответил Гарисон.— Поедешь со мной — увидишь, как это делается... Американские девушки не хуже русских — женишься, купишь домик в рассрочку, станешь хорошо зарабатывать. Потом ты не забывай о своем положении: ты сдался в плен фашистам. А в России расстреливают даже родственников военнопленных. Так что матери твоей давно нет в живых. И только ты вернешься домой — тебя сразу же поставят к стенке. А в Америке ты будешь свободным гражданином...

Подавая на прощанье руку, он сказал:

— Подумай! Не торопись с отказом. Через недельку встретимся снова, поговорим. Я познакомлю тебя с интересными людьми, не будешь жалеть. Гуд бай!

Прошла неделя. Они встретились снова.

Роберт Гарисон был немножко пьян.

— У нас в гараже,— начал он,— есть люди религиозных взглядов. Зовут их «свидетели бога Иеговы». Хочешь, познакомлю? А может, ты слышал другое название — «исследователи библии»?

— Никогда не интересовался богом,— засмеялся Кубышкин.

— Это плохо, — серьезно возразил Гарисон.— У нас есть даже свои журналы: «Башня стражи» и «Информатор». Читать их интересно. Ты бы мог узнать истину...

— Истину я знаю и без библии.

— Напрасно! — Гарисон казался обиженным.— Там ты мог бы узнать, в какую страну надо ехать. Мы, «исследователи библии», знаем, какая участь ждет людей в будущем. Сказано, что все государства на земле созданы сатаной. Все они должны погибнуть...

— Так куда же тогда ехать, чтобы спастись? — иронически улыбнулся Кубышкин.

— Наш руководитель Иосиф Рутерфорд рассказывал, что у него есть данные: Иегова простил одно государство и объявил его богоизбранным местом. Это Америка...

— Я русский и поеду только в Россию,— накаляясь, глухо ответил Алексей; его раздражал назойливый «земляк».— Есть вещи, которые нельзя купить даже на американские доллары... А что касается репрессий, о которых ты болтал, то это вымысел. Я поеду на Родину, не тая камня за пазухой. Предателем я не был, и мне нечего бояться...

Получив отповедь, Гарисон несколько скис, нервно закурил и пожаловался на головную боль.

— Я сегодня чертовски устал, вчера хватил лишнего... Ну, ладно. Пусть все сказанное останется между нами. Мне ведь тоже жить надо...

Кубышкин ушел, а Гарисон больше его ни разу не приглашал...

Но вот, наконец, настал день, когда Алексея перевели в другой лагерь. Здесь уже не было немцев, здесь звучала лишь русская, французская, польская, чешская, бельгийская, норвежская речь. Но условия лагерной жизни были прежние: опять колючая проволока, тот же режим, такие же допросы. Однако, несмотря на это, вечерами, ког-

да Неаполь горел тысячами огней, заключенные пели песню за песней: «Болотные солдаты», «Бандьера росса», «Варшавянку» и, стоя,— «Интернационал». Это были вечера нерушимой человеческой любви и дружбы.

Американская администрация не теряла времени даром. Почти каждый день в лагере появлялись какие-то новые личности, военные и штатские. Бывших военнопленных вызывали на доверительные беседы, сдобренные бутылками виски и сигаретами «Честерфилд». Содержание бесед было трафаретным: янки уговаривали русских, чехов, поляков, югославов не возвращаться в свои страны.

Однажды вечером Алексей вернулся в свою палатку и обнаружил на подушке библию на русском языке. В красиво изданную книгу было вложено штук двадцать открыток, на все лады восхвалявших американский образ жизни. На них были изображены и небоскребы Нью-Йорка, и красоты курортных мест Флориды, и прерии Техаса, и Ниагарский водопад. Эти приторно слащавые пейзажи Алексей еще кое-как выносил, но когда увидел на одной открытке благоденствующую и процветающую негритянскую семью, он не выдержал и сказал соседу по нарам чеху Гжибалу:

— Хоть бы врали, да знали меру!

По вечерам на открытой площадке раздавался стрекот проекционного киноаппарата. В ушах стоял звон от оглушительной джазовой музыки, и на экране появлялись либо ковбои, которые ухитрялись стрелять из кольтов даже во время обеда, либо гангстеры с квадратными подбородками. Полураздетые и раздетые женщины, омерзительные

подробности любовной жизни героев, бессмысленный садизм гангстеров и убийц, душераздирающие вопли и перекошенные, изуродованные лица страдающих людей — все это подносилось бывшим военнопленным в качестве рекламы «свободной Америки».

Иногда «боевики» рассказывали о трогательной истории маленького чистильщика сапог, который, благодаря своей деловитости, смог стать одним из боссов Уолл-Стрита...

Живая натура Алексея не терпела безделья. Со своими новыми друзьями по лагерю он решил пощекотать нервы американцам. Кто-то предложил:

— Надо рассказать итальянцам, как мы живем. Давайте напишем письма!

— Но как передать их? Ведь итальянцев и близко к лагерю не подпускают!

— А мы запустим воздушного змея! — озорно предложил Алексей.

Эта мысль всем понравилась. Товарищи раздобыли бумагу и клей. Алексей принялся мастерить змея, другие сели за письма. Прошло два дня. Змей был готов. Он отлично просох, в нем поместилось около сотни листовок, где рассказывалось, что русские военнопленные воевали в Италии против фашизма, а сейчас, вместо того, чтобы ехать на Родину, сидят у союзников за колючей проволокой.

Теперь ждали хорошего ветра. И вот как-то утром он разыгрался. Алексей, вложив письма, запустил змея. Он быстро поднимался все выше и выше. Сначала американцы не обратили на змея

внимания, решили, что военнопленные просто забавляются.

— Почему же письма не вылетают? — забеспокоились товарищи.

— Все будет, как надо,— улыбнулся Алексей и дернул за нитку.

Белые листики, как голуби, рассыпались во все стороны и, подхваченные ветром, полетели далеко за лагерь. Дружное русское «ура» потрясло воздух. Раздались автоматные очереди. Это американцы стреляли по воздушному змею. А он взмывал все выше и выше, выпуская новые листки туда — на волю...

Вскоре на перекрестках дорог, на зданиях, на машинах итальянцы вывесили плакаты: «Эввива ла Руссия!».

На другой день один из американских офицеров объявил, что большая группа военнопленных будет направлена на разгрузку грузового судна. Алексей попал в эту группу.

Затея американцев многим сразу же показалась подозрительной. Судно почему-то стояло не в порту, а маячило на рейде Неаполитанского залива.

Пять небольших катеров сделали несколько рейсов, и вскоре многие военнопленные оказались на борту корабля.

Высокий щеголеватый офицер завел всех военнопленных в трюм, немножко позубоскалил на ломаном итальянском языке, а потом поспешно полез на палубу и хлопнул крышкой люка.

Чех Гжибал опомнился первым. Он подбежал к люку и попробовал поднять его. Куда там! Люк

был задраен наглухо. А с палубы доносился смех американцев.

Военнопленных охватила ярость. Они колотили по потолку трюма, кричали, требовали объяснений. Все было напрасно...

Прошло несколько томительных часов, и вдруг все явственно услышали шум винтов парохода. Задрожал корпус судна, и пол под ногами людей качнулся... Было ясно, что судно плывет. Но куда?

Все выяснилось минут через тридцать. Люк открылся, и в его квадрате показалась улыбающаяся холеная физиономия американского офицера.

— Вы можете выйти на палубу,— с вежливой издевкой произнес он.— Послать салют солнечной Италии.

Алексей вместе со всеми выскочил наверх, щурясь от яркого солнца.

За время их заточения в трюме американцы обтянули палубу судна колючей проволокой, за которой стояли ухмыляющиеся солдаты с автоматами.

— Куда вы нас везете? — раздались возмущенные возгласы на всех славянских языках.— Что это значит?

Щеголеватый офицер поднял руку, призывая к тишине:

— Сейчас вы плывете в Африку. А из Африки каждый поедет куда надо,— и махнул рукой, показывая этим, что разговор окончен.

Корабль взял курс на Порт-Саид.

Пришла ночь. Темно-синие волны прыгали, будто под каждой из них взрывался небольшой снаряд. По всей линии песчаного берега светились яркие электрические огни. Далеко в море был

виден мигающий глаз маяка. То вспыхивал, то гас его огонек. Среди разорванных и бешено несущихся облаков появилась луна и залила все таинственным полусветом.

Утро они встретили уже в открытом море. В тесных каютах было душно, и Кубышкин решил выбраться на палубу. Он пошел наверх по крутым ступенькам вслед за каким-то высоким парнем. В походке, в посадке головы этого человека что-то показалось щемяще знакомым. Алексей ускорил шаги, чтобы взглянуть в лицо незнакомцу.

Неужели?.. Да, конечно же, это он — Николай Остапенко!

Алексей так ударил друга по плечу, что тот испуганно присел.

— Здорово, Николай!

Остапенко застыл на несколько секунд неподвижно, а потом принялся радостно тискать Алексея в объятиях.

— Как ты сюда попал? — спросил он, наконец.

Алексей рассказал свою невеселую историю и тут же поинтересовался, какими судьбами попал на этот пароход Николай.

— Тебя взяли американцы,— ответил Николай,— а меня англичане. Им, чертям, разве докажешь, что ты русский партизан, что ты борешься с фашистами! Засадили в лагерь, да еще издевались. Один раз я даже в карцер угодил: дал в морду сержанту, который говорил, что Россия погибла бы без Англии и Америки.

— Ну, ничего,— сказал Алексей.— Будем бороться за возвращение на Родину.

Кубышкин попал в лагерь для военнопленных в

местечке Джинейфа возле города Исмаилия, на берегу Больших горьких озер (на Суэцком канале).

Медленно тянулись месяцы напряженного ожидания. И вот, наконец, по лагерю разнеслась радостная весть: из Италии прилетели полковник П. Г. Белобоков и майор В. И. Титов — будут репатриировать русских военнопленных.

Это было в марте 1945 года. Около лагеря, оцепленного американскими мотоциклами, поставили большой стол. Перед строем русских военнопленных полковник Белобоков произнес речь.

— Друзья,— сказал он,— вас ждет Родина, ждут отцы, матери, жены... Кто желает вернуться?

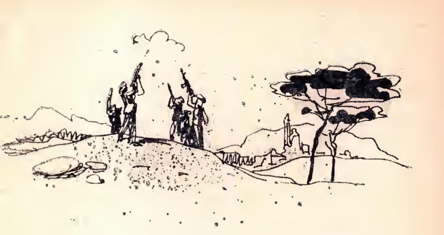
Почти весь строй сделал три шага к столу. Только жалкая кучка, человек пять, осталась неподвижной. К ним сразу кинулись американские офицеры, репортеры различных газет. Защелкали фотоаппараты. Но еще трое русских вышли из кольца американцев и присоединились к большинству.

Видя, что испробовать «американского рая» захотели только двое, американский генерал пожал плечами.

— Ну что же, мы сделали все, что могли. А этим,— он кивнул в сторону отщепенцев,— выдать документы для выезда в Соединенные Штаты.

Долгий путь русских, непоколебимо решивших возвратиться на Родину, прошел через Каир, Каспийское море, Баку, Урал.

— Вот так я, наконец, и попал домой,— закончил свой рассказ Кубышкин.

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

Давно уже остыл самовар, давно крепким сном спят дети гостеприимных хозяев.

— И все-таки мне неясно, Алексей Афанасьевич, как вы «очутились» в саркофаге? Как получилось, что вам, живому, поставили памятник?

Он сдержанно улыбается, потом не спеша отвечает:

— Во-первых, когда немцев выгнали из Рима, меня среди освобожденных не оказалось... Во-вторых, я не мог прийти после освобождения Рима на виллу Тай, куда собрались тогда все римские подпольщики и русские партизаны. Меня среди них не было. И мои товарищи подумали: «Кубышкин не пришел — значит, он расстрелян»...

Больше всех уверяла в том, что я расстрелян, Вера Михайловна Долгина — бесстрашная подпольщица; с ней мы встречались не раз в небольшом баре Альдо Фарабуллини. Через нее и Фарабуллини, этого замечательного товарища, умелого конспиратора, мы держали связь с римскими коммунистами. После отъезда русских военнопленных из Рима она убедила итальянцев в том, что вместе с Галафати был расстрелян и русский моряк Кубышкин.

Вот так и получилось, что почти рядом с саркофагом Галафати — он под номером триста тридцать два — оказался и «мой» саркофаг — триста двадцать девятый.

Кроме того, в ночь на двадцать четвертое марта, когда нас с Николаем Остапенко вели по коридору тюрьмы, узники, оставшиеся в камерах, видели нас. И, конечно, решили, что нас тоже повели на расстрел. Своими рассказами они потом и убедили Веру Михайловну Долгину...

То ли вспомнилась Кубышкину духота камеры Реджина Чели, то ли слишком накурено было в комнате — он поднялся и открыл форточку. Свежий ночной ветерок колыхнул занавеску.

— Да, жаль, что мне не пришлось встретить победу со своими товарищами по отряду. Это был настоящий праздник,— тут Алексей Афанасьевич встряхнулся, словно отгонял от себя все тяжелые воспоминания, и широко улыбнулся:

— Кстати, я имел бы возможность увидеть самого папу римского.

— Папу Пия двенадцатого? Каким образом?

— Я уже потом узнал, что наш доктор соб-

рал группу партизан и пошел в резиденцию папы. Над отрядом гордо развевалось красное знамя. Представляете,— в Ватикане красное знамя!.. Папе ничего не оставалось делать, кроме как принять и благословить партизан. Впрочем, мы-то знали, что означает папское благословление. Тот же самый папа Пий благословлял орды Гитлера и Муссолини. Но после войны эта старая лиса поняла, откуда дуют ветры, и принялась наживать новый моральный капиталец. Волей-неволей ему пришлось тогда пробормотать несколько слов о мире...

Кубышкин на минуту смолкает и неподвижно смотрит перед собой. Мне кажется, он думает в эту минуту о своих павших друзьях... Уже другим, глуховатым и жестким голосом Алексей Афанасьевич говорит:

— Но ни один из тех садистов, которые мучили и расстреливали моих друзей, не ушел живым! Они не ушли от справедливого возмездия. Находясь в плену у американцев, я узнал все о них подробно.

...Выполняя приказ вождя итальянских коммунистов Луиджи Лонго, 24 апреля 1945 года партизаны начали бои за освобождение Милана. Бригада чернорубашечников и части личной гвардии Муссолини сдавались или спасались бегством, удирая к швейцарской границе. Переговоры с Комитетом Национального Освобождения, которые велись при посредничестве кардинала Шустера, провалились. Муссолини прихватил с собой золото итальянского банка и свою любовницу Кларетту Петаччи, бежал в сопровождении беспорядочного кортежа фашистских заправил и эскорта немецких

эсэсовцев на броневиках к швейцарской границе. Вместе с ним искал спасения и Пьетро Кох.

Их преследовал посланный из Милана партизанский отряд под командованием коммуниста Вальтера Аудизио, известного тогда под именем «полковника Валерио». Аудизио было приказано поймать Муссолини и казнить.

27 апреля в 8 часов утра колонна убегающих фашистов была остановлена близ маленького селения Донго. Хотя Муссолини был переодет в немецкую форму, его опознали и расстреляли вместе с его метрессой и двенадцатью главарями «республики Сало».

Трупы Муссолини, Петаччи, Пьетро Коха и других казненных фашистов были доставлены в Милан. Там их повесили вниз головами на площади Лоретто, на том самом месте, где итальянские фашисты и нацисты совершили одно из своих последних кровавых преступлений — расстрел группы заложников.

Не ушел от народного гнева и Пьетро Карузо, начальник римской полиции, который в дни ардеатинской трагедии составлял списки заложников, обрекая их на смерть. Спасаясь от народного гнева, он бежал, но в восемнадцати километрах от Рима его задержал партизанский патруль, доставил в город и передал в руки правосудия. Карузо приговорили к смертной казни и расстреляли в крепости Бравета.

С начальником тюрьмы Реджина Чели — Донато Каретта — расправился сам народ. 19 сентября 1944 года его опознали родственники погибших в Ардеатинских пещерах и произвели над ним са-

мосуд — возле моста Умберто бросили в Тибр, а потом труп повесили на ограде Реджина Чели. Собаке — собачья смерть!..

А вот фельдмаршал Кессельринг ушел от возмездия. За кровавые преступления, совершенные им в Италии, он был приговорен английским военным судом к смертной казни. Но через два месяца расстрел был заменен пожизненным тюремным заключением. Прошло лишь несколько лет, и оккупационные власти... выпустили фельдмаршала из тюрьмы, предоставив ему полную свободу действий. Он понадобился Соединенным Штатам для обобщения опыта гитлеровской армии во второй мировой войне. Недавно он опубликовал свои мемуары «Солдат до конца своих дней». Им больше подошло бы название: «Палач до конца своих дней»...

— А где теперь ваши спасители? — спрашиваю я у Кубышкина.

— Тюремщик Сперри в Риме... Вскоре после того, как меня и Остапенко увезли из тюрьмы, в ту же тюрьму были посажены Павел Лезов, Иван Румянцев, Петр Самец, которые были арестованы в Риме. Но за два дня до прихода в Рим союзников им удалось из тюрьмы бежать. И помог им в этом тот же самый Сперри.

А вот смелый чех, вскоре после того, как нас с Остапенко увезли из тюрьмы, попался в лапы немецкой разведки. Его увезли в Берлин, мучили в подвалах гестапо, но какова его дальнейшая судьба, не знаю.

Вагнера я тоже совсем потерял из виду... Очень жаль, конечно!

А наш дорогой Алексей Владимирович Исупов умер 17 июля 1957 года в Риме. Хотя он и не смог вернуться в Россию, но до конца дней сохранил любовь к Родине. После его смерти Тамара Николаевна передала в дар Третьяковской галерее лучшие картины мужа. Среди них есть и те, которые мне посчастливилось увидеть еще на итальянской земле. Недаром, прощаясь с нами, Алексей Владимирович сказал: «Вы еще увидите мои полотна на родине».

Бессонный — наш испытанный связной — сейчас пенсионер, живет в Киеве. У него нет семьи, но он считает своими братьями боевых товарищей, в судьбе которых сыграл такую важную роль. Многих из них он разыскал за эти годы, не раз встречался с ними. Ему регулярно пишут письма и Коляскин, и Тарасенко, и Конопелько, и я.

— Как бы я хотел пожать руки всем, кто остался в живых, всем моим друзьям, которых я обрел вдали от Родины! — задумчиво произносит Алексей Афанасьевич.— И еще я хотел бы поклониться саркофагу, где погребен Галафати, и саркофагу номер триста двадцать девять. По всей вероятности, там лежит тот русский, которого я видел в ту страшную ночь... Как видите, не Кубышкин, но какой-то другой русский похоронен рядом с итальянскими друзьями. Вот узнать бы — кто?..

— А как сложилась судьба Маши? — спросил я.

— Когда я приехал домой, к матери, сразу же, конечно, задал вопрос: «Ну, а как тут Маша?» — Кубышкин нервно закурил.— И мать рассказала... Как только немцы подошли к Орловской области, Маша с комсомольцами Мценска ушла в один из

партизанских отрядов. Она отлично знала немецкий и в отряде была переводчицей.

Однажды партизаны попали в засаду. Был большой бой. И в этом бою Маша погибла... Погибла недалеко от той речки, где мы с ней встречались до войны... Вот так...

Кубышкин замолчал. Потом тихо, словно разговаривая сам с собой, произнес:

— У Юлиуса Фучика я прочитал замечательные слова: «Пусть же павшие в бою будут всегда близки нам, как друзья, как родные, как вы сами!». Именно так должно быть. Для всех, кто остался в живых...

РОДНОЙ ДОМ

Зимнее солнце медленно поднимается из-за невысоких гор. Кругом чуткая тишина, и от этого особенно звучно и приятно похрустывает под ногами снег.

От дома до каменного карьера — полтора километра. Алексей привык ходить на работу пешком: приятно вдыхать полной грудью свежий воздух, да и есть время, чтобы поразмыслить, обдумать что-либо...

Вот уже одиннадцать лет работает он бурильщиком в каменном карьере, где добывают гранит для Березовского завода железобетонных конст-

рукций. Он полюбил свою профессию, сумел найти «живинку» в этом деле.

Алексей глядит на часы и прибавляет ходу. Ему хочется застать сегодня экскаваторщика из третьей смены, который работает в его забое. Этот парень вчера «наломал дров» — переворошил всю груду негабаритов, которые были уже пробурены. Получилось, что труд, затраченный звеном Кубышкина, был сведен почти на нет. Правда, в материальном отношении звено не пострадало: работа уже зачтена им. Но разве дело только в этом? Звено Кубышкина борется за звание коммунистического. А один из пунктов их обязательства гласит: «Бороться за экономию рабочего времени, за экономию горючего для компрессора, за долгую сохранность рабочего инструмента». А сколько понадобится сил и времени, чтобы снова пробурить эти перевернутые негабариты?!

Вот и контора. Алексей с трудом открывает примерзшую дверь, и в коридор врываются белые клубы морозного воздуха. В коридоре стоит и курит парень в черной меховой шапке-ушанке. Заметив вошедшего, он торопливо бормочет приветствие и хочет выскользнуть за дверь.

— Постой-ка, дружок! — Кубышкин решительно положил руку на плечо парня.— Долго будешь портить работу?

— Да ведь темно было,— начал оправдываться экскаваторщик.— Ночью не разберешь, сделаны шпуры или нет.

— А все-таки надо разбираться.

— Больше не повторится!

— Ну смотри. Верю, что просто ошибка вышла.

Алексей облегченно вздыхает. Ему самому неприятно вести этот разговор. Куда легче говорить человеку что-нибудь приятное, хорошее. Но парня нужно поправить.

В карьере знают, что Кубышкин не любит говорить намеками, а всегда выкладывает правду и сам старается быть чистым перед своей рабочей совестью. В конторе висит доска лучших производственников карьера, где ежедневно проставляется результат работы каждого. На ней постоянно можно видеть и фамилию Алексея Кубышкина, выполняющего норму выработки на 135—140 процентов.

В конторке становится шумно: собираются рабочие первой смены.

И вот рабочий день начинается. Сердито, словно жалуясь на крепость камня, жужжат перфораторы, вгрызаясь в твердый гранит. Бурильщики теперь до самого перерыва не выпустят из рук бурильных молотков. Никаких остановок, никаких перекуров — таков неписаный закон их звена.

Одиннадцать лет Кубышкин чувствует в своих руках упругое дрожание перфоратора, неподатливость и сопротивление гранита. Не каждому по плечу такое единоборство. Бывает, что пасует человек перед камнем, отступает. Проработает какой-нибудь новичок месяца два, а потом, глядишь,— уже обходной листок заполняет. Но Кубышкин привык к борьбе. Он знает, что настоящее в жизни легко не дается.

...В двенадцать раздается вой предупреждающей сирены. Это значит, что сейчас недалеко отсюда будут произведены взрывы пробуренных скважин.

Кубышкин выключает перфоратор и кивает товарищам: надо уходить в укрытие.

Через несколько минут воздух содрогается от мощных взрывов гранитных пластов. Столбы пыли и дыма поднимаются кверху. Красивое зрелище! Кубышкин видит его почти ежедневно. Но всегда — с удовольствием. Ведь это не взрывы бомб, не страшные шквалы войны. Нет! Это мирные взрывы, и чем больше их будет, тем крепче станет страна, тем спокойнее будут спать дети... Им теперь бояться нечего.

И вот он идет домой. Конечно, немного устал, но это приятная усталость хорошо потрудившегося человека. Вот и дом его под номером тринадцать. Число несчастливое,— говорит кое-кто. Но Алексей не верит в приметы.

Семья у Кубышкиных немалая — семь человек. Большой, просторный дом Алексею Афанасьевичу помог построить завод. Ему привезли гранитные блоки, смонтировали их, выделили нужные пиломатериалы. Не хватило у Кубышкина денег — завод дал ссуду.

Едва Алексей Афанасьевич заходит в дом, его шумно окружают дети: четырехлетняя черноглазая Оля, шестилетний крепыш Коля и спокойная рассудительная восьмилетняя Танюша.

— Дайте мне хоть умыться, стрижи!— весело смеется Алексей, ласково отстраняя их.

Он умывается, а потом со всей ватагой направляется на кухню, где около раскаленной плиты хлопочет жена.

— Ну, что у нас имеется на сегодняшний день? Пельмени? Неплохо!..

После обеда опять все собираются в большой комнате. И тут начинается «вечер вопросов и ответов»: количество детских «почему?» и «зачем?» поистине неисчерпаемо.

Из школы возвращаются еще двое: шестиклассник Шура и десятилетняя Ира — третьеклассница. Оба учатся в школе с продленным днем.

За окном быстро, по-зимнему густеют сумерки. В квартире тепло и уютно. Задумавшись, сидит у телевизора Кубышкин...

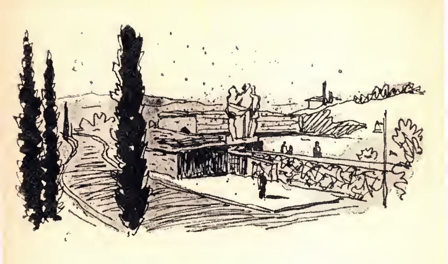
А в воскресные дни Алексей Афанасьевич не любит оставаться в домашних стенах. С детских лет заполнила его душу любовь к природе, и никакие жизненные бури не смогли погасить в его сердце этой любви. Во всякое время года русский лес не теряет для него своей прелести и красоты.

Любит Алексей побродить по лесу и поздней осенью, когда с тихим шелестом падают пожелтевшие листья, когда над поредевшим лесом с прощальным курлыканьем пролетают журавли, и в лесу наступает грустная тишина.

Мила ему и весна с ее яркостью и свежестью красок, с многоголосым щебетаньем вернувшихся на родину птиц, с бодростью ветерка, пробегающего по зеленой листве с такой упругой силой, точно он дует в паруса, с изумительной синевой майского неба. Забредет Алексей воскресным днем на лесную лужайку, запрокинет голову, глянет в эту синеву — и покажется ему на миг, что не в небо глядит, а в опрокинутый над головой огромный синий безбрежный океан...

А в ясное зимнее воскресенье попробуй удержи Алексея дома! Снимет он с гвоздя ружье, наденет

лыжи — и пошел между соснами, прислушиваясь к скрипению снега да к чуткой тишине леса. Или возьмет удочку, пойдет на озеро и сядет возле лунки в трепетном ожидании счастливой минуты, когда леса чуть дрогнет и этак косо, косо пойдет в сторону...

20 ЛЕТ СПУСТЯ

Морозным белесоватым утром в ноябре 1963 года Алексей Кубышкин, как всегда, пришел в забой и, взвалив на плечи тяжелый бур, коротко бросил друзьям по бригаде:

— Пошли, ребята. Время.

Тут он взглянул на лица бурильщиков и остановился, озадаченный:

— Что вы так на меня смотрите, будто я только что из космоса вернулся?

— А ты вчерашние «Известия» читал? — вопросом на вопрос ответил Петр Комаров.

— Нет. А что там? Неужели уже успели статью сочинить? Ведь вроде совсем недавно корреспонденты были здесь. Ох, и дотошные ребята!

Комаров протянул Кубышкину номер газеты и укорил:

— И зачем было скрытничать, Алексей? Хоть нам бы рассказал о своих итальянских приключениях.

— А разве я сделал что-нибудь особенное? Мало ли наших ребят партизанило в Италии!..

Но уральцы думали по-другому. Очерк в «Известиях», корреспонденция по радио стали широко известны, и теперь многие захотели увидеть своего земляка, сражавшегося в далекой средиземноморской стране. В небольшой городок Березовский полетели десятки писем со всех концов Урала, да и не только с Урала — со всей страны.

Приглашений много. Алексею Афанасьевичу пишут строители большой химии из Тюмени, шахтеры Караганды, горняки Североуральска, машиностроители Новосибирска, матросы Балтики, пионеры Киева.

Однажды майским вечером Алексей Кубышкин выступал перед молодыми машиностроителями Красноуральска.

Совсем недавно он вернулся из Москвы, а там произошел один значительный, до слез взволновавший Кубышкина эпизод. В музее Советской Армии, в одном из его отделов, хранится знамя русских партизан, сражавшихся в Италии. Когда сотрудник музея снял с него чехол и расправил алое полотнище, что-то колыхнулось в груди Алексея Афанасьевича, горячая волна захлестнула сердце —

Кубышкин молча преклонил колено и так застыл у боевого партизанского стяга, русского, советского стяга, который на земле далекой Италии сплотил славных сынов России...

Сейчас, вспоминая об этом, Алексей Афанасьевич вновь переживал волнующие эпизоды партизанской борьбы, и все рассказывал, рассказывал молодым о том, как и за рубежами советской Родины сражались с проклятым фашизмом их отцы и старшие братья.

Рассказ был подробным, и все же немало вопросов задали юноши и девушки бывшему партизану. Он ответил, казалось, уже на все — и готовился попрощаться с любознательными слушателями, когда к сцене пробилась маленькая, необычайно серьезная девушка.

— Скажите, товарищ Кубышкин,— тоненьким голоском проговорила она.— А итальянцы помнят о тех, кого расстреляли в этих... в Ардеатинских пещерах?

Алексей Афанасьевич ответил негромко, но в зале было так тихо, что даже те ребята, которые стояли далеко, отчетливо слышали каждое его слово.

— Да, народ Италии не забывает о тех, кто 24 марта 1944 года погиб в Ардеатинских пещерах. В этом году исполнилось двадцать лет этой трагедии. Народ Италии почтил память погибших грандиозным шествием. Более двадцати тысяч римлян и жителей других городов пешком двинулись к мавзолею, где покоятся тела трехсот тридцати пяти жертв нацизма.

В этот день в Риме были возложены венки у

сорока́ шести мемориальных досок, прикрепленных к стенам домов, где жили когда-то те, кто пал от руки палачей в памятный мартовский день.

Обширное помещение мавзолея и близлежащие холмы были заполнены народом...

Один из слушателей — спортивного вида парень в тесноватом для его плеч костюме — спросил:

— А правительство Италии разрешило это шествие?

Алексей Афанасьевич кивнул.

— Да, правительство Италии не могло не видеть, что трудящиеся чтут память погибших и что в стране очень сильны антифашистские настроения. Вот почему в шествии даже приняли участие президент, премьер-министр, кардиналы и прочие официальные светские и церковные чины. Но главными организаторами шествия были, конечно, командиры и бойцы итальянского Сопротивления, ассоциация итальянских партизан, среди которых очень много членов Коммунистической партии Италии.

Почтить память патриотов пришли секретарь ЦК Итальянской компартии Луиджи Лонго, видный общественный деятель — коммунист Джорджо Амендола, бывший одним из организаторов и руководителей вооруженной борьбы с фашистами в Риме, и другие товарищи. Среди многочисленных венков, принесенных в мавзолей, были венки от Центрального Комитета Итальянской коммунистической партии, от римской федерации компартии, от газеты «Унита».

Собравшиеся у мавзолея люди пришли с лозунгами: «Нет, фашизму!», «В память жертв даем слово беречь традиции Сопротивления!», «Вечная

слава жертвам Ардеатин!». Женщины несли букеты цветов. Во время шествия один из юношей запел партизанскую песню «Свисти, ветер, поднимайся буря»... и все дружно подхватили ее.

Алексей Афанасьевич внимательно оглядел взволнованные лица юношей и девушек.

— Вот, товарищи, пожалуй, и весь ответ на ваш вопрос.

Но та же девушка снова выступила вперед и, словно боясь, что ей могут помешать, выпалила быстро-быстро:

— Я знаю, что в Италии есть фашисты. Я читала в газетах, что они нападают на коммунистов, пытаются взрывать помещения, где собираются члены коммунистической партии. Так вот, не мешали ли фашисты демонстрантам?

Алексей Афанасьевич улыбнулся:

— Нет, открыто они мешать не посмели. А иначе им бы задали хорошую трепку, как уже не раз бывало.

* * *

Нелегкая, но удивительная судьба выпала на долю Алексея Афанасьевича Кубышкина. Война оторвала его от родной земли и бросила далеко за пределы Родины. Там ждали его тяжелые испытания, жестокая борьба с фашизмом. Но не склонил головы русский человек, не пал духом. Пройдя через все невзгоды и неимоверные трудности, он не растерял своих душевных качеств и боролся не только за свою жизнь, но и за то, чтобы жизнь всех людей была счастливой и радостной.

Когда слушаешь рассказы Кубышкина о том, что довелось ему пережить, кажется, будто судьба нарочно провела его через все свои «медные трубы», и огонь, чтобы испробовать и «на разрыв», и «на ржавчину», поглядеть, каков он, этот простой советский человек, на что он способен...

Живучей и стойкой оказалась душа советского моряка. Она победила даже смерть!..

Теперь Алексей Кубышкин, как и миллионы советских людей, занят мирным созидательным трудом. Он маленькая капля большого моря, частица того великого народа, который беспрестанно удивляет мир, преобразуя его.

Как участник этого величайшего созидательного подвига, Алексей Кубышкин вместе со своим народом может сегодня с гордостью сказать, перефразируя слова великого поэта:

— И пусть нам общим памятником будет
Построенный с боями коммунизм!

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

История не может долго хранить свои тайны. Иногда, случается, что судьбы людей проясняются спустя много лет... Герои без вести не пропадают. Вести о них лишь задерживаются. Порой оказываются живыми те, кого давным-давно считали погибшими, затерявшимися на трудных дорогах войны...

Вблизи знаменитой Аппиевой дороги, ведущей к Риму, высится величественный памятник бойцам Сопротивления фашизму. Под ним, в нише молчаливых Ардеатинских пещер, установлены 335 саркофагов, высеченных из застывшей лавы Везувия. И на одном из них — фамилия русского матроса, о котором в Италии слагают легенды. А он, этот человек, чья жизнь действительно похожа на легенду, оказывается, жив и продолжает трудиться...

О разгаданной тайне римского саркофага, связанной с удивительной, полной подвигов жизнью Алексея Кубышкина, и написана эта повесть.

На первый взгляд, многие ситуации повести могут показаться надуманными. Столько неожиданных поворотов и столкновений в судьбе одного советского матроса Алексея Кубышкина! И в то же время — все это было в действительности.

В основе сюжета — подлинные события, конкретные факты антифашистской деятельности русских партизан в Италии, трагическая гибель бойцов Сопротивления в Ардеатинских пещерах.

Автор книги Афанасий Кузнецов — участник Великой Отечественной войны, по образованию — историк,— уже

в течение длительного времени занимается изучением истории итальянского движения Сопротивления.

Он дважды побывал в Италии, ознакомился с документами, повстречался с некоторыми участниками описываемых событий. Результатом этого явилась небольшая книжка, выпущенная издательством «Советская Россия» в 1963 году. Но на этом работа автора над темой не закончилась. Им были использованы книги и документы, найдены новые материалы, организованы встречи с советскими партизанами, действовавшими в Италии. Собраны многочисленные письма живых участников этих героических событий. Из этого, однако, не следует делать вывод, будто «Тайна римского саркофага» является историческим исследованием.

Автор «Тайны римского саркофага» не ставил перед собой цель воссоздать грандиозную картину итальянского движения Сопротивления. Положив в основу своего повествования отобранные факты одного из эпизодов второй мировой войны, он умело переплел судьбы вымышленных и истинных героев с борьбой итальянского народа против фашизма, в то же время использовал право на авторский домысел, на творческую фантазию, оставаясь при этом верным исторической правде.

Интересный сюжет, хорошее знание автором фактического материала, раскрывающего героическую борьбу антифашистов с «коричневой чумой», наконец, сама жизнь героя повести, полная героики и драматизма,— все это, несомненно, привлечет внимание читателей книги.

Когда эта книга была уже подписана в печать, пришло радостное сообщение: в дни 20-летия нашей великой победы над фашизмом среди других героев Родина отметила и А. А. Кубышкина — он награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Ол. КОРЯКОВ

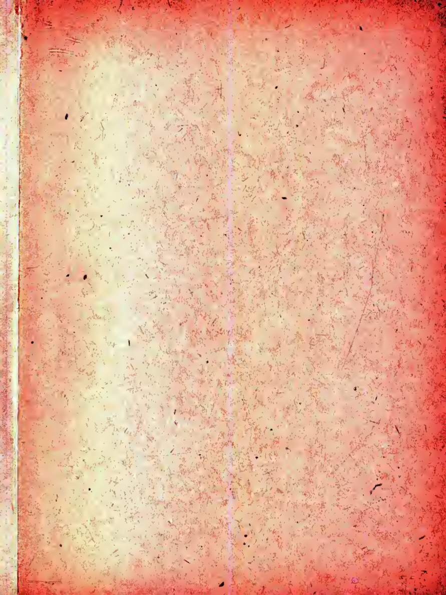
ОГЛАВЛЕНИЕ

АФАНАСИЙ СЕМЕНОВИЧ КУЗНЕЦОВ

Тайна римского саркофага

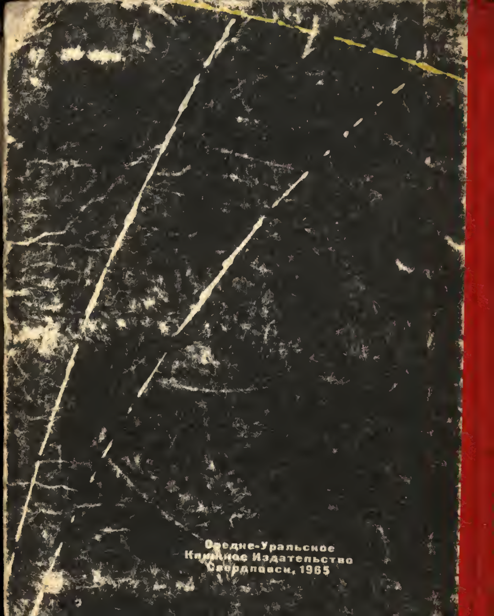
Редактор Н. КУШТУМ
Художник В. БУБЕНЩИКОВ
Художественно-технический редактор Я. ЧЕРНИХОВ
Корректоры С. НИЗОПА и М. КАЗАНЦЕВА

Подписано к печати 26/IV 1965 г. Формат 70×108/32=
=4 бум. л.— 11,2 печ. л. Уч.-изд. л. 9,77. НС 24218.
Тираж 100 000. Заказ 948. Изд. № 341. Цена 39 коп.
Средне-Уральское Книжное Издательство,
Свердловск, 14, ул. Малышева, 24.
Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.

Средне-Уральское
Книжное Издательство
Свердловск, 1965